

СВЯЩЕННИК
СЕРГИЙ ЖЕЛУДКОВ

ЛИТУРГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Священник Сергей Желудков

ЛИТУРГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ПЕРЕПИСКА
ПИСЬМА
ВОСПОМИНАНИЯ

Sam & Sam
Москва 2017

ББК 87.3
Ж 48

Ж 48 Желудков Сергей, свящ. Литургические заметки. Переписка, письма, воспоминания. — Сост., вступ. статья С. С. Бычкова. — Изд. 3-е, исправленное и дополненное. — М.: Sam & Sam, 2017. — 400 с.

Священник Сергей Желудков (7.06.1909–30.01.1984) направил первый вариант «Литургических заметок» в «Календарно-богослужбную комиссию» при Священном Синоде. Ее высоко оценил архиепископ Афанасий (Сахаров), ныне причисленный к лику святых. Работа получила благоприятную оценку профессора МДА Д. П. Огицкого. В самиздате значительно дополненная и переработанная книга появилась в 1973 году. Частично опубликована в «Вестнике РХСД» в 1972–1973 годах (№№ 103–107).

Искренне и нелицеприятно обсуждает автор «Заметок» насущные проблемы православного богослужения. На основании собственного опыта — и священника, и прихожанина, — опираясь на труды российских литургистов прошлого, он размышляет о том, как достигнуть осознанного молитвенного служения в православном храме.

«Я НЕ МОГУ ЖИТЬ БЕЗ ДИАЛОГА»

I

С отцом Сергием Желудковым я познакомился осенью 1967 года во время одного из его приездов в Москву в семье прихожан отца Александра Меня. Поскольку мне тогда негде было жить, меня временно приютила мать Ксении Покровской — Татьяна Евгеньевна Белякова. Она с младшим сыном Петей жила неподалеку от Садового кольца, на улице Чехова, в самом центре Москвы. Татьяна Евгеньевна была добрейшей женщиной, но глубоко несчастной. Ее младший сын, Петя, попал в компанию смогистов, которые вели богемный образ жизни. Она постоянно вытаскивала его то из одной сомнительной ситуации, то из другой. Иногда он пропадал на несколько дней, и тогда она не находила себе места. Старший сын, Женя, красавец, любимец женщин, молчаливый, ревновал мать к брату. Ее дочь Ксения вышла замуж за физика Льва Покровского, родила несколько детей, но жили они отдельно. Оба были прихожанами отца Александра. Татьяна Евгеньевна была воспитана в советском духе, и убеждений дочери и зятя не понимала, хотя к отцу Александру относилась с любовью. Ксения слевой летом снимали дачу в Тарасовке, где служил отец Александр. Он часто захаживал на дачу к Покровским. Там же можно было встретить его прихо-

Родители отца Сергия — Александра и Алексей Желудковы
с сыном Иваном. 1897 г.

жан — Михаила Аксенова-Меерсона, Женю Барабанова, Александра Юликова, Александру Цукерман-Чуликину, Женю Березину, Сергея Хоружего. Миша Меерсон тогда трудился над переводом книги Николая Зернова «Русский религиозный ренессанс». Он раздал по главе каждому из прихожан, кто владел английским. Мне тоже досталась глава, и я мучительно пытался переводить ее, поскольку не владел тогда религиозной терминологией. На даче у Покровских бывал в свои приезды в Москву и отец Сергей Желудков. Там произошло наше знакомство. Мне трудно сейчас понять, чем я мог привлечь его внимание. Но он потечески терпеливо относился ко мне, и мы часто дискутировали на догматические темы. Поражаюсь, как у него хватало терпения выслушивать мои юношеские сомнения и рассуждения о высоких материях, в которых я тогда мало смыслил. Тем не менее он радушно встретил меня, когда летом 1968 года я вынужден был покинуть Москву, и приютил меня в Пскове.

II

Будущий священник Сергей Желудков, религиозный мыслитель и реформатор, родился 7 июля 1909 года в Москве, в купеческой семье, известной своей преданностью Православию. Он был шестым ребенком. Кроме него в семье было 4 брата и 2 сестры. Один из братьев стал крупным энергетиком, участвовал в разработке плана ГОЭЛРО. Одна из сестер вышла замуж за работника торгпредства и уехала с ним во Францию. Там воспитывались ее дочери, племянницы Сергея Алексеевича. После окончания VIII класса общеобразовательной школы в 1926 году Сергей Алексеевич начал посещать вольнослушателем обнов-

ленческую Духовную академию в Москве. Тогда это было единственное учебное заведение, в котором можно было получить духовное образование. Для него это были годы напряженных духовных поисков, встреч с людьми, углубленного самообразования. Это был период духовных исканий русской интеллигенции, вернувшейся в лоно Церкви, и он наложил неизгладимый отпечаток на будущего священника. Сергей Алексеевич позже вспоминал, что возвращаясь из Академии, часто заходил в мастерскую архитектора Жолтовского, с которым вел длительные беседы. Интерес к архитектуре сохранился у него на всю жизнь. В 1930 году он был вынужден прервать образование в Духовной академии — условия жизни не позволили ему учиться. Работал сначала десятником, потом техниконормировщиком в различных строительных организациях. С 1933 по 1935 трудился техником, а затем старшим экономистом сметного отдела на строительстве Байкало-Амурской магистрали, которое осуществлялось ОГПУ-НКВД. Магистраль строилась руками заключенных, и школа жизни, которую он прошел совсем молодым, стоила многого. Он не любил вспоминать эти страшные годы. Ведь он работал «вольняшкой», когда другие «тянули срока». А если и вспоминал, то больше рассказывал не о себе, а людях, которых встречал на своем пути. В годы войны был старшим, а затем главным бухгалтером Мостотреста Наркомата путей сообщения. В действующую армию специалистов из НКПС не брали — работа эта приравнивалась к службе в армии. Сергей Желудков участвовал в возведении мостов в Сибири через Енисей, на Кавказе через Куру, в Магнитогорске и Свердловской области.

Осенью 1945 года он оставил светскую службу и стал псаломщиком Знаменского храма в Верхнем Тагиле.

Семья Желудковых. В центре — Сергей Желудков. 1911 г.

22 мая 1946 года епископ Свердловский и Ирбитский Товия (Остроумов) рукоположил его во иерейский сан (целибатом — он был холост, но монашеский путь служения был ему чужд). Отца Сергия назначили третьим священником Всехсвятского храма города Свердловска. Здесь он прослужил два года и был направлен настоятелем в Знаменский храм Верхнего Тагила. В течение 6 лет служил в различных храмах Свердловской епархии. В 1952 году поступил в III класс Ленинградской семинарии и блистательно закончил ее в июне 1954 года. В этом же году был назначен настоятелем Никольского храма в Любятове, в Пскове. С этим храмом связана вторая половина его жизни.

В 1959 году его прихожанка в Великих Луках, с детских лет страдавшая заболеванием позвоночника, чудесным образом выздоровела после того, как ее под руки провели

Сергей Желудков. 1930 г.

вокруг часовни блаженной Ксении Петербургской. С тех пор она стал ходить. Девушку обвинили в распространении ложных слухов, завели против нее уголовное дело. По своему темпераменту отец Сергей был борцом за правду и справедливость. Пытаясь защитить ее, он обратился в ряд высоких инстанций. Более того, направил рапорт на имя Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия I: «...в сентябре сама больная и близкие к ней люди, посещая храм, неоднократно сообщали мне, что больная подвергается тайным преследованиям и даже насилиям со стороны местных работников государственной безопасности, которые будто бы вынуждают ее отречься от своих религиозных убеждений. Будучи глубоко взволнован этими сообщениями, я по долгу совести обратился с жалобами в Центральный и областной комитеты КПСС, а также в центральный и областной органы государственной безопасности, с копией, конечно, моему епископу...»

Вряд ли соотечественники, жившие в те страшные годы, смогут забыть их. И смогут ли понять атмосферу скрывающегося, жуткого страха поколения, которые выросли после крушения СССР? Кары обрушились на голову непокорного священника. Как он осмелился пожаловаться на действия госбезопасности? Отца Сергея отстранили от священнического служения, возбудили против него уголовное дело о клевете. К счастью, дело вскоре прекратили, но справку о регистрации, без которой ни один священник не мог служить на территории СССР, отобрали. Отец Сергей принадлежал к категории «неудобных людей». Его «обличали» за неуживчивость даже собратья-священники. Лишь два года прослужил он в Любятове. 10 января 1956 года был уволен за штат. Потом были попытки служить в Смоленске, в кафедральном соборе (с 24 апреля

1956 по 1 января 1957 года), Веневе, Тульской епархии (с 15 мая 1957 по 8 января 1958 года), и, наконец, в Великих Луках (с 14 ноября 1958 по 9 февраля 1960 года), где произошло его столкновение в разгар «хрущевских» гонений на Церковь с властью предрезающими. После этого он единожды попытался устроиться и подал прошение во Владимирскую епархию. В марте 1960 года был назначен священником в погост Заболотье, но прослужил лишь три месяца, после чего был запрещен в священнослужении. Неоднократно пытался восстановить регистрацию, но все его попытки завершились неудачей. Он смирился, оформил мизерную пенсию (60 рублей), хотя хлопоты длились несколько лет.

В годы «хрущевских» гонений он активно выступал в защиту Церкви. Только за полгода, с октября 1958 по май 1959 года отпало от Церкви 9 известных православных христиан, среди них — профессор Ленинградской Духовной Академии Александр Осипов и молодой богослов из Саратовской семинарии Евграф Дулуман. Заявил о своем отходе от Церкви и священник Павел Дарманский, с которым отец Сергей учился в Ленинградской духовной семинарии. Он опубликовал в советской прессе статью «Почему я порвал с религией». Отец Сергей счел своим долгом ответить бывшему соученику. Так в Самиздате (отступники получили возможность открыто выступать со своими разоблачениями в советской прессе, тогда как верное Церкви духовенство не имело такой возможности) появилось первое его публичное выступление, обращенное к ренегату Дарманскому. Хотя оно не было подписано, подавляющее число духовенства прекрасно знало автора.

В своем письме отец Сергей писал: «...Нельзя научно доказать бытие Божье. Но нельзя научно доказать

Священник Сергей Желудков среди прихожан.
Начало 50-х годов

и обратного. Какая свобода для нашего выбора!» Отвечая на упреки Дарманского в адрес духовенства, отец Сергей глубоко заметил: «...если мы ведем себя недостойно, то это обратным способом показывает глубочайшую жизненность и правду святости, которая не умирает в душе народа вопреки всему нашему достоинству. Но я лично знаю и Вы лично знаете многих священников, которых Вы незаслуженно оскорбили этим заявлением*». А в 1968 году отец Сергей выступил с открытым письмом к правозащитнику Павлу Литвинову, предлагая ему поддержку. Он также обратился с письмом к зарубежным священнослужителям, в том числе к профессору Громадке, который возглавлял международную общественную религиозную организацию — Христианскую мирную конференцию (ХМК) с призывом выступить в защиту политзаключенного Анатолия Марченко и других советских правозащитников. Отец Сергей считал, что границы Церкви гораздо шире, чем это принято считать и включал в Нее всех «людей доброй воли». В письме к Литвинову он так выразил свое мнение: «Сегодня в России очень многие называют себя атеистами только по недостатку образования».

Пик его творческой деятельности выпал на начало 70-х годов. В 1973 году в Германии вышла его книга «Почему и я христианин», этим же годом датирована его работа «Общая исповедь». Протоиерей о. Александр Шмеман в предисловии к книге о. Сергия «Почему и я христианин» написал: «Перед нами свидетельство о возрождении ...религиозной мысли в России. Эта книга оставляет впечатление света, радости, неумиряющей надежды... нашелся брат и друг, с которым, возможно, не суждено встретиться».

* Архив автора.

ся а этом мире, но с которым соединяет неумирающий, единственный, животворный опыт «пресветлой красоты Христовой». В этот же период отец Сергей инициировал переписку между интеллектуалами Москвы и Ленинграда, позже получившую название «Христианство и атеизм». Отрывки из этого объемного труда публиковались в парижском журнале «Вестник русского христианского студенческого движения». В этом же журнале были опубликованы отрывки из его блистательной книги «Литургические заметки». В 1973 году вместе с Анатолием Эммануиловичем Красновым-Левитиным и другими 11-ю советскими интеллигентами он вошел в состав созданной московской группы «Международная амнистия». Так оказалось, что Русская Православная Церковь, которую в те годы все, кому не лень, обвиняли в приспособленчестве и конформизме, была представлена в правозащитном движении священником Желудковым. Его книги до сих пор вызывают споры. Особенно востребованной оказалась его книга «Литургические заметки». Написанная почти полвека назад, она но не только не устарела, но напротив — приобрела актуальное звучание в начале XXI столетия. Она выдержала два издания (первое в 2003 году, второе, расширенное в 2004 году). Я издал эту книгу тиражом в тысячу экземпляров. Летом 2004 года подготовил второе издание, расширив его за счет переписки отца Сергия и его открытых писем академику Андрею Сахарову. Оба издания были мгновенно раскуплены.

Основное его творческое наследие издано уже после крушения СССР. Хотя его «Общая исповедь» несет подзаголовок «Пособие для священников», это скорее вынужденная конспирация советских времен. В те годы, если во время обыска изымалась самиздатская брошюра и на ней

значилось имя автора, его неминуемо вызывали на допрос и даже могли возбудить уголовное дело. Отец Сергей прекрасно понимал это и в этом случае мог спокойно отвечать, что его брошюра адресована только духовенству. Так укрывал свои работы его современник — ученый-химик, христианин-миссионер Николай Пестов. Книга отца Сергея «Почему и я христианин?» — своеобразный полемический вызов английскому философу Бертрану Расселу, издавшему книгу «Почему я не христианин?» и переведенную в СССР, была издана в Западной Германии издательством «Посев» в 1973 году, а затем переиздана в России в 1996 году. Благодаря хлопотам Краснова-Левитина в Швейцарии в 1980 году был издан первый том организованной им с интеллигентами Москвы и Ленинграда переписки под

Священники Александр Мень и Сергей Желудков
(фото Вадима Тарасова)

общим названием «Христианство и атеизм» в Цоликоне. В Брюсселе Кронидом Любарским в 1982 году была издана его переписка с отцом Сергием под тем же названием — «Христианство и атеизм». В эту книгу вошли письма правозащитника Григория Подъяпольского к Крониду и отцу Сергию, а также письма анонимных корреспондентов, в том числе и три письма отца Александра Меня. «Общая исповедь» была издана дважды — в сборнике «Три праведника» в 1998 и 2002 годах.

Отец Сергей был отважным человеком. Когда мне приходилось навещать его в Пскове, во времена зимнего одиночества, иногда наблюдал тяжелую борьбу со страхом. Позже я размышлял над словами Апокалипсиса, которые ставят в один ряд трусов с предателями, идолопоклонниками, убийцами и развратниками (Откр. 21, 8). В синодальном переводе — «боязливых». Малодушие — один из самых распространенных и часто незамечаемых нами грехов. Его считают скорее «грешком», нежели серьезным грехом. Общаясь с отцом Сергием, я не мог бы назвать его бесстрашным человеком. Он прекрасно знал, что такое испытание страхом и насколько оно тяжело. Он вынужден был постоянно бороться с ним, но каждый раз побеждал. Для него не было секретом, что за ним постоянно следят. Еще бы — на весь Псков один-единственный диссидент. Мне рассказывали забавный случай, когда работники КГБ лютой зимой приехали проверить своего «подопечного». И были потрясены — температура в доме почти не отличалась от уличной. Печь не топилась, поскольку у него не было денег на дрова. В признании-покаянии Виктора Красина, в прошлом одного из активных участников диссидентского движения, рассказывается, как он в 1972 году, не выдержав давления в ходе следствия, из малодушия и страха, раскаялся

в своей деятельности, назвал при этом многих участников и призывал их на очных ставках прекратить борьбу с властями. Но вот как, по его же свидетельству, вел себя при этом Желудков: «...о. Сергей отказался подтвердить мои показания. Он говорит, что он священник и его убеждения не позволяют ему давать показания на арестованных. Он грустно смотрит на меня. Вмешивается Александровский (следователь) и начинает грубо на него нажимать. У отца Сергия дрожат руки. Он говорит, что у него нет самиздата и ему нечего сдавать» (Красин В. А. Суд. — New York, Chalidze Publications, 1983. с. 52).

Свою нищенскую пенсию он раздавал нуждающимся. Отец Сергей, одев на себя все что было можно, продолжал работать. Надо отдать должное чекистам — вечером была прислана машина дров. Одна из его друзей, ленинградский преподаватель отмечала его отношение к стукачам: «Жалость, даже сочувствие, вызывали у него недостойные люди: “Это трагическая душа... Пожалеть его надо”». Даже люди выбравшие недостойную профессию — он называл их «драконами» (сотрудники КГБ — С. Б.), были для него не на одно лицо: «Везде есть хорошие люди. За некоторых из них я молюсь. Без них хуже было бы». Хотя не боялся осудить: «Это злой человек». Или: «Это похвальба, пижонство одно»*. Он внимательно относился к людям, будь то чекисты, которые постоянно следили за каждым его шагом, или работники милиции, которых принуждали проверять его гостей. Слежка за ним осуществлялась и во время его поездок. А все же он незаметно в 1972 году поехал на Западную Украину, на родину арестованного священника Васи-

* Шейнина Г. А. Разговоры С. А. Желудкова в кн.: «Почему и я христианин», СПб, 1996, с. 374.

лия Романюка и предоставил академику Андрею Сахарову полную информацию о положении его семьи.

Отец Сергей не афишировал своего священства — обычно ходил в мирской одежде с чужого плеча. Носил то, что ему отдавали друзья. Вот отдельные штрихи, характеризующие его отношение к единомышленникам. Так, например, надевая черную куртку и зимнюю старую котиковую шапку, он шутливо целовал ее и очень серьезно говорил: «Очень хороший человек подарил». Потом узнали, что подарок сделал правозащитник Павел Литвинов. Особое восхищение отец Сергей испытывал от встреч с Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Он первый назвал А. Д. святым XX века. В рясе его можно было увидеть крайне редко. Небольшого роста, с седой, аккуратно подстриженной бородкой, лысый, подвижной, как ртуть, он проявлял неподдельный интерес к каждому новому знакомцу. В беседе всегда обращался на «вы», даже если говорил с ребенком. Возникало ощущение, что он наслаждается общением и, подобно Диогену, неумоимо ищет единомышленников.

В воспоминаниях о нем ярко отмечена эта черта: «...когда Сергей Алексеевич появился в кругу близких нам людей, сразу стало очевидным существенное отличие его ото всех — каждый из этого круга стремился чем-то себя проявить — начитанностью, близостью к искусству, умением вести занимательную беседу, а Сергей Алексеевич ничем не хотел казаться, он просто оставался таким, какой есть, и при этом стал центром, к которому стремились все. Для себя Сергею Алексеевичу было необходимо одно богатство — общение с людьми, духовные контакты, без которых он тяжело страдал. Как-то в письме своему другу он написал: “...мне сейчас очень тяжело, я не могу жить без диалога”. ...У всех, кто его окружал,

он стремился пробудить жажду общения, его радовали возможности различных встреч, переписок, любой формы единения людей. Часто он повторял “люблю знакомить хороших людей”. Стремясь вовлечь в круг духовной работы своих друзей и знакомых, Сергей Алексеевич составлял и рассылал сборники текстов различных выписок, называя их «домашняя проповедь». Эти краткие и емкие послания значили очень много»*.

Один из его друзей вспоминал: «Сергей Алексеевич умел слушать, сердце его ликовало при дружеских беседах, объединявших людей, а в его присутствии незаметно все вокруг уходило от обыденности. Позволительно сказать, что он был катализатором, убыстряющим процесс духовного роста окружающих. Однако неверно было бы представлять его как благостного пастыря с доброй улыбкой на устах (а когда он улыбался, лицо его просто светилось) — это был ум тонкий, ироничный, с прекрасным чувством юмора. Людей он видел сразу и “насквозь”, любил давать точные, краткие определения. Сергея Алексеевича отличала ныне забытая, изысканная вежливость и почтительность к окружающим. В письменных обращениях он употреблял выражение “глубокоуважаемая госпожа, господин”, и это придавало какой-то особый оттенок содержанию текста.»

Находясь за штатом, официально будучи лишенным возможности пастырства, не совершая храмовых богослужений, он все же оставался настоящим священником, «светом миру и солью земли» по словам Христа. В одном из воспоминаний метко подмечена главная его особен-

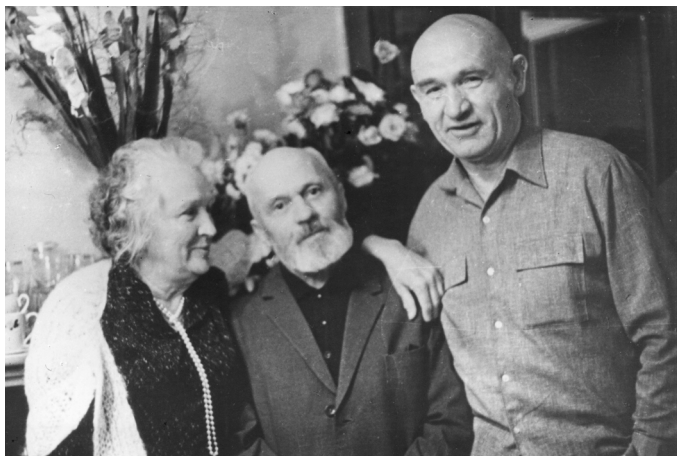
* *Каганович Ю.Я.* Сергей Алексеевич Желудков // Почему и я христианин. СПб., 1996, с.386-387.

ность: «Вспоминаю его первый визит (вот уж неподходящее слово!). Мы виделись до этого два раза, друзья уже уехали (речь идет о вынужденной эмиграции поэта Льва Друскина — С. Б.). Он позвонил: “Г. А. Здравствуйте. Я в Ленинграде. Вы дома? Сейчас к Вам приду”. Я — суетиться, волноваться: “Давайте, я Вас встречу, еда, то-се”. Встретить не дал. Пришел и тотчас же, в поношенной теплой одежде, маленький, румяный с мороза, очень аккуратный, сел на диван и стал говорить так, как будто мы всю жизнь дружили. Так бывало и потом, и я почти привыкла к этим неожиданным радостным звонкам. Но перед каждой встречей волновалась. Экзамен? Ревизия своей души перед ним? Нет, совсем не это. Это было волнение перед опытом, опытом счастливым, какие бы грустные дела мы не обсуждали. Со-чувствие — желудковский термин. Оно было главной чертой его личности. Внимательность, пронизательность его были необыкновенны, почти не от мира сего. Расспросит он тебя о твоих бедах, тягостных перипетиях, а потом, месяца через три, увидимся мы с ним: “Ну, как дела?” Начнешь напоминать ему, а он все помнит: “Вот вы тогда говорили то-то. А что потом было? Как тот? Как этот?” Как будто мы вчера прервались с ним на самом важном месте, а он все это время с нетерпением ждал, потому что ему это было действительно важно. А ведь сколько у него было таких, как мы, друзей и конфиденентов!»*.

В конце 60-х-начале 70-х годов в центре внимания столичной интеллигенции была организованная им пе-

* Шейнина Г. А. Там же. В архиве отца Сергея эти воспоминания существуют в более полном виде. В книге «Почему и я христианин» они сокращены. Цитата дана по машинописной копии Г. А. Шейниной.

реписка, позже получившая название «Христианство и атеизм». Когда летом 1968 года, вынужденный под давлением КГБ покинуть Москву, я впервые приехал к нему в Псков, то понял, как он был одинок и каким праздником для него были выезды в столицу. Осень, зиму и начало весны он жил один в половине деревянного дома на окраине Пскова с кошкой и собакой, которого иногда строго журил: «Полкан, Вы плохо себя ведете». Обстановка была аскетической — шкаф, одновременно служивший перегородкой, стол, пишущая машинка, книги и бумаги. Справа от входа стоял старенький радиоприемник, работавший от сети. Отец Сергей мастерски управлялся с ним. Советские «глушилки» в те годы работали исправно, поэтому радиопередачи «Свободы»

Слева направо: Зинаида Григоренко, священник Сергей Желудков, генерал Петр Григоренко

или Би-би-си было почти невозможно слушать, но отец Сергей умудрялся их «ловить». Он мгновенно перенастраивал приемник на другой диапазон, как только начинала завывать «глушилка». Благодаря радиопередачам всегда находился в курсе последних событий. И все же чувствовалось, насколько тяготит его одиночество. Меня поразил его молитвенный угол — в центре большая икона Спасителя. По обе стороны висели десятки фотографий правозащитников, среди них были самоубийца чех Ян Палах, на видном месте — фото академика Андрея Сахарова. Прочитывая молитвенное правило, он молился за них. Меня принял радушно, и я прожил у него несколько дней, пока не нашел работу. Потом, в течение двух лет, пока жил и работал в Псковской области, неоднократно навещался к нему и каждый раз по-новому узнавал его.

Регулярно слушая передачи радио «Свобода», он познакомился с циклом проповедей протопресвитера Александра Шмемана. Нам в столице не удавалось услышать их — глушилки работали на совесть и лишь изредка, где-нибудь под Москвой, сквозь вой и скрежет, улавливали лишь куски передач. В один из своих приездов в Москву в середине 70-х годов отец Сергей заявил, что если ему помогут получить записи проповедей отца Александра, то он потратит оставшуюся жизнь на их перепечатку и распространение. В это время в Москве жил и работал сын отца Александра — Сергей Шмеман, с которым я иногда конспиративно встречался. Он был корреспондентом «Нью-Йорк Таймс» в России. Я передал Сереже просьбу отца Сергея. К сожалению, пояснил Сергей, проповеди отца были импровизацией, а пленки он отсылал и они оставались на радио. И все же призыв отца Сергея был

услышан спустя много лет — в 2000 году издательство «Паломник» выпустило в России сборник проповедей отца Александра Шмемана, составленный его сыном Сергеем. Ознакомившись с проповедями, я понял, насколько прав был отец Сергей — более глубоких и блистательных проповедей, кроме, быть может, проповедей отца Александра Меня, мне не приходилось слышать. Проповедь — особый жанр. Важно ее слышать — когда она ложится на бумагу, то утрачивает слишком много. Одно дело, когда ты неоднократно слышал проповедника, уже ушедшего из жизни, помнишь его интонации и жесты. Перечитывая проповеди, в памяти всплывает когда-то виденное и помогает чуду воскрешения и сопереживания. Другое дело, когда ты не слышал проповедника — в этом случае, по большей части,

Лев Друскин

проповеди мало трогают. Протопресвитер Александр Шеман исключение. Его проповеди сохранили свою глубину и остроту и на бумаге. К счастью, большая часть проповедей, произнесенных для радио «Свобода», позже была обретаена и записана на дисках. Отныне можно не только прочесть их, но и прослушать.

Основным делом своей жизни, своим особым призванием отец Сергей считал духовную поддержку «людей доброй воли», так он называл правозащитников. Подавляющее большинство советских правозащитников считали себя атеистами, хотя многие имели довольно смутное представление о христианстве. Многим отец Сергей писал в тюрьмы и лагеря, действительно помогал их близким. В воспоминаниях о нем есть одно яркое свидетельство: «После тяжелых событий в жизни Льва Друскина (один из питерских друзей отца Сергея — С. Б.), приведших к его отъезду из СССР, мы обсуждали с Сергеем Алексеевичем поведение и судьбы людей, связанных с этой историей. Все эти люди в той или иной степени подверглись давлению со стороны властей и по-разному это давление выдержали. “Все-таки это здорово”, — сказал Сергей Алексеевич. “Что здорово?” — “Друзья, друзья-то какие оказались! Это прекрасно!” — “Но как же? Ведь многие испугались, перестали звонить и встречаться, испугались. Люди, которые считались преданными мужественными!” — “Ну и что же? Их можно понять. Они рисковали работой, это для них очень важно. Это жизнь! Ведь никто же не предал, не свидетельствовал против него!”» — “Но один...” — “Ну, разве что один. Зато какие примеры мужества, верности! Это прекрасно!”»*

* Шейнина Г. А. в кн. «Почему и я христианин», с. 374.

Он был одним из первых и наиболее ярких тружеников в сложном процессе духовного возрождения в СССР. В его переписке с узниками совести выражалась не только его гражданская позиция, но более всего любовь, сострадание и страстное желание облегчить участь тех, кто лишен свободы, терпит притеснения. Он стремился раскрыть в их душах светлую веру христианина в предназначение человека. Одной из своих корреспонденток, находившейся в лагере, о. Сергей систематически посылал перепечатанные им главы из воспоминаний А. Ф. Кони о докторе Гаазе. Отец Сергей считал, что пример высокого служения людям и безграничное милосердие доктора Гааза должны поддержать дух человека в заточении.

Он оставался подлинным христианином, верным Церкви, Ее догматам и таинствам, хотя многое пытался постичь рационально, не понимал, но честно писал об этом. Отец Александр Мень, горячо любивший его, в шутку говаривал: «Ну, отец Сергей... Он же еретик, но — благочестивый еретик!» На самом деле он гордился тем, что в годы брежневских, а позднее андроповских гонений в рядах правозащитников, открыто говоривших о гонениях на Церковь, находились православные священники — Сергей Желудков, Глеб Якунин, Николай Гайнов. Отец Сергей высоко ценил ум и глубокую веру отца Александра. Помню, как он пришел в восторг во время беседы с отцом Александром. Он пожаловался, что Русскую Церковь правозащитники справедливо обвиняют в приспособленчестве. На что отец Александр, по образованию биолог, ответил: «Это же прекрасно! Значит наша Церковь живой организм! Она приспособливается, как любой живой организм!» Так отец Сергей получил в руки оружие, которым позже он постоянно пользовался в спорах с правозащитниками.

III

Работа свободной мысли вызывала пристальное внимание отца Сергия. Вот пример с высказыванием о сомнениях митрополита Антония (Блюма): «*Сомнение*: с этим понятием, — писал отец Сергий, — у нас обычно связано горестное представление о душевном смятении, расслабленности, раздвоении. Принято считать, что любое *сомнение*, в церковном вероучении или в текстах Священного Писания надо в себе подавлять без рассуждений *отбрасывать*. Совершенно также, как и любой другой *греховный помысел*. Поэтому не одного меня, я думаю, немало удивило в свое время радиовыступление митрополита Антония (Блюма). Он говорил, что не нужно бояться сомнения, что не только в науке, но и в религии сомнения могут иметь положительный творческий смысл:

“Не бойтесь своих сомнений! Не бойтесь сомнений других! Не думайте, что это ставит под вопрос Бога, или землю, или небо, или человека, или науку. Это только говорит о том, что тот образ который мы в себе создали о Боге и о мире, стал слишком мал для того опыта о Боге и о мире, который в тебе развился. И радуйся, продумывай и строй более широкое, более духовное мировоззрение”».

Особо высоко ценил отец Сергий философию С. Л. Франка. Он часто цитировал его мысли, изложенные в письме к неизвестному другу. Отец Сергий выписал некоторые выдержки из этого письма и делился ими с единомышленниками: «Твоя философия... очень умна и талантлива — не хуже, а лучше многих других философий. А все-таки это безнадежная попытка — философски объяснить драму мировой истории, крестную смерть Христа. Богородицу, Троицу и сочетать это с логикой А — не А. Что остается

делать нам — верующим людям мысли? Я сознательно проповедую то, что иронически было названо “двойной бухгалтерией», — проповедую не из цинизма, а, смею думать, из высшей мудрости. Надо сочетать совершенную независимость религиозной и философской мысли с детски-смирненным молитвенным соучастием в традиционной церковной жизни. С одной стороны, мы не только вправе — мы обязаны с полной свободой, не оглядываясь на текст Писаний, пап и соборы, откликаться мыслью и сердцем на зов Бога, обращенный непосредственно к каждому из нас. Откровение не было когда-то, оно беспрерывно продолжается и мы обязаны слушать Бога больше, чем человеческие предания... А с другой стороны, мы не должны забывать, что все, даже лучшие и мудрейшие мысли, все же остаются субъективными и односторонними и что в традиционно церковной вере — плод коллективного восприятия откровения множества верующих душ, в том числе гениальных — несмотря на все противоречия, [в них] больше мудрости и истины, чем в наших отрывочных, слабых мыслях. Так надо сочетать свободное дерзновение (только отказывающееся «объять необъятное») с детским смирением. Это есть противоположность обычного в философских системах сочетания самомнения с робкой оглядкой на “катехизис». На этом кончаю».

«Замечательное, драгоценное письмо, — записывал отец Сергей, — такая искренность и простота. Письмо драгоценно для меня потому, что здесь христианский философ, что называется, самого высокого класса, подтверждает мои размышлений об “эгностическом христианстве”. Так я для себя называю это. Да, высшее достижение человеческого разума — это понять свою ограниченность. Да, невозможна никакая система христианской философии и догматики.

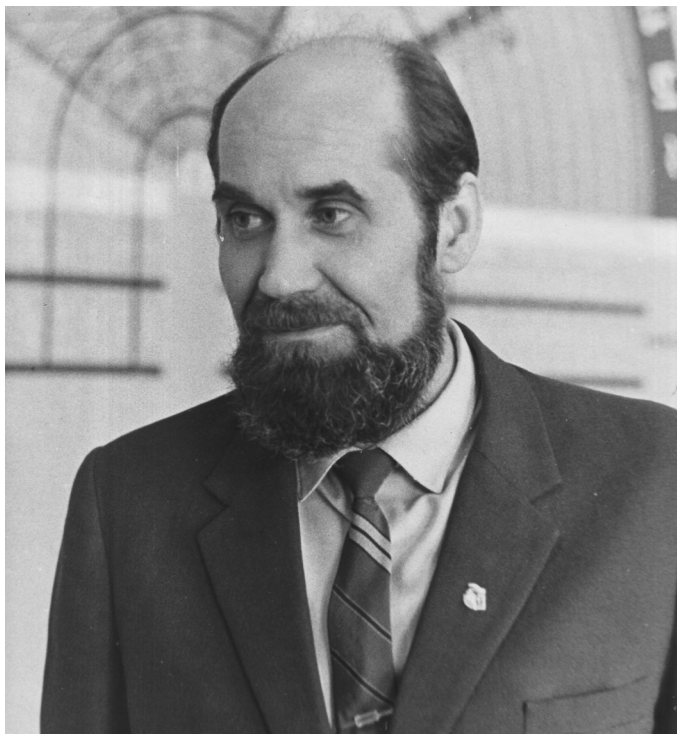
И налицо — противоречивость в самом Священном Писании и последующих церковных учениях... В этих искренних признаниях в незнании — подлинное смирение. Но не должно быть никакого смирения Свободной мысли перед “гностическими фантазиями” устаревшей догматики». Отец Сергей привел в Церковь многих интеллигентов, причем не столько проповедями, сколько примером жизни. Он всегда оставался бессеребряником, готовно делясь последним с тем, кто в этом нуждался. Он был активным автором Самиздата и московское духовенство всегда с интересом, хотя и с некоторым подозрением, читало его Открытые письма и труды. Многие священники укоряли его за излишние, по их мнению, симпатии к протестантизму.

Петербургский православный мыслитель Константин Иванов вспоминал о своей первой встрече с отцом Сергием: «Вскоре после того, как я пришел к вере в 1970-м году и крестился в 1971-м, я познакомился с о. Сергием Желудковым... Не я с ним познакомился, а он меня нашел. Он внимательно следил за всеми духовными событиями вокруг себя, и особенное внимание уделял новым людям, которые обретали христианскую веру... Он пришел меня рассматривать. С удивительной предупредительностью, духовной и, в то же время, изысканной, даже артистической почтительностью он расспрашивал меня, как я познакомился с Богом и что из этого запомнил и понял.

Я восторженно и насколько мог искренне отвечал ему, восхищенный собой — как многие неофиты — не меньше, чем Господом Богом. Я сразу, если не понял, то почувствовал, что передо мной сильный, умный и глубокий человек трагической духовной судьбы: раненый, почти покалеченный ужасными сомнениями. Они овладевали им по причине его исключительной открытости, оголенности к любым

сомнениям. И по такой причине, которую я смогу определить только так, что он на себя взвалил тяжелые сомнения своего народа, своей эпохи. Этот человек подвергал себя сомнениям, будучи, в основе своей, неколебимо и глубоко верующим. Сомнения для него были страданием, и он, никогда не осуждая других людей за сомнения, глубоко сострадал всем, кто сомневается, и странным образом был готов, расположен сомневаться, хотя и страшно страдал от своих религиозных сомнений. Как-то он рассказал мне, — и приходит время об этом сказать, — что он, по причине захвативших его сомнений в существовании Бога, год провел в состоянии между жизнью и смертью, в трудно-удерживаемом настроении самоубийства....»

Отец Сергей поддерживал дружеские отношения с Анатолием Ваневым, бывшим лагерником. Ванев был учеником русского богослова, историка и философа Карсавина, стал его душеприказчиком, сохранил его рукописи, проводил его в мир иной. Это произошло в лагере в 1952 году. Константин Иванов вспоминал: «Вскоре через отца Сергея я познакомился со вторым самым большим другом моей жизни — Анатолием Анатольевичем Ваневым. В 1972 году Желудков познакомил меня с Ваневым, и до 1984 года (когда умер Желудков) была возможность серьезных бесед с этими двумя замечательными людьми. А затем, до смерти Ванеева в 1985 году, я вел долгие, напряженные интеллектуальные беседы уже с ним одним. Желудков и Ванев вместе со мной и замечательным человеком, мудрецом и нашим провокатором-озорником, “благочестивым атеистом”, профессором Ярославом Слинным, составляли основание кружка, в котором велись религиозно-философские беседы на протяжении более десятилетия. Были периоды, когда мы встречались каждую

Анатолий Анатольевич Ванеев

неделю. Мы вели, по инициативе Желудкова, переписку с самыми разными авторами (частично эта переписка теперь издана)... Сейчас я вижу, что в наших беседах было достаточно эклектики, что христианские наши воззрения смешивались с гуманистическими, что мы проэцировали на христианство прижившийся в нашей душе секулярный

гуманизм, самоуверенно провозглашая свое “новое” видение христианства. Но это не было зряшным и грешным делом. И не только для нас лично было необходимо разобраться со своими духовными проблемами. Основное значение наших многолетних размышлений в том, что мы переживали и обсуждали общие проблемы нашего народа и времени, которые могут многими не осознаваться, и потому так важно, чтобы где-то и как-то началось это осознание...

Отец Сергей умел быть ироничным, и этим стимулировал в собеседнике его, собеседника, собственные мысли, по-сократовски помогал людям рождать мысли, был не только благочестивым, но проницательным, умным человеком, ясно видел общие и личные духовные проблемы, равно как смуту в наших умах. Только я вздуваю себя хвалить, о. Сергей это иронически подхватывал с почтительным воодушевлением, по-своему искренне. Он действительно уважал собеседника — верил в его способность осознать, устранить глупости, говорил иронически и почтительно, с характерно русским сочетанием искренности и лукавства. В его присутствии фальшь и притворство быстро выходили наружу. В этом отношении он был истинным экзорцистом. Он приходил к друзьям, и вместе с ним врывался дух открытости, искренности, духовно-интеллектуального воодушевления. Всегда он был нравственно и интеллектуально подтянут. Рядом с ним сразу исчезали разболтанность, тщеславие, пустота, и — как раз потому, что он вел себя всегда самым свободным и непринужденным образом. Он был любезен, даже ласков к каждому человеку и, одновременно, не терпел умственной пустоты или разболтанности. Он сказал мне как-то: “Для меня атеизм — неспособность сосредоточить-

ся”. В нем жила постоянная, органическая, духовная сосредоточенность.»

В начале 70-х годов отец Сергей познакомился с исповедником, священником Павлом Адельгеймом, который после освобождения из лагеря в декабре 1972 года мыкался по России в поисках епископа, который смог бы помочь ему получить регистрацию, без которой в СССР ни один священник не имел права служить. После долгих мытарств он наконец в 1975 году получил место в Рижской епархии, благодаря заступничеству митрополита Рижского и Латвийского Леонида (Полякова). Но Алуксне было захолустным местом, а дети священника подрастали и надо было думать о их полноценном образовании. Ему помог отец Сергей, который ходатайствовал через секретаря Псковской епархии, священника Владимира Попова. Престарелый митрополит Псковский и Порховский Иоанн (Разумов) согласился взять отца Павла. После нескольких перемещений отец Павел начал служить в храме святителя Николая в Любятово вторым священником. В 1977 году он смог приобрести небольшой дом на Красногорской улице близ речки Псковы. Усилиями семьи дом был перестроен, дети получили по своей комнате, а у отца Павла появился собственный кабинет. Отец Сергей часто навещал семью опального священника, познакомил со своими ленинградскими друзьями. Они часто приезжали в Псков и в доме отца Павла, в его кабинете продолжали религиозно-философские беседы. Среди гостей бывали братья Сергей и Андрей Гриб, Константин Иванов, Ярослав Слинин, Владимир Шаронов. Эти встречи позже вошли в переписку, которую направлял и печатал на своей машинке отец Сергей. В начале 80-х годов она вышла в Швейцарии под названием «Христианство и атеизм».

IV

Сегодня важно перечитать и задуматься над отзывом, который принадлежит архиепископу, исповеднику Афанасию (Сахарову), проведенному в тюрьмах и лагерях 33 года и не так давно причисленному к лику святых. Это был один из наиболее тяжелых периодов жизни отца Сергия. Он служил в Великих Луках Псковской епархии и на него постоянно жаловались прихожане за его, по их мнению, новшества. Правящий архиерей обратился с письмом к владыке Афанасию, признанному авторитету в области богослужения. В ответном письме от 15 марта 1960 года владыка пишет архиепископу Онисиму (Фестинатову): «В 1958 году в богослужебно-календарную комиссию поступила рукопись о. Желудкова с изложением его литургико-богослужебных взглядов и пожеланий. Отзыв об этой рукописи было поручено дать Д. П. Огицкому, на то время инспектору Ставропольской духовной семинарии. Но комиссия вскоре была ликвидирована, и поэтому рукопись о. Желудкова была в моих руках очень недолго, и я лишь мельком ее просмотрел. Об о. Желудкове, обучавшемся в Ленинградской духовной семинарии, рассказывал в комиссии профессор Ленинградской духовной Академии Н. Д. Успенский, и, сколько помнится, отзыв его не был отрицательным. От Д. П. Огицкого я знаю, что у него до последнего времени поддерживается большая и серьезная переписка с о. Желудковым по литургическим вопросам и Д. П. Огицкий, как могу судить по его письмам ко мне, оценивает о. Желудкова отнюдь не отрицательно...

На основе того, хотя и немногого, что я знаю об о. Желудкове, я никак не могу согласиться с тем, что Вам было сказано о нем. Наоборот, о. Желудков представляется мне

как человек искренно и горячо любящий наше православное богослужение и ревнующий об очищении нашей современной богослужебной практики, которая, к сожалению, во многих случаях совсем не хочет считаться с Церковным Уставом и вместо того, что положено по Уставу, заполняет богослужение всякого рода отсебятиной. О. Желудков, как мне представляется, критически относится к современным искажениям и нарушениям обрядов и священнодействий. Его суждения и его деятельность, направленные к восстановлению уставных порядков, непонятны и неприятны для тех, у кого установившиеся порочные антиуставные традиции стали «уставом» и для которых напоминания об этом и попытки вернуть наше богослужение в законное церковно-уставное русло кажутся ересью с протестантским уклоном. А о. Желудков по ревности своей, не только говорит и пишет, но и на практике в тех храмах, где приходится ему служить, повидимому, старается проводить в жизнь то, о чем говорит и пишет. Это еще более вооружает против него ревнителей порочных традиций...»*.

В 1958 году отец Сергей отправил первоначальный вариант «Литургических заметок» в созданную при патриархе Алексее I (Симанском) Календарно-богослужебную комиссию**. Эта комиссия занималась составлением церковного календаря и богослужебных указаний. Возглавлял ее архиепископ Афанасий (Сахаров) — участник Со-

* «Молитва всех вас спасет», материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, архиепископа Ковровского, М., 2000, с. 572–573.

** О Календарно-богослужебной комиссии см.: *Кравецкий А. Г.* Календарно-богослужебная комиссия (1957–1958) // Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 2. М., 1996.

бора 1917–1918 годов. Эту церковную структуру владыка шутливо, но метко называл «комиссией по отцеживанию комаров». Составить отзыв было поручено профессору Д. П. Огицкому. Комиссия вскоре прекратила свою работу. «Литургические заметки» так и не были обсуждены. Однако, отец Сергей не оставил работы над книгой. Она получила широкое хождение в Самиздате. Появилось немало отзывов, которые автор порой включал в текст книги. Важно ознакомиться с мнением профессора Огицкого:

«Глубокоуважаемый Отец Сергей!

Мне хочется поделиться с Вами мыслями по содержанию Ваших, очень меня заинтересовавших «Литургических заметок» (Псков, 1956 г.), познакомиться с которыми мне довелось в прошлом году во время работ в ныне упраздненной Календарно-богослужебной комиссии при Синоде. По недостатку времени ограничусь лишь краткими отрывочными замечаниями.

Не скажу, чтобы я полностью разделял все Ваши взгляды. Далеко нет. В частности, я считаю совсем несвоевременным и очень рискованным подчеркивание возможностей «богослужебного творчества» в наше время. Я не разделяю Вашего отвращения к Марковым главам (Марковы главы Типикона — замечания о совпадении неподвижных праздников с днями седмичного и годового подвижного циклов — *прим. С. Б.*) и безнадежно-пессимистического, пренебрежительного отношения к Типикону. Я сожалею, что в Вашей работе нашлось место для такого резкого выпада против Л. Н. Парийского.

Но вместе с тем я очень ценю Ваш труд, согретый теплотой Вашего чуткого пастырского сердца, и мне хотелось бы от всей души поблагодарить Вас за то, что Вы так смело поставили вопрос о недостатках в современной

богослужебной практике и сделали в своей работе столько ценных замечаний. Среди духовенства у нас очень немногие люди, которые вдумчиво относятся к этим вопросам и болеют душой за современное состояние богослужения. Я уверен, что в баптизм люди бегут от нас не потому, что предпочитают сектантское вероучение церковному, а прежде всего и главным образом потому, что их не назидает наше богослужение. Какой ужас и какой стыд для нас! Сокровище церковное, равного которому нет ни в одной религии, из-за нашего неряшливого и бестолкового к нему отношения становится не средством привлечения людей в Церковь, а чем-то противоположным сему.

У нас до революции было 4 духовных академии, издавались духовные журналы, печатались ученые статьи, а на клиросах дьячки бубнили: “очи Свои возложиша уклонити на землю” ...от малых от земли раздели я в животе их** ... сего ради законоположит ему на пути его же изволи*** ... во избытцех Твоих уготовиши лице их****” и многое другое, что с трудом понимали даже профессора духовных академий. И никому до этого дела не было. И никто, никогда не поставил вопроса об удобовразумительности перевода хотя бы одной Псалтири для богослужебного пользования. Недавно я писал бывш<ему> председателю Календарно-богослужебной комиссии владыке Афанасию (выдающемуся литургисту, человеку глубоко церковному, большому стороннику поновления переводов и даже перевода богослужебных текстов на русский язык), что вопрос перевода

* Пс. 16. 11.

** Пс. 16. 14.

*** Пс. 24. 13; первые два слова попали сюда, по всей вероятности, из Пс. 24. 8.

**** Пс. 20. 13.

песнопений гораздо более сложный, чем вопрос перевода других текстов. Стихиры, тропари канонов следовало бы переводить на русский язык стихами. На каждой песне канона должен был бы меняться ритмический размер строф-тропарей (как в греческом оригинале). Конечно, об этом можно лишь мечтать, т<ак> к<ак> такая работа мало кому по плечу. Переводчик должен бы быть и филологом, и богословом, и поэтом. Но зато такие переводы богослужебных творений хорошо, талантливо выполненные внесли бы в нашу церковную жизнь именно то, чего ей недостает.

При чтении Вашей работы мне было очень приятно констатировать интересное совпадение Ваших взглядов с моими по ряду вопросов...*

...В заключение еще раз вернусь к вопросу богослужебного “творчества” в наше время. Вы сами привели немало печальных примеров. Эти доказательства нашей бездарности и порицательного отсутствия вкуса можно умножать до бесконечности. Это творчество — величайшее зло нашего времени. И Ваша книга ценна не тем, что Вы провозгласили лозунг свободного творчества (это как раз скорее недостаток Вашей книги), а тем, что Вы, по сути дела отступая от этого лозунга, стараетесь оставаться церковным традиционалистом, в лучшем смысле этого слова. Ведь если отвергнуть святоотеческие и уставные ориентиры на том основании, что эти рамки устарели и мы из них выросли, тогда мутные волны бездарной отсебятины (акафисты, чин погребения Богородицы, архиерееугоднические вставки и т.п.) захлестнут все и погубят то, что еще

* Профессор Огицкий перечислил такие совпадения. Три фрагмента этого письма вошли в окончательный текст книги: см. стр. 63–64, 104–105, 133–137.

осталось от православия и церковности в нашем богослужении. Любителей творчества у нас хоть отбавляй. Я тоже мог бы Вам привести прямо-таки жуткие примеры. Часто приходится слышать рассуждения: “устав для человека, а не человек для устава” (для человека, т. е. для угождения его нецерковным вкусам), “мы выросли из типикона” и “чем мы хуже святых отцов”. Да в том то и дело, что в миллионы раз хуже, в том то и дело, что не доросли, в том то и дело, что если бы доросли, то способны были бы и <вперед> двигать, а так способны только портить, уподобляясь тем недоучкам, которые пытаются исправлять классиков. Мое глубокое убеждение, что в наше время надо не поощрять свободное “творческое” отношение к богослужению, а прямо-таки бить за это по рукам. Надо не создавать что-то новое, а из того, что предусмотрено типиконом, выбирать самое ценное. Возможности здесь достаточно широкие. Лишь бы сумели это уставное сделать доступным, понятным и близким молящимся.

Наконец еще одно.

Я думаю, Вы писали свой труд не для того, чтобы написанное Вами оставалось под спудом и, надеюсь, не будете возражать против перепечатания на машинке (или выдержек из него) и ознакомления с ним людей церковных, серьезно интересующихся вопросами богослужебной практики.

В заключение хочу от всей души пожелать Вам здоровья, сил и терпеливого перенесения неприятностей, которые обычно выпадают на долю людей, подобных Вам».

Очень важным событием в жизни отца Сергия стало его знакомство с Н. Я. Мандельштам. Он познакомился с ней у отца Александра Меня. Сразу нашлись общие темы — в 60-е годы Надежда Яковлевна преподавала несколько лет

в Псковском пединституте. Там она сдружилась с семьей профессора Евгения Маймина, который занимался исследованием творчества Льва Толстого. Кафедра русской и зарубежной литературы, на которой работал Е. А. Маймин, была, в силу неординарности и характерности большинства ее членов, постоянным предметом обсуждения и иронических сетований его друзей. Примером тому эпиграмма — правда, чуть более позднего времени, — написанная Ю. М. Лотманом как бы от имени Е. А. Маймина:

*«Как пройти мне биссектрисой
Меж Ларисой и Алисой
Между Титовой и Верой
Меж чумою и холерой?»*

Эта дружба продолжалась и после отъезда Н. Я. из Пскова. Дочь профессора Маймина — Екатерина Дмитриева, вспоминала: «В начале 1970-х гг. был период (продолжался он, кажется, года два или три), когда Н. Я. стала приезжать на лето в Псков. Останавливалась она тогда в Любятово — на окраине Пскова, у отца Сергея Желудкова. Отец Сергей к тому времени находился за штатом. На Западе его знали как редкого и оригинального богослова. Отец по вечерам слушал иногда “по тому радио” отрывки из его книги “Почему и я христианин”. В обыденной же жизни о. Сергей был человеком очень скромным, почти незаметным. Своего дома отец Сергей не имел и жил в доме своей прихожанки Татьяны Гавриловны Дроздовой, женщины судьбы драматической, что, по-видимому, их и сблизило».

Этот период я помню уже гораздо лучше. Самым ярким событием бывал день приезда Н. Я. Она прилетала из Москвы на самолете. В псковский, сельский по виду, а потому и очень уютный аэропорт, мчались в те вечера

два такси. В одном — отец Сергей и Татьяна Гавриловна. В другом — мы с мамой и Лина Георгиевна Дюкова (другой раз была еще и Софья Менделевна Глускина). Надежда Яковлевна медленно сходила с трапа, а мы все уже бежали ей навстречу с цветами. (Наверное, она все же приезжала три раза, потому что я помню эти встречи именно как повторяющееся действие). У отца Сергея глаза при этом как-то по-особому начинали светиться. Впрочем, мне кажется, что светились они у него всегда.

А затем все ехали в Любятковский деревенский дом. Вокруг дома был яблоневый сад, казавшийся «*Эдема списком сокращенным*» (Татьяна Гавриловна продавала иногда на рынке яблоки). В доме была фисгармония. Отец Сергей прекрасно играл, а у Татьяны Гавриловны был ангельский голос (впрочем, при характере отнюдь не ангельском). Так что “посиделки” в Любятковском доме, и в день приезда, и в остальные дни, начинались с духовных песнопений. Компания была в основном все та же: “София”, “Лина” мои родители и, разумеется, хозяйка. Впрочем, вскоре к Н. Я. стал заходить и новый священник Любятковского храма — отец Владимир Попов, и по сей день служащий в этом храме.

О чем они говорили? Конечно, содержания разговоров я не помню. Но помню, что все, что говорилось, было так высоко, так приподнято над обыденностью, что на следующий день я с большим трудом входила в привычную колею. Так что моя мама, несколько испугавшись, однажды полувопросительно заметила: “Но ты же понимаешь, что происходящее там и наша остальная жизнь не очень совместимы? И что ты ничего никому не должна рассказывать?”. Это-то как раз я понимала...

Впрочем, какие-то обрывки разговоров я все же помню. Как Н. Я., раздумывая над предложением Софьи Менде-

левны уехать в Израиль (что С. М. в конечном счете сделала, правда, много позже), сказала, обратившись к моей маме: “А знаете, Танечка, я все думала, думала об этом, а потом как-то раз проснулась с таким чувством, будто я уже в Израиле и кругом меня одни евреи. И решила, что не надо этого делать”. Тогда Н. Я. уже закончила работу над первой книгой. Отец Сергей спросил ее о второй. “Она уже тоже написана. Вот здесь”, — сказала Н. Я., указав на область сердца.

И еще почему-то запомнился такой эпизод, неловкий и глупый с моей стороны. Это было летним вечером, в Любятово. Все вышли в сад. Н. Я. сидела на деревянной скамье и, как и полагается, курила. Я неприкаянно бродила по саду. Мне уже было 14, а, может, и 15 лет, но родители меня брали с собой, как “хвостик”. Я уже не была принужденным младенцем, но, разумеется, еще не стала и “собеседником”, а потому, боясь “упасть в грязь лицом”, в основном внимательно молчала. И вдруг Н. Я. подозвала меня и сказала совсем неожиданно: “Катя, а ты ведь красотка. Только никогда не позволяй мужчинам брать над тобою верх...” И далее что-то в этом роде. Я никогда себя красоткой не считала, тем более в 15 лет, когда любую нормальную девочку обуревают серьезные сомнения в самодостаточности собственной внешности. И, опешив от слов Н. Я., совсем некстати спросила: “А как же Вы и Осип Эмильевич?” “Я — другое дело. Я была уродиной”, — последовал ответ. Потом уже, кажется, в первой книге, много позже, когда я прочла размышление Н. Я. о том, что О. Э. непременно бы ее бросил, если бы не случилось то, что с ними обоими случилось, я подумала, что, может, та реплика Н. Я. была продолжением оборвавшейся в книге фразы...

В один из своих поздних приездов в Псков Н. Я. привезла с собой двух своих подруг. Имени одной я, к сожалению, не помню. Запомнилась она в основном тем, что тут же надала моим маме и бабушке огромное количество рецептов тортов и сухарей (последнее — не без значения). Из тортов у нас в доме укоренился один, о котором она говорила как о любимом торте Солженицына. А поскольку самого Солженицына она называла “рыженьким”, то и торт получил право гражданства в доме под именем “Рыженький”.

Другая подруга была Наталья Евгеньевна Штемпель. Отец, который из-за больной ноги не мог совершать длительных прогулок, послал меня показать им Псков. Я с юношеским ригоризмом провела их по самому длинному, хотя и самому красивому пути — пройдя вдоль реки Великой до Покровской башни и оттуда, через Мирожский монастырь, через мост, к церкви святого Климента. И когда уже оттуда мы дошли до старообрядческой церкви, она присела. Сказала, что больше не может. Да я и без того видела, что она все сильнее и сильнее прихрамывала. Но когда она села, печально и как-то почти беспомощно, я вдруг словно впервые увидела ее лицо. Казалось бы, почти некрасивое. Но такое прекрасное! И тогда, наверное, впервые подумала: какой же прекрасной бывает и не очень красивая женщина!

А дома мне за эту длинную прогулку сильно попало. Кажется, последний приход Надежды Яковлевны к нам домой (а жили мы тогда уже на улице Ленина) закончился трагикомически. Дело в том, что в нашем подъезде проживал пьяница по имени Максимыч, который периодически одалживал у моего отца рубль на выпивку (но и регулярно — воздадим ему должное — долг возвращал). Пьяница этот был, видимо, артистом в душе: все его тирады увенчивались, как правило, аллитерационным “бур-ржуазия р-ре-

волюцию пр-редала. Р-рвань”. Бабушка моя, не одобрявшая интеллигентного демократизма отца, гнала Максимыча прочь, за что тот ее побаивался.

Надежда Яковлевна уже уходила. И вышла на лестничную площадку. Я вышла вместе с ней, чтобы проводить до такси. В это время направлявшийся к нашей квартире Максимыч, перепутав, по-видимому, Н. Я. с бабушкой и вначале отпрянув, решил затем все же пойти на мировую. “Не горюй, бабка, — сказал он, поцеловав Н. Я. в темячко. — Мы ведь с тобой вместе С-сиваши брали”. И еще раз поцеловал. Родители мои, с ужасом наблюдавшие за сценой и не сумевшие ее предотвратить, страшно огорчились. “Что вы, друзья, — рассмеялась Н. Я. — Ведь это хороший знак. Значит, я к вам еще вернусь”. И все же это было последнее посещение Надеждой Яковлевной и Пскова, и нашего дома*.

Псков во время преподавания там Н. Я. был живым городом, имевшим своих, пользуясь словарем Лескова, «антиков». Екатерина Дмитриева вспоминала: «Но, наверное, самым ярким детским впечатлением была “битва гигантов” — Н. Я. и *Леонида Алексеевича Творогова*, человека, без которого немислим Псков того времени. Он был хранителем, а до того — создателем Псковского древлехранилища, уникального собрания книг, составленного из библиотек представителей разных сословий Псковского края. То была поистине *библиотека библиотек*, почти в борхесовском понимании. У самого же Творогова позади был Беломорканал и отмороженные ноги. Из-за этого он

* *Дмитриева Е. Е.* Милые мои маймишата // Посмотрим, кого кого переупрямит. Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах. М.: АСТ, 2015. С. 315–322.

всегда ходил с костылями и рюкзаком. И еще — в сопровождении двух собак, его единственных и неизменных спутников. В городе его считали чудаком, но и восхищались стариком, имевшим профиль Гете в старости. Только я думаю, что он был даже еще более красив, чем Гете.

Чудак, как и полагается, имел свои странности. В частности, он очень любил стихи местного поэта А. Н. Яхонтова, считал его несправедливо забытым после смерти, а при жизни — недооцененным. В последнем он винил... А. С. Пушкина. Ссора разгорелась в нашей маленькой квартире в хрущевском доме на набережной Великой. “Я Пушкина пиф-паф”, — кричал Творогов, наставив свой костыль на Надежду Яковлевну, пускавшую в него кольца дыма в защиту “солнца нашей поэзии”. Последние свои псковские дни, “сдав” съемную комнату хозяевам и в преддверии отъезда в Москву, Н. Я. прожила в нашей квартире, окна которой выходили на тогда еще не взорванный ажурный Ольгинский мост (инженерный проект Г. Н. Соловьева) и Анастасиевскую часовню с фресками по эскизам Н. К. Рериха.» Отец Сергей очень высоко ставил творчество Надежды Яковлевны, дорожил дружбой с нею, что видно из его писем к ней.

Во второй половине 70-х годов отец Сергей увлекся творчеством немецкого богослова Ганса Кюнга. Вместе с Евгением Барабановым, с семьей которого близко сошелся в эти годы, он начал работу над переводом основного труда Кюнга «Быть христианином». Именно за эту книгу Кюнг подвергся резкой и справедливой критике со стороны католических богословов. Когда отец Сергей узнал о моей дружбе с поэтом и переводчиком Аркадием Штейнбергом, который в совершенстве знал немецкий и был сведущ в богословии, отец Сергей попросил познакомить с ним.

Штейнберг радушно откликнулся. Он не только помог в переводе трудных мест, но жадно накинулся на отца Сергия. Между ними вспыхнула взаимная симпатия — Аркадий Акимович отсидел в сталинских лагерях два срока и бывал на Байкало-Амурской магистрали. Прекрасно знал о правозащитной деятельности отца Сергия. Меня поразило, как мгновенно эти два доселе незнакомых человека обрели друг друга. Позже подобную же симпатию я наблюдал только единожды — когда пришел в гости к Штейнбергу с Анатолием Эммануиловичем Красновым-Левитиным.

Наша жизнь изменилась во многом благодаря усилиям праведников, к которым принадлежал священник Сергей Желудков. Он размышлял — сумеют ли россияне воспользоваться плодами свободы после крушения авторитаризма. Его беспокоила косность и малодушие православного духовенства. Порой он с ужасом думал о крушении коммунизма. Говаривал: «Представьте себе, рухнет коммунизм и вот тогда скажут нашим епископам и священникам — идите на радио, телевидение, выступайте в прессе. Говорите! Представляете, что они понесут?!» К сожалению, это пророчество отца Сергия сбылось в полной мере. В воспоминаниях о нем его друзей подмечена важная черта: «Ум его, однако, был очень острым, критичным. Ему совершенно несвойственны были иллюзии, благодушие, мечты о светлом будущем. При всей своей вере в человека, в человечность, он не склонен был идеализировать народ — «искалеченные души», как он говорил. Надежда человеческого существования была для него в личном подвиге лучших людей, верующих и неверующих — в нем он и видел подлинное Христианство, в нем, а не в так называемом единстве народа, не в униформизме под любой, даже православной идеологией. Он не стеснялся смеяться над уверениями Солженицына (которого, конечно

же высоко ценил), что сельский русский человек мечтает лишь о том, чтобы школа была для детей, да церковь, где помолиться. «Школа, может быть, — говорил он, — а про церковь и думать забыли. Других забот много»*. К 60-летию академика Андрея Сахарова, томившегося в Горьковской ссылке, отец Сергей писал в 1981 году: «Да и о народе нашем надо сказать правду: находясь в плену оглуляющей дезинформации, очень многие обыватели либо просто ничего не знают, либо даже очень превратно понимают его благороднейшую деятельность».

Как ни странно, он был равнодушен к стихам и часто повторял: «Да я ничего не понимаю в стихах!» «А вот о прозе, особенно о современной — художественной и публицистической — высказывался охотно. Здесь он был весьма взыскателен. Нередко упрекал авторов в дурном стиле, провинциальности, иной раз и просто дураком назовет или скажет: «Графоман, тут уж ничего не поделаешь». Не любил исторических романов, придирался к любой фактической неточности. «Петра Первого» Алексея Толстого громил безжалостно, да и «Узлам» (имеется в виду эпопея Александра Солженицына «Красное колесо», состоящее из «Узлов» — С. Б.) доставалось. В исторической прозе более всего ценил жанр «художественного исследования», основанного на документах и добросовестных личных свидетельствах. Среди современных любимых книг называл «Архипелаг ГУЛАГ», «Утоли мои печали» Льва Копелева, «Иванькиаду» Владимира Войновича, «В подполье можно встретить только крыс» Петра Григоренко (только заглавие категорически не одобрял). Охотно цитировал Зиновьева, хорошо знал и любил Бердяева, восхищался работами

* Шейнина Г. А. Там же, с. 377–378.

Священники Александр Мень и Сергей Желудков

немецкого богослова Кюнга»*. Вспоминаю один забавный эпизод начала 70-х годов, когда Александр Солженицын завершил работу над одним из «Узлов» — «Август 14-го». Книга вскоре вышла в Париже, а Солженицын обратился к друзьям с просьбой прочесть новую работу и прислать ему отзывы. Позже они вошли в том — «Август 14-го читают на Родине». Прислали свои отзывы и два священника, к которым он обратился — Александр Мень и Сергей Желудков. Отец Александр написал подробное, обоснованное исследование, но критическое, хотя и деликатное, всячески стремясь щадить самолюбие автора. Отзыв отца Сергея отлился в одну фразу: «Большой художник имеет право на неудачу». Как ни странно, оба отзыва Солженицын не включил в сборник.

Отец Сергей умер в Москве 30 января 1984 года после тяжелой операции — у него был рак пищевода. Он готовился к смерти и не боялся ее. «Он много звонил, сообщая друзьям о своей болезни и предстоящей операции, а в остальном вел себя обычно: говорил, слушал, восторгался новым анекдотом, только руки беспокоились. Знал, что операция смертельно опасная, но утешал: «Что ж, ведь я не воевал, другие ведь воевали, а мне вот — операция». Потом сказал: «Мне нужно еще года два-три. Тогда я успею». К смерти готовился — причастился, перед больницей объездил всех друзей. «Нет веры в Бога без веры в Воскресение: тогда все бессмыслица, абсурд», — так он говорил и писал. И еще: «О Смерти не надо горевать, а вот о жизни горевать иногда приходится»**. В завещании написал: «...Как можно меньше хлопот с похоронами. Если

* Там же, с. 379.

** Архив автора.

Смерть (это его написание, к смерти он относился с уважением — С. Б.) случится в Москве или Ленинграде — совершить кремацию и отпеть заочно. Если похороны будут во Пскове, то очень прошу — пусть священник не вздумает говорить речь... Боже, милостив буди мне грешному». Друзья и близкие сумели перевезти его прах в Псков и похоронить его близ храма в Любятове. Отпевание совершалось сумрачным зимним днем в Богоявленском соборе в Москве по священническому чину. В одной из дневниковых записей, сделанных отцом Сергием незадолго до смерти, звучит такое признание: «Я христианин — это значит сказать: я охвачен мечтой, стремлением к духовной красоте, я постоянно хочу быть лучше... Христианская жизнь — это подвиг, куда более захватывающий, чем полет в космос». На его могиле вплоть до последнего времени (до 2016 года) стоял чей-то чугунный дореволюционный крест и скромная, тоже чья-то металлическая пластина. Как заметил один из его почитателей: «Всю жизнь носил одежду с чужого плеча, и после смерти на его могиле чужой крест!»

Спустя пять лет после его смерти в 1984 году, я вывез из Пскова по просьбе его душеприказчицы Татьяны Гавриловны Дроздовой большую часть архива (то, что смог унести), который помог восстановить его жизненный путь, а также издать его основные работы. После этого архив отца Сергия был передан мною в Государственный архив РФ. В августе 2016 года двое его почитателей, посетив могилу отца Сергия возле Любятовского храма, заказали новое, строгое и достойное надгробие.

Сергей Бычков

ЛИТУРГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ. Новая редакция. Мои заметки разных лет и письма разных лиц по практическим вопросам русского церковного Богослужения. «Несвоевременные размышления», главным образом — критического свойства.

Обычно принято восхвалять наше русское церковное Богослужение как верх всякого совершенства. Это действительно верно по отношению к подлинным драгоценностям, которые мы и должны бережно сохранять, проявляя добрую, интеллигентную консервативность. Но вместе с ними в нашем литургическом наследии присутствуют и такие исторические наслоения, которые стали пережитками, которые сегодня имеют уже только отрицательное значение, от которых нам должно по мере возможности освобождаться. Нередко сюда присоединяется еще и недостаток церковной культуры у церковного начальства и исполнителей. В результате наше церковное Богослужение нередко оказывается таковым только по названию, ибо не выполняет своего назначения — не привлекает, не вдохновляет,

не соответствует величию нашей веры, представляется не славой, а унижением Церкви. Сегодня и у нас, как и на Западе, можно говорить о *литуригическом кризисе* христианства.

Признание этого факта нисколько не унижает Самого Христианства. Тут уместна актуальная аналогия — глубокий кризис нашего «догматического Богословия». Тот, кто воистину прикоснулся святыне Христианства — тот может быть уверен, что оно преодолеет все трудности современной своей проблематики и будет исповедано на новом уровне универсальности и свободы... Подобным образом можно уверенно утверждать, что «если будет будущее» — то будет и дальнейшее *литуригическое развитие* в Христианстве. Мы не можем сегодня предвидеть всего во всей формальной конкретности; но наш долг уже и сегодня прилежно работать над тем, чтобы это развитие совершалось в добром направлении. И нам должно не различать «сегодня» и «завтра» в общем труде поколений.

В этом экспериментальном «первом томе» заметки и письма (по главному их содержанию) сгруппированы в такой тематической последовательности*:

- 1–4. Некоторые общие принципы
- 5–7. Язык русского церковного Богослужения
- 8–13. Церковная музыка
- 14–27. Типикон и вечернее Богослужение
- 28–30. Церковная проповедь
- 31–45. Божественная литургия

* Страницы указаны редакцией.

- 46–47. Акафесты
- 48–63. «Требы»
- 64–66. Архиерейская служба
- 67–74. Современные новшества и потребности
- 75–79. Духовенство и церковный народ
- 80–81. «Инославные» впечатления

1

Москва, 1969. Говорят, что состоялось отпевание на дому Константина Паустовского. Присутствовали родные и друзья покойного. После жена другого выдающегося писателя передавала свое впечатление. Оно было резко отрицательным. Явился батюшка без певчих и совершил обряд крайне непрезентабельно. «И все почему-то потирал руки...»

Я переживаю это с великой досадой, как если бы это была моя личная неудача. Да это и действительно была неудача всей Церкви. Тут бы хороший мужской квартет, даже хотя бы хорошее женское трио — и русский чин Погребения, исполненный вполголоса, прозвучал бы с великою благодатною силой для всех.

Возмущает отношение к этому горестному происшествию наших «церковников». Один интеллигентный юноша заявил: «Подумаешь — интеллигенция!»... Другой, тоже интеллигентный человек, старый архимандрит, сказал по этому поводу, что он и сам *любит* служить вот так совсем один, без певцов, а вообще-то он считает, что покойный писатель и не заслужил торжественного погребения, потому что были антирелигиозные мотивы в его раннем творчестве... Хорошие люди,

а говорят такие гадости. Не понимают самой сущности церковного Богослужения.

В отличие от молитвы уединенной, церковное Богослужение есть *общение* в молитвах и взаимном назидании. Не касаясь особого положения святых таинств, можно утверждать, что *общение* верующих в церковном Богослужении совершается, как правило, средствами *искусства*. Сначала это было религиозное искусство иудейского храма и синагоги. Потом у Христианства явились собственные тексты общих молитв и гимнов, церковная проповедь, пение и инструментальная музыка, икона, живопись, архитектура... Все это — *священное* искусство. Его святое назначение — создать молитвенную настроенность, укрепить нашу веру, направлять нашу волю к тому истинному *служению Богу*, которое мы должны бы совершать в нашей практической жизни.

Церковное Богослужение есть служение Богу средствами искусства. В конце прошлого века в русской посольской церкви в Лондоне была совершена панихида в память царя Александра III. «Русский Реквием» произвел на англичан потрясающее впечатление. В нашем же прискорбном случае, которого я не могу забыть, отвергнуто было искусство. Будь на месте незадачливого батюшки любой другой служитель — без хора, без пения — и у него бы все провалилось. Разве только очень хороший оратор мог бы отчасти поправить дело вдохновенной речью; но ведь это было бы тоже искусство... С болью я думаю, что среди присутствовавших были и неверующие; с особым интересом они всматривались — что же это, какова эта вера отцов,

к которой после всего опыта жизни возвратился покойный их друг? И увидели только, как жалкий священник «потирает руки», машет кадилом, пытаюсь совершить *отпевание без пения...* Это было унижение нашей святыни, это было служение против Бога, потому что отвергнуто было искусство.

2

«...Что касается литургического возрождения церковной жизни, то о нем много писалось и говорилось еще на рубеже XIX–XX столетий. Как вы знаете, лучшие из церковных деятелей того времени высказывались по этому вопросу положительно. Необходимость реформы богослужения в смысле исправления его языка, улучшения обрядовой стороны и создания нового, церковно-приходского (не монастырского) устава были предметом занятий особой богослужебной комиссии Московского собора 1917 г. Когда же этому собору не удалось сделать ничего реально ощутимого, то многие ради литургического возрождения встали на путь обновленческого движения. Результат оказался плачевным. Вместо литургического возрождения возникло опасение всякой попытки к осмыслению богослужения и примиренчество к явным нарушениям церковного устава из-за боязни, как бы не вызвать исправлением нового раскола.

Впрочем, могли ли Московский собор 1917 г. и затем обновленческий Священный Синод осуще-

ствить, что называется, административным путем литургическое возрождение, даже в том случае, если бы собор не прекратил своих занятий преждевременно и если бы обновленческое движение не скомпрометировало себя, — это остается вопросом. Опыт церковной истории показывает, что серьезные богослужебные реформы никогда не осуществлялись административным путем и попытки в этом направлении не увенчивались успехом. В самом деле, первоначальный русский церковный устав был принят нашими предками из Константинополя, что называется, явочным порядком, вместе с греческим духовенством, в таком виде, в каком он был в Византийской церкви. Для нашей церкви этот устав во многом был просто непосильным и вскоре, в 1062 г., преп. Феодосий Печерский заимствовал для своего монастыря другой, Студийский устав. Никакого сорбонного определения на эту акцию не было, однако летописец говорит, что принятый преп. Феодосием устав вскоре стал уставом всех русских монастырей (а затем, разумеется, и приходов). В XIV–XV вв. таким же явочным порядком, без какой-либо санкции церковного руководства, произошла в общерусском масштабе смена Студийского устава Иерусалимским. Администрирование в этой области, наоборот, давало отрицательный результат. Вспомним богослужебную реформу патриарха Никона, оторвавшую от Церкви миллионы людей и стоившую страшных мучений и смерти многих глубоко верующих христиан. Вспомним бесплодную и взаимно противо-

речивую литургическую деятельность московских соборов 1551 и 1666–1667 годов. Очень показательна в этом отношении история древней Церкви. Никогда в Церкви не было так много разного масштаба соборов, как именно в этот период времени, и никогда не выносилось так мало литургических определений...»

Из письма, 1964

Очень важное свидетельство специалиста. Действительно, кроме споров о времени празднования Пасхи и об иконопочитании соборы древней Церкви почти совсем не занимались вопросами церковного Богослужения, всецело предоставляя это власти местных епископов. Сопоставляя историю развития церковного Богослужения с историей соборов, мы видим, что все литургические перемены происходили совершенно независимо от соборов. Соборы не составляли и не утверждали чинов литургии и никаких церковных книг. Церковное Богослужение — это *искусство*, многовековое *творчество*. Как и всякое творчество, его нельзя было осуществлять постановлениями. Во всем, что касалось Церковного Богослужения, соборы древней Церкви ограничивались только отрицаниями, *запрещениями* некоторых явно ложных уклонов: не преклонять колен в день воскресный; не брать денег за Причащение; не допускать беспрерывного псалмопения без назидательных чтений; не входить в алтарь прежде епископа... Кстати: ни одно из этих древних запрещений ныне у нас не соблюдается.

Богослужение древней Церкви развивалось в свободе местного предания и живого творчества. Новшества

возникали и приживались, входили в традицию, либо не прививались и исчезали; и все это происходило постепенно, повседневно, мирно, так что ученые литургисты нередко теряются в догадках — когда же и как образовалась та или иная традиция. Эта «перманентная реформация» проходила во все замедляющемся темпе, так что в позднейшей истории мы почти не замечаем движения — напротив, наблюдаем устойчивую консервативность в отношении современников к своим формам церковного Богослужения. Но если окинуть все прошедшее одним взглядом — оно представится как грандиозная «реформа»: — от ветхозаветного храмового и синагогального культа, в котором принимали участие первые христиане из евреев, и от первых евхаристических собраний «домашних церквей» раннего Христианства до столь разнообразных его нынешних литургических форм на Западе и на Востоке.

На Востоке последней крупной реформой был переход на монастырские уставы (типы) церковного Богослужения, характерным качеством которых и до сих пор является утомительность и обильный элемент чтения. Эти уставы пришли на смену уставу так называемой Великой Константинопольской церкви, который отличался музыкальным, «песенным» характером Богослужения. Устав этот оказался и для древней Руси «просто непосильным» — ибо требовал для своего исполнения многочисленного клира и искусных певцов.

В дальнейшем русская церковная история была страшно омрачена расколом старообрядчества. Конечно, иерархия была кругом виновата в своей адми-

нистративной жестокости. И здесь же великою силой выявилась в нашем народе та особого рода литургическая консервативность, которая совершенно сливается с суетной верою в магическую силу и священную неприкосновенность обряда. «До нас положено, лежи оно так во веки веков» (протопоп Аввакум).

Это суеверие живет и среди нас, «никониан».

И среди нас сегодня много невежественных христиан, для которых «православие» и «древность» определяются привычками одного поколения. На них равняются и многие представители иерархии, совмещая иногда фарисейское почитание этой псевдо-древности с саддукейским неверием в *будущее* Русской церкви... Для них существующие сегодня формы русского церковного Богослужения абсолютны, они не допускают и мысли ни о каком литургическом развитии.

Но Христианство будет жить до скончания века — и с ним будет жить, то есть развиваться, церковное Богослужение. В Русской церкви это развитие задержалось, «накопилось», — искренние души понимают это, для них это давно уже вопрос не принципа, а практики. «Большинство высказывавшихся за истекающее десятилетие в печати голосов стоит за реформу устава» (проф. И. А. Карабинов, Актовая речь в Петроградской Духовной Академии, 1915). Частично эта «реформа устава» совершается стихийно. Наши литургические книги изданы с благословения высшей церковной власти; но многочисленные хорошие и плохие *изменения* Типикона, Служебника, Требника в *практике* церковного Богослужения происходили и продолжают происходить без

канонических решений, при молчаливом согласии или попустительстве иерархии. Впечатление, будто все оставилось, — обман близкого зрения. Просто мы не замечаем постепенных изменений; однако вот уже и на нашей памяти появилась, например, Общая Исповедь.

Литургическое развитие продолжается. Другой вопрос — в каком направлении оно совершается и не могла ли бы иногда церковная иерархия, как и в древности, употребить увещание и власть против некоторых ложных движений. И вместе с этим всегда своевременно заняться вдумчивой подготовкой положительных рекомендаций.

3

Полезно вообразить: вот, мы строим храм. Как и многие, до недавнего времени я полагал, что нам остается только выбирать и копировать древне-русские образцы. Но вот в одном счастливом знакомстве мне открылось, что возможно талантливое новое творчество, возможно вообразить на нашей земле храм, в котором сочетаются древность и современность, отображается трагизм нашей истории, взлет нашей молитвы... Тут бы нужен рисунок, у меня его нет.

Не знаю, как представляется архитектору внутренность нового храма. В своих художественных поисках он непременно встретится с проблемами русского иконостаза, местоположения «жертвенника», ризницы, внеслужебного пребывания духовенства — с проблемами, от разрешения которых зависит устранение наших совре-

менных литургических несообразностей (об этом — потом, ниже). И еще проблемы — живопись, освещение, икона, убранство храма. Художник увидит, что сам по себе критерий «древности» тут непригоден, ибо в конце концов приводит к «белому месту» — к абсолютной простоте «домашних церквей» первоначального христианства. Охотникам же командовать, указывать на «традиции» — надо отвечать конкретными вопросами: когда возникла, каким авторитетом утверждена традиция? И сразу же станет ясно, как все это относительно, условно.

В одном храме, готовясь к ремонту, я стал ревизовать медальоны с ликами угодников на стенах. А кто же это в среднем медальоне? Какой-то старец; но почему у него голубь под бородой? Неужели?.. Всмотревшись, я увидел надпись: «Бог». Вот к чему приводит бездушное следование текущей «традиции», — мы уже привыкли к таким нелепостям.

Столь же условны наши традиционные евангелисты на парусах сводов и многое тому подобное. С другой стороны, может быть очень полезно изучение традиций, в свое время исчезнувших. Д. С. Мережковский в исследовании «Толстой и Достоевский» цитировал слова Иконописного Подлинника об изображениях в храмах Древней Руси Гомера, Платона, других представителей дохристианского человечества — «их же в неверии касашася благодать Духа Святаго»... Покойный проф. А. И. Макаровский рассказывал, что в каком-то храме во Пскове весь цокольный ярус иконостаса был заполнен изображениями дохристианских мудрецов и поэтов. Но такой универсализм оказался нам не по плечу, и «язычников» закрасили.

Электричество в современном храме необходимо по соображениям чистоты и безопасности; но его нужно хорошо спрятать в абажуры, чтобы с клиросов или от свечного ящика не падал на целую половину храма этот мертвенный свет, разрушающий благодатный полумрак молитвы. Очень хорошо «воцерковляется» электричество в лампадах: преломляясь в цветном стекле, электрический свет приобретает мягкость и теплоту. Хороши лампы в скоплении у чтимой иконы, в паникадиле, которое напрасно превратилось у нас в концертную люстру. Но позволительна ли в храме Божиим эта имитация, когда электричество «притворяется», что оно — масло? Много и других проблем явится в строительстве нового храма, и совсем не обязательно решать их везде одинаково.

Есть две стороны церковного Богослужения, которые в самом общем смысле можно обозначить как *молитву и проповедь*. Если представить себе не «помесь оперы с вокзалом», как это нередко у нас бывает, а образцово-стильный русский храм с лампадами и свечами, с древними иконами, с хорошим пением, — это будет достойное выражение первой, сакраментально-молитвенной стороны церковного Богослужения. Можно назвать это бесспорным историческим достижением русской церковности. Зато вторая сторона — в широком смысле *проповедь* — никогда не была в нашем стиле. В обстановке русского храма немислимо, например, цитировать в проповеди газету и даже многое из художественной литературы, сослаться на кинофильм, проявить юмор... А где же нам прочитать лекцию с откровенной постановкой острых

вопросов веры, где устроить дискуссию, литературное чтение, концерт? Все это нужно в современной христианской общине. По-видимому, наш архитектор должен будет разделить функции *молитвы и проповеди* — запроектировать вместе с храмом непременно еще и лекционно-концертный зал, библиотеку и все остальное для немолитвенного общения верующих. В таком ансамбле преодолена будет «монофизитская» односторонность русского церковного Богослужения.

4

Священные одежды — иллюстрация внеканоничности развития церковного Богослужения. Никакой собор не постановлял ничего относительно церковных облачений. Сегодня для нас ясно только их общее назначение — выделить священнослужителя из обыденности и обозначить его особую уполномоченность в Церкви.

Поднятие диаконом ораря хорошо выражает приглашение к общей молитве. Но когда, как появился орарь, что он сам по себе означает — этого никто не знает. Даже происхождение слова объясняют по-разному. Мне говорили, что корифей русской литургии проф. Н. Д. Успенский выдвигал предположение, что орарь мог преобразоваться из полотенца, которое носил на плече диакон-служитель древнехристианской трапезы и которое он воздевал для приглашения к молитве. Эта практическая догадка, по крайней мере, гораздо более солидна, чем так называемое «символическое» толкование, которое я читал в каком-то

популярном издании, что орарь обозначает ангельские крылья. Ибо он просто не похож ни на какие крылья.

У священников орарь перекинулся обоими концами вперед, здесь сдвоился и образовал епитрахиль (от греческого «трахилос» — шея). Епитрахиль удачно объясняют как символ благодати священства. Нередко мы видим епитрахиль уже без следов сдвоения ораря — без шва посередине, и эта по-своему крупная «реформа» епитрахили совершилась тоже без всякого постановления, вероятно, просто по большему удобству для шитья. И эта «новая» епитрахиль в некотором смысле как бы освящена уже иконой преподобного Серафима.

Возможны дельные возражения против нынешней формы священнической *фелони* (от греческого — плащ, накидка). Она приняла у нас уродливый вид — заканчивается твердым пирамидальным верхом, стоящим за спиною священника, который оказывается без плеч. На старых иконах и в исторической живописи мы видим фелонь естественную и красивую. Недавно я видел такую фелонь на будничной литургии в соборе Александро-Невской лавры. Она лучше гармонирует с короткими волосами священника (тоже — древность, к которой мы возвращаемся), хорошо вписывается в стиль русского храма. Народ не выражает никакого неудовольствия. Еще бы — ведь это фелонь святителя Николая и Златоуста!.. Думается, что она должна быть восстановлена, — и это произойдет без собора и без циркуляра, просто путем свободного подражания лучшему образцу.

5

«...Речь моя идет не о *переводах*, а о новом *творчестве*, которое на языке *другой эпохи* невозможно. Церковные песнетворцы писали на языке *своего времени* — конечно, не на рыночном, а на торжественном. Златоуст онемел бы, если бы ему поставили условие — говорить языком эпохи Гомера. Это вдвойне действительно по отношению к языку церковно-славянскому, который представляет собой соединение греческой грамматики со славянскими корнями и на котором за тысячу лет ничего кроме переводов и не было написано. Когда мы читаем, например: “*О ужаснаго начинания!*” или “*О радости оныя!*” — мы переносимся не в одну другую эпоху, а сразу в две другие эпохи и не знаем, что нас более трогает — пафос грека или смирение русского переводчика: оба они молятся с нами... На этом священном “*дву-языке*” можно при помощи словаря “составлять” что-нибудь, как делали мы это со службами русским святым и акафистами. Но это будет еще не творчество, а только имитация или пародия.

Неужели с греками навсегда *кончилось* словесное *творчество* в Церкви? И как войдет наш великий, правдивый, могучий, свободный русский язык в русское церковное Богослужение?...»

Из письма, 1957

Надо иметь постоянно в виду, что по словесному содержанию у нас собственно не русское, а целиком *греческое* церковное Богослужение. Для *перевода* его

и построился в свое время специальный церковнославянский язык. Торжественный, звучный, священный язык — идеальный *подстрочник* греческих текстов. Когда мы рассматриваем наши главные, наиболее употребительные церковные песнопения — мы убеждаемся, что лучше перевести их было невозможно:

Христос воскрес из мертвых
Смертию смерть поправ
И сущим во гробех
Живот даровав.

Невозможно было бы никак лучше перевести и этот (хочется назвать его гениальным) кондак преподобного Романа Сладкопевца:

Дева днесь Пресущественнаго раждает
и земля вертеп Неприступному приносит
Ангели с пастырьми славословят,
волсви же со звездою путешествуют.
Нас бо ради родися
Отреча младо, превечный Бог.

Или этот древнейший христианский гимн, известный уже в III веке:

Свете тихий
Святыя славы
Безсмертнаго Отца Небеснаго,
Святаго, Блаженного —
Иисусе Христе!
Пришедше на запад солнца,
Видевше свет вечерний,
Поем Отца, Сына
И Святаго Духа, Бога.

Достоин еси
Во вся времена
Пет быти гласы преподобными —
Сыне Божий,
Живот даяй,
Темже мир Тя славит.

Перевод положен на ноты, причем некоторые композиции чудно хороши... Одно это должно остановить всякое намерение «исправлять» перевод, уже соединенный с музыкой. Да и как исправлять? «Свете тихий» — нельзя было лучше перевести, истолковать прилагательное, выражающее по словарю радость, веселость, доброе настроение. Догадываюсь, что здесь перевод даже лучше оригинала, особенно если почувствовать еще и скрытую антитезу страшному, опаляющему свету неприступного Божества до христианства... «На запад солнца» — можно было бы сказать: «К закату солнца», но это был бы уже не церковно-славянский, а русский, разностильный и притом худший перевод. «Пет быти гласы преподобными...» «Живот даяй...» Можно перевести это лучше, но опять-таки уже только по-русски, с нарушением стиля и музыки. Нет, ничего уже тут нельзя изменить, это подобно древней иконе, которую можно только комментировать, — и это прекрасный повод для очень содержательной церковной проповеди.

Преобразился еси на горе, Христе Боже,
Показавый учеником Твоим
Славу Твою, якоже можаху.
Да возсияет и нам, грешным,
Свет Твой присносущный.

Молитвами Богородицы.
Светодавче, слава Тебе!

Здесь «якоже можаху» значит: как только они могли, в меру их способности восприятия показана была ученикам Божественная слава Христа. Надо объяснить это в проповеди; но невозможно было бы в церковнославянском переводе изложить это никак иначе.

Один из воскресных «тропарей по Непорочнах»:

Почто мира с милостивными слезами,
О ученицы, растворяете?
блистаяся во гробе ангел
Мироносицам вещаше:
Видите вы гроб и уразумейте:
Спас бо воскресе от гроба.

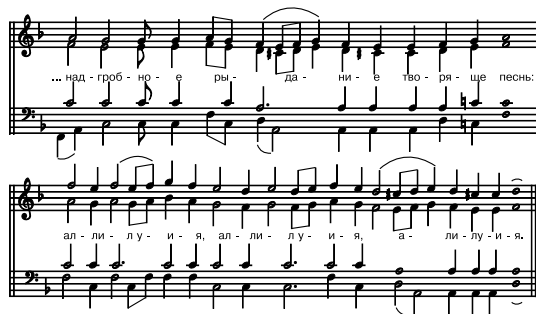
Женщины плачут, и слезы жалости смешиваются с ароматами, которые несут они ко гробу Господню. Слова об этом поэт вкладывает в уста ангела, вестника Воскресения у пустого гроба... Это нельзя было никак иначе перевести, это можно только объяснить в проповеди, которая может на этот текст быть прекрасна.

Еще пример:

...а може вси человецы пойдем,
надгробное рыдание творяще песнь:
аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.

Обычно мы понимаем это так, что вот — надгробное рыдание сопровождаем мы покорным «аллилуйя». И только специальным объяснением можно нам растолковать, что это значит. Это значит: надгробное рыдание творяще песнью, прославляющей Бога. Надгробный плач становится гимном хвалы. В нашей безутешной

скорби о почившем мы переживаем такую любовь нашу к нему, такую любовь его к нам, возносимся на такую духовную высоту, что приобщаемся к самой *Божественной Жизни*... Обычно в церковных нотах «аллилуйя» звучит мрачно, музыкально повторяет «рыдание». Это неправильно, здесь должен быть прорыв к свету. Попытаюсь нарисовать это на нотах; что-нибудь вроде вот этого:

Как перевести это иначе? «Претворяя в песнь»? Это будет не лучше, ибо еврейское «Аллилуйя» («слава Богу») остается все равно ведь не переведено. Надо примириться с тем, что глубочайший смысл этих слов будет доступен только тому, кто услышит их разъяснение. Подобным же образом пение «вечная память» будет воспринято случайным посетителем храма только как «вечная слава» и тому подобная похоронная ложь. Истинное значение «вечной памяти», как *вечной жизни* со Христом в Боге, может быть усвоено только в церковной проповеди.

Не умножая больше примеров, в общем должно признать, что в лучших, простых, наиболее употреб-

тельных песнопениях церковно-славянский перевод достаточно понятен, отдельные же трудные места их должно разъяснять и комментировать в церковной проповеди. *Музыка и проповедь* — только в сопровождении этих искусств живет и сегодня для нас греческая церковная поэзия в славянском подстрочнике. Приведенные выше драгоценные тексты звучат в полную силу только в хорошем пении. По сути дела, мне надо было бы писать их на нотах, а если читать вслух — то только в распевной мелодии... Подобным образом и *смысл* их может быть до конца раскрыт только в хорошем комментарии. А так как «живая» проповедь для столь многих из нас сегодня не по силам, то встает насущная потребность в церковном *учительном чтении*. Об этом — потом, ниже.

Совсем другое дело — византийская поэзия позднейших времен с особенно сложной грамматической конструкцией. Здесь церковно-славянский подстрочник часто совершенно непонятен нашему слушателю в храме, и он воспринимает, например, чтение тропарей канона просто как звуковой аккомпанемент в церковной молитве из каких-то благоговейно произносимых слов с каким-то неизвестным священным смыслом... Если это текст глубокого содержания, то его ценность может пригодиться в церковной школе, в философском сочинении — но только не в церковном Богослужении. Однако при такой ревизии обнаруживается, что эти трудные тексты очень часто бывают и совершенно ничтожны по содержанию. Только один пример — Экзапостиларий X из воскресной всенощной:

Тивериадской море с детьми Зеведеевыми,
Нафанаила с Петром же и со другима двема
Древле, и Фому имяше на лове: иже Христовым
повелением одесную ввергше, множество

извлекоша рыб:

Его же Петр познав, к Нему бродяше, имже третие
явлейся, и хлеб показа и рыбу на углех.

Что это? Это непонятное и, по всей видимости,
и в оригинале бездарное изложение евангельского тек-
ста (по Иоанну, гл. 21). Очевидно, что оно не заслужива-
ет никакого объяснения, и можно уверенно предсказать,
что текст этот просто выпадет из употребления, как
и другие ему подобные, в процессе сокращения словес-
ного содержания русского церковного Богослужения.
Об этом — потом, ниже.

Есть еще церковно-славянские тексты, которые яв-
ляются не переводами, а сочинениями русских авторов.
Обычно они более или менее достаточно понятны, но по
содержанию представляют собою только посредственные
стилизации и перепевы. Дело в том, что неопределимо пре-
красный для *переводов с греческого*, церковно-славян-
ский язык оказывается совершенно непригоден для ори-
гинального творчества. За тысячу лет русский человек не
написал на церковно-славянском языке ничего подлин-
но художественного, гениального. И вперед не напишет.
В качестве курьеза привожу только один пример — со-
чинение одного нашего благочестивого современника.
«Тропарь преподобному Франциску Ассизскому»:

Яко луна пресветлая, слава твоя, отче преподобне
прииде от Запада даже до Востока. Ты бо нищете

святой обручился еси, любовь Христову проповедал еси, благодать Святаго Духа стяжа. Темже вся вселенная на Западе и на Востоце славят тя, отче Иоанне Франциске (так), пречудне, любви и благодати сосуде благоуханне.

Новое *русское* литургическое творчество, достойное этого имени, может осуществиться только на *русском* языке. Собственно, русский язык присутствует уже и сегодня у нас в храме — в церковной проповеди, а завтра должен появиться в учительных чтениях и в новых молитвах (об этом — потом, ниже). Конечно, это будет торжественный, несколько «славянизированный» русский язык. Но все это пока будет «проза». Говорить же о будущей русской церковной поэзии — это значило бы пытаться вообразить присутствие в Русской Церкви великих художественно-творческих сил, а также и какое-то неведомое нам изменение самого стиля и музыки русского церковного Богослужения.

6

«Чтения из священного Писания» — древнейшая и важнейшая часть церковного Богослужения. У нас на Руси мы сохранили чтения, но в огромной степени утратили слушание, то есть *понимание* чтений. Обычно совершенно непонятны ветхозаветные паремии. Чтения псалмов понятны только местами, причем тогда в распевном церковно-славянском чтении они звучат лучше, чем это был бы русский перевод с еврейского. Огромное же количе-

ство текстов церковно-славянской Псалтири непонятны и представляют собою словесный балласт, который, по всей вероятности, должен будет выпасть в будущем развитии русского церковного Богослужения.

И чтения из Нового Завета в нашем церковно-славянском подстрочнике понятны только местами. Редкое чтение в храме Евангелия и особенно Апостола проходит без того, чтобы тебя — читающего — не посетило ясное сознание, что тебя *не понимают* или понимают даже *превратно*:

<i>Мф. IV, 10:</i> Иди за Мною, Сатано	Отойди от Меня, Сатана
<i>Мр. IX, 15:</i> И абие весь народ видев Его ужасеся, и пририщуще целоваху Его.	Тотчас, увидев Его, весь народ изумился, и, подбегая, приветствовал Его.
<i>Мр. X, 22:</i> Он же дряхл быв о словеси...	Он же, смутившись от сего слова...
<i>Мр. XIV, 4:</i> Почто гибель сия мирная бысть?	К чему сия трата мира?
<i>Лк. V, 29:</i> И сотвори учреждение велие в дому своем.	И сделал Левий в доме своем большое угощение.
<i>Лк. XIV, 2:</i> И се человек некий, имый водный труд, бе пред Ним.	И вот, предстал пред Ним человек, страждущий водянкой.
<i>Лк. XX, 46:</i> Внемлите себе от книжник...	Остерегайтесь книжников...
<i>Ио. VI, 55:</i> ... и кровь Моя истинно есть пиво.	... и кровь Моя истинно есть питье.
<i>Ио. XXI, 12:</i> Ни един же смеяше от ученик истязати Его...	Из учеников же никто не смел спросить Его...
<i>Деян. II, 42:</i> Бяху же терпяще во учении Апостол...	И они постоянно пребывали в учении Апостолов...

Деян. XVIII, 3: ... и зане единокорным художником быти им, пребысть у них и делаше: бяху бо скинотворцы хитростию.

Деян. XIX, 9: ... отлучи ученики, по вся дни стязаяся во училищи Мучителя некоего.

I Кор. VII, 12: Аще который брат жену имать неверну, и та благоволит жити с ним да не оставляет ея.

I Кор. XI, 30: Сего ради в вас мнози немощни и недужливи, и спят доволни.

...и по одинаковости ремесла остался у них и работал: ибо ремеслом их было делание палаток.

...отделил учеников и ежедневно проповедовал в училище некоего Тирана.

Если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее.

От того многие из вас немощны и больны, и немало умирает.

И т. п. Один благочестивый христианин рассказывал мне, как, живя в Эстонии и посещая эстонско-русский храм, он с живейшим интересом ожидал всякий раз чтения Евангелия на эстонском языке, который для него, русского человека, был *понятнее* церковно-славянского перевода... Приходится признать таким образом, что русский народ — это единственный в мире народ, который не слышит в храме Писания на вполне понятном ему языке.

В стиле русского церковного Богослужения — распевное чтение, и всякому ясно, что это должно быть чтение церковно-славянское.

Полезно было бы положить его даже на ноты (об этом — потом, ниже). Но как сделать его понятным? Никакие возможные улучшения церковно-славянского текста этой проблемы полностью не решат, потому что главная трудность понимания церковно-славянского

перевода — не в отдельных словах, а в его общей конструктивной близости к греческому священному тексту. Ни одна церковь в мире не имеет такого *точного* перевода Нового Завета. Но именно поэтому он и непонятен русскому человеку.

Единственная надежда — на ревность служителей, которые взяли бы себе за правило повторять всякий раз вслед за церковно-славянским *русское* чтение по синодальному переводу Нового Завета. Именно торжественно повторять, а не «излагать» своими словами... Прочитал по-славянски — повтори по-русски. Кто не поступает так — согрешает.

7

*...И вот столько веков молило человечество
с верой и пламенем: «Бо Господи явися нам»,
столько веков взывало к Нему...*

Ф. М. Достоевский,
Легенда о Великом Инквизиторе

Так понял Достоевский столь привычное всем возгласение на всенощной из Псалма 117:

«Бог Господь и явися нам»,

что по-русски в синодальном переводе с еврейского значит:

«Бог — Господь (есть) и (Он) осиял нас...»

Надо же было именно Достоевскому так обмануться. И странно, что никто из современников его не попра-

вил — так эта грубейшая ошибка и осталась в романе уже навсегда. Величайший представитель русского народа показал тут непонимание церковно-славянского языка Псалтири*.

8

Они имеют обыкновение сходиться в известный день перед рассветом и петь попеременно друг с другом песнь Христу, как Богу.

Плиний Младший,
Письмо императору (112 г.)

Русское церковное Богослужение по форме есть *пения*. Кроме проповеди, все в храме читается нараспев и поется. Поет священник, поет диакон, поет чтец, поет народ, поет хор...

Хотелось бы сказать: *поют хоры*. Сама архитектура русского храма и архитектура Богослужения, особенно вечернего, требуют двухорного, строго антифонного пения. Перекликающиеся хоры — эта такая прелесть, это древняя литургическая красота, которую христиане поддерживали даже во времена гонений и которая запечатлена в Типиконе в непрерывных двух «ликах»,

* «Возможно, что ошибка Ивана служит средством характеристики этого героя, указывая на нетвердое знание того, что Иван в своей речи опровергает» (примечание к роману. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 т. Т. XV. Л.: Наука, 1976. С. 557).

в их постоянно чередующемся пении и в их схождении, «катавасии» посреди храма для особо торжественных песнопений.

Речь идет о совершенном *равенстве*, о добром соревновании двух клиросов. По уставу преп. Феодора Студита (IX в.) в Неделю Ваий хоры менялись местами: правый становился левым и наоборот — весь год. Еще сравнительно так недавно всемирно-знаменитый Синодальный хор разделялся на два равных клироса в московском Успенском соборе; и *левым* клиросом управлял Голованов... Нынешняя наша однохорность не только заметно обедняет службу, но и губительно сказывается на *качестве* пения, когда один клирос без передышки, что называется, «тащит» всю всенощную или всю литургию. Далекое, но точное сравнение: как будто самолет, у которого заглох левый мотор... Особенно это заметно в пасхальном Богослужении, которое в исполнении *одного* хора, пусть наилучшего, теряет половину своего благолепия.

Почему сегодня повсеместно *забыта традиция* антифонного пения? Отчасти это можно объяснить просто безвкусицей, упадком церковной культуры. В Ленинграде, например, в Преображенском соборе левый клирос пуст, а правый ломится от певцов, и неприличный регент выдвинут почти на середину солеи; среди певцов присутствует второй регент, он бездействует; среди безмолвствующего народа — масса любителей, которые могли бы превосходно петь на левом, да и на правом клиросе... В Москве есть левые хоры, но они поют не антифонно с правым, а «что останется» — и притом так

плохо, как будто это делается по намеренному контрасту. Даже в патриаршем соборе, где одно время налаживалось было антифонное пение, оно разрушено.

Но могут быть и дельные соображения в пользу однохорного пения. Главное, конечно, — недостаток средств: лучше иметь хоть один приличный хорик, чем два плохих. Но если бы даже и была возможность организовать два приличных хора: все хорошо, пока не наступило время петь, например, «Свете тихий» или Херувимскую. Петь это только одним правым или одним только левым клиросом — это бедно, это все тот же «один мотор». Сходиться обоим хорам, устраивать во время Богослужения суету, «катавасию» среди храма?.. Спорный вопрос. Культурный же регент может и при одном хоре устроить передышки певцов и создать, так сказать, колорит антифонности частым привлечением алтарного и общенародного пения. Можно ведь и внутри одного хора устроить два хора — отдельно мужские и женские голоса. Можно превосходно петь антифонно с народом, например, тропари «Ангельский собор» на воскресной всенощной, ирмосы канонов, псалмы, «Блаженны» на литургии.

По-видимому, возобладает все-таки система однохорного пения. Но если мы способны «для пользы дела» так изменить традиции, то почему бы не пойти по этому пути еще дальше? Имею в виду инструментальное сопровождение, которое очень бы нужно у нас для общенародного пения.

Когда я начинал служить третьим священником, у нас в храме было два хора: дорого оплачиваемый «правый хор» с претензиями и «артистами», исполнявший (плохо, конечно) произведения лучших композиторов, и хор любительский, который пел ранние обедни — тоже неважно, но просто. В насмешку мы называли его «патриаршим»... Моя квартирная хозяйка, благочестивая старушка, ходила всегда к ранней обедне. Я полагал, что это удобнее ей по хозяйству; а она однажды и говорит:

— Я к ранней хожу, за ранней *лучше поют*...

Могу и по себе судить, почему простой человек не сразу бывает способен оценить и полюбить достойные этого произведения церковных композиторов. Дело в том, что нам нужно время и многократные повторения, чтобы «привыкнуть» — чтобы у нас появились верные музыкально-идейные ассоциации. И все это — при непременном условии, конечно, приличного исполнения. А где же мы услышим сегодня хорошее исполнение? Вероятно, я не ошибусь, если скажу, что самое драгоценное в нашем церковно-музыкальном наследии — это древние распевы в гармонизациях Кастаньского. Но сегодня они могут быть услышаны только по какому-то уж очень счастливому случаю — только в грамзаписи.

Между тем есть напевы, которые и в самом простом исполнении оказываются наилучшими из всех существующих. Пример — вдохновенный «архиерейский» напев входного «Приидите, поклонимся» на литургии. Ни один композитор не написал ничего лучше на эти

слова. В «литургии» П. И. Чайковского «Святый Боже» выражает, вероятно, стремительный полет и священный ужас небесных сил бесплотных; но когда мы поем «Святый Боже» сами, поем в нашей собственной радостной молитве — то ничего не может быть лучше тоже простого «архиерейского» напева, который можно превосходно исполнять и без архиерея на три хора: клирос, алтарь, народ... И сам великий композитор в этот священный момент литургии согласился бы с нами. Или «Елицы во Христа крестистесь», которое поют вместо Трисвятого на Пасху и в самые великие праздники (в эти дни совершалось Крещение новых христиан): какой простой, простой — и какой чудный, «умилительный» этот напев, как подходит он к словам Апостола о радости христианской надежды. «Ибо все вы — сыны Божии по вере во Христа Иисуса. Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (к Галатам, гл. 3).

Вот на уровне такой простоты и такой силы воздействия должны быть собраны, записаны, рекомендованы самые изысканные, задушевные, истинно церковные напевы по всему кругу Богослужения. Увы, никто этим не занимается, и есть опасность, что так могут быть позабыты и погибнуть некоторые подлинные драгоценности так называемого «простого» церковного пения.

9а

Приложение: Сделаю свой вклад — запишу здесь припевы на великопостных кафизмах б. Ниловой Пустыни,

гармонизированные проф. Н. Д. Успенским* для смешанного хора. Какая простота — и какая красота, увлекающая, благодатная сила молитвенной сосредоточенности:

p *pp* *< >* *p*

Господи, помилуй; Господи, помилуй; Гос - по - ди, по - ми - луй. Сла - ва От -

цу и Сы - ну и Свя - то - му ду - ху... *Fine* И ныне и присно и во веки ве-ков. А-минь.

3 раза *D. C. a. F.*

Аллилуия, аллилуия, аллилуия, сла - ва Те - бе, Бо - же.

10

Так называемое «простое» пение отнюдь не так *просто*, если предъявить к нему должные требования: ритм, произношение, выразительность, легкость... Редкий хор не провалится на этом экзамене. Для регента экзаменом должна быть еще и музыкальная цельность

* По устному сообщению Владимира Ефимовича Конкина, хранителя архива Н. Д. Успенского, эти припевы сочинены самим Успенским и к Ниловой Пустыни отношения не имеют.

службы, чтобы вся она с начала до конца была тщательно подготовлена, шла бы в хорошем темпе выражающем нашу духовную собранность без малейшей неоправданной паузы, — при антифонном пении так, чтобы «лики» даже чуть-чуть перебивали друг друга!.. У культурного регента — не один, а четыре хора: правый, левый, алтарь, народ, и он должен смотреть на службу не как на концерт со своими отдельными «номераами», а как на цельную «оперу»... Скажут: церковь — не театр; это верно, церковь — *выше* театра, и поэтому церковные требования к *качеству* пения должны быть *не ниже* театральных. В театре не позволят, как это обычно у нас на клиросе, петь недоученное, смотря в ноты.

Но бывает в клиросном пении и такая «простота», которая хуже воровства. Имею в виду «придворные» запевы печальной памяти Бахметева. В своих переложениях он «упростил» церковные мелодии и умертвил в них самобытность и выразительность. Пользуясь своим положением директора Придворной Капеллы, Бахметев издал свои переложения в технически удобной форме на все голоса, и они получили широкое распространение по всей России. Что это такое — легко понять из сопоставления воскресных стихир и тропарей, например, Второго или Седьмого гласов Киевского или Греческого распева с тем, что получилось на те же слова в «придворном» напеве. А «придворные» стихир Пасхи способны привести в настоящее уныние того, кто помнит, как поют их в Москве... И этот столь явно сравнительно худший «придворный» напев стихир Пасхи уже и сегодня распространяется все дальше и дальше,

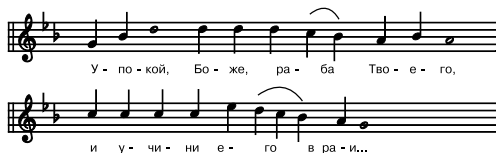
вытесняя чудный народный напев, выходящий, вероятно, из древнего Знаменного распева.

Не знаю, насколько виноват в этом Обиход Бахметева — но везде, везде распространены поразительно плохие дьячковские напевы, употребляемые на будничных литургиях. Обычно это второй глас «придворного» напева, который вполне мог бы быть музыкой на слова «Ах, как нам это все надоело»... Так исполняется «Единородный Сыне» и ектения, хотя есть превосходное простое изложение распева Д. Соловьева. Входное «Приидите, поклонимся», Трисвятое, благодарственные песнопения и ектения после Причащения — все это исполняется читком в миноре, как будто со специальной целью показать полнейшее равнодушие авторов к Божественной литургии... Такая «простота» — форменное бедствие русского церковного пения.

11

Другое бедствие — это пошлости позднейшего времени. Таковы всякого рода будто бы «молитвенные», на самом же деле просто тоскливые напевы совсем не церковного происхождения. Выдающийся горестный пример — широко распространенный теперь будто бы «монастырский» напев заупокойных тропарей:

Это — вместо *церковного* напева во глас Пятый, напева, прямо-таки загадочно прекрасного в своей печально-торжественной и молитвенной простоте... Да откуда же взялся этот новый будто бы «монастырский» напев? Случайно я сделал открытие: оказалось, что это — переложение мещанской песенки покинутой женщины:

Знаю священника, который пришел в ужас, услышав на этот мотив «Сухой корочки» церковную молитву «Царице моя Преблагая». Он провел собрание певчих, увещевал... Но нигде больше о таком сопротивлении не слышно. Сегодня эту «Сухую корочку» поют в храмах повсеместно, и даже в столицах, на слова заупокойных тропарей, на слова «Царице моя Преблагая», даже влагают эту тоскливую мелодию в уста Самой Богородице на слова «Величит душа Моя Господа»... Вот ужас!

Есть танцевальная композиция некоего Шишкина на слова Псалма 33 («Благословлю Господа на всякое время»). Завелась эта пошлость в Ленинграде — и вскоре я услышал ее уже и в других городах.

Алтарное пение «Приидите, поклонимся» в начале всемогущей в простом пении на двух-трех нотах звучало великолепно, и так пели это везде уже очень давно. Но вот кто-то сочинил для духовенства «ноты» — отвратительные переходы, каких нарочно не придумаешь,

чтобы испортить этот торжественный момент Богослужения. И подобно заразе эта нелепая «композиция» распространяется по России, ее поют даже и в патриаршем соборе... Все это — крайне тревожные признаки церковной некультурности церковных властей.

12

«Существуют три вида *церковного пения* — со стороны его восприятия:

1) хорошее технически и вдохновенное пение хора, когда и певцы, и слушатели испытывают высокое духовное удовлетворение (явление крайне редкое);

2) плохое пение хора, когда певцы-то заняты исполнением, а слушатели скучают и стараются преодолеть искушение молитвой (явление обычное);

3) пение общенародное, когда поют сами слушатели, испытывая мощный духовный подъем; что же касается чисто музыкального впечатления, то слушатели, они же певцы, сами себя не слышат, точнее — слышат мелодию, а не гармонию песнопения.

Конечно, трудно у нас без органа достигнуть хорошего общенародного пения; собственно, следует вместо органа заставить действовать клирос, который создавал бы невидимое руководство пением народа. А то у нас при общенародном пении обязательно стоит на солее лицом к народу какое-нибудь там кувшинное рыло и машет руками, „как в клубе“».

Из письма, 1950

«При общенародном пении не нужен машущий „дирижер“. Не знаю, слышали ли вы где-нибудь настоящее «общенародное пение». У нас этим словом обычно называется общенародное глухое подпевание, сквозь зубы. Я слышал в юности настоящее общенародное пение, на Холмщине. Запевал дрожащим голосом старик (не поворачиваясь лицом к народу), мощно подхватывала вся церковь Никаких машущих орарей и камертонов. Псаломщик, назойливо „руководящий“ общенародным пением, — это враг его номер один. В прикарпатских епархиях и теперь еще поет вся церковь (почти в каждом доме есть книжка с богослужебными текстами), поют „на подобен“, поют прекрасно, воодушевленно. Конечно, „ревнители православия“ прилагают все усилия, чтобы во имя „единообразия“ это искоренить. И эти усилия не остаются втуне, народ постепенно привыкает молчать, а переквалифицировавшиеся псаломщики соло исполняют „Господи воззвах“ строго по Бахметеву, с вычиткой положенных стихир. Такие сомнительные успехи принципа единообразия видны и в том, что мягкие фелони, где они еще недавно существовали, ныне заменяются „единственно православными“ с твердым сооружением из картона над плечами...»

*Из письма, 1959**

Великую ценность общенародного пения признают все. В нехорошей статье Л. Н. Парийского о языке цер-

* Из письма проф. Д. П. Огицкого (см. Предисловие).

ковного Богослужения в журнале Московской Патриархии № 6 за 1946 год есть одно глубоко верное замечание:

«...Для оживления церковных глаголов требуется общенародное пение, живое участие народа в совершении богослужений: *слово, исходящее из уст человека, живее и действеннее для сознания человека, чем то же слово, которое входит извне в слух его...*»

Народ, как главный участник церковного Богослужения, должен принимать большое участие в церковном пении, и он может петь очень многое из того, что он сегодня только слушает. Но как бы, действительно, для этого нужен орган! *«Хвалите Его во струнах и органе».* (Псалом 150). На эти слова Писания не может быть никаких принципиальных возражений.

13

«...Совершенно согласен с Вами, что музыке принадлежит исключительная роль в деле воплощения религиозных переживаний. Поэтому-то никакое Богослужение не может обходиться (как правило) без музыкального элемента. Кстати, я всегда сожалел, что в Восточной Церкви не принято музыкальное сопровождение. Но я верю, что со временем мы этого добьемся.»

Из письма, 1963

Когда католический орган исполняет с чтецом древние мелодии антифонов из вечерних псалмов — несомненно, он в своем роде несравнимо лучше выражает

истинную *церковность*, чем русский церковный хор последней моды, поющий сплошь «концерты», но не умеющий спеть стихирю... Восточное христианство отказалось от латинского *органа*; но Русская Церковь не удержалась в традиции унисонного пения, приняла с Запада гармоническое трезвучие — и пошла на этом пути дальше католичества: завела себе как бы живой *оркестр*, в котором человеческие голоса работают вместо инструментов. Особенно явственно это *унижение человека* звучит в голосах «аккомпанирующих»... Пение без инструментального сопровождения всегда было изысканной роскошью; и мы замахнулись на такую роскошь для каждого русского храма. Но даже и раньше, при наилучших возможностях, такое пение было очень трудно. Ныне же русские церковные хоры подлинно профессионального уровня можно пересчитать по пальцам; все остальные — только провинциальное любопытство или просто халтура. А тут еще эти глупейшие претензии всех на исполнение заведомо непосильных композиций... В результате сегодня в каждом русском храме мы слышим, как правило, непременно *плохое пение*.

Нельзя, конечно, судить обо всех одинаково, но справедливо будет сказать, что в большинстве своем эти живые инструменты совсем не думают о содержании того, что поют. Однажды мне привелось спросить врасплох интеллигентного солиста — что *переживает* он, когда поет «Ныне отпускаеши»? Оказалось — *ничего*, кроме заботы о каком-то там трудном бемоле. Нельзя, конечно, распространять это на всех — но факт тот, что среди этих людей-инструментов встречается и народ,

совершенно чуждый нам по духу. Мне передавали, как вышли однажды «артисты» церковного хора покурить — и вот, один из них говорит другому о предстоящем дне Усекновения главы Крестителя:

— Так, значит, в четверг — секим башка Ивану!..

Вот какие бывают инструменты у нашего *живого оркестра*. И им доверили мы Божественную службу; а верующий народ в храме безмолвствует... Это неправильно! Нужно искать нам новых путей.

Нужно обратиться к так называемому «простому» пению в простых гармонизациях. По возможности восстановить древнюю антифонность и народность церковного пения. Подобрать наилучшие простые напевы.

Хотелось бы сказать дальше, что нужно поискать золота в древних мелодиях, исполненных суровой духовной энергии. Однако приходится признать, что все наши ревнители Знаменного распева остаются таковыми пока только на словах — не показывают ничего на деле, не дают практически никаких образцов для изучения и исполнения. И надо признать, что пение современных старообрядцев, при всем к ним уважении, не вдохновляет, не внушает желания им подражать. Гармонизации же Кастаньольского недоступны для современного церковного хора по их размаху и сложности.

При суждениях о возможности инструментальной музыки в русском церковном Богослужении нужно иметь в виду прогрессивную последовательность:

- пение унисонное;
- пение гармоническое;
- пение с инструментальным сопровождением.

Наши староверы остановились на первой степени, считают гармоническое пение ересью. Если уж мы пошли дальше — то почему мы должны остановиться на второй ступени?

14

«ТИПИКОН, сиречь, изображение церковного последования во Иерусалиме святых лавры»... С начала своего существования Русская Церковь смиренно принимала к руководству *чужеземные уставы*: Константинопольский, Студийский, наконец — Иерусалимский. В своем нынешнем виде он напечатан у нас в XVII веке, с тех пор переиздается без изменений и считается «уставом» Русской Церкви. На самом деле это совсем не наш устав церковного Богослужения.

Нагляднее всего это видно на примере «*всенощного бдения*» по Типикону. Это очень далеко от русской «всенощной», которую мы знаем сегодня. «Кандиловжигатель», возглашающий «Восстаните» пред горящей свечей посреди храма. Кажение храма и притвора при общем молчании, «Предстоятель» без облачения и вне алтаря, поющий «Приидите, поклонимся»... Священник и диакон, стоящие вне алтаря «на своих си местах», облачающиеся только для ектений и священнодействий. Диакон, не говорящий великой ектении и прокимнов. Посреди всенощного бдения — *трапеза* из благословенных хлебов и «по единой чаше вина всем равно от настоятеля и до последних, яже во обители суть»... В это время — чтение

Деяний, апостольских Посланий или Апокалипсиса. Далее еще *пять* раз служба прерывается, все садятся и слушают чтения поучений. «Литературный вечер» — заметил мне молодой священник, впервые знакомившийся со всенощной по Типикону. Нет, не вечер, а действительно *всю ночь* надо было бы нам потратить, чтобы совершить *всенощное бдение* по Типикону. В нашей русской всенощной мы поем и читаем только малую часть того, что рекомендуется в Типиконе. Об этом — потом, ниже.

И в других службах по Типикону мы то и дело встречаем описание совсем *не нашего* церковного Богослужения. Великая Пятница: плащаница не выносится. Великая Суббота: крестного хода с плащаницей вокруг храма не бывает. Пасхальная ночь: полунощница в 10 часов вечера, на которой читается слово святого Епифания Кипрского, егоже начало: «Что сие днесь безмолвие много, яко Царь спит»... Пасхальная утренняя — не полночь, а «об часе утреннем»: крестного хода вокруг храма не бывает. Пасхального поминовения усопших («Радоницы») не полагается... По Типикону «Верую», «Отче наш» на литургии не народ и не хор поет, а *читает* настоятель. И на вечерне гимн «Свете тихий» не народ и не хор поет, а *читает* настоятель... В этих и в целом ряде других важных моментов служба, которую описывают авторы Типикона, оказывается совсем *не похожа* на службу, которую мы совершаем сегодня по нашим *русским обычаям* и которая часто бывает, на наш взгляд, лучше, «богаче» службы по Типикону.

Таково непосредственное впечатление «чужеземности» Типикона. Обыкновенно обращают внимание,

что Типикон написан не для приходских храмов, а для монастырей. Главное — не в этом, а в том, что Типикон написан *не для наших*, не для русских монастырей. Читаешь о службах и чтениях в *притворе*; но нет у нас таких притворов. Читаешь наставления о постах: «вино и фрукты»!.. Святитель Тихон Задонский предлагал заменить молоком столь опасное для русских монахов вино Типикона.

Второе непосредственное впечатление — это ложность положения непререкаемой святыни, которое занимает Типикон, в представлениях невежественных его почитателей. Не нужно быть специалистом, чтобы из самого текста Типикона понять, что сам он на такое значение не претендует и представляет собою не всеобщий «закон», а только «изображение» одного из типов монастырского Богослужения и быта, даже со следами полемики: «Ныне же сей чин весьма в церквах упразднися»... «Обретаем в неких типичех»... «Аще нецыи уставы и повелевают». И т. п. В этом историческом памятнике сочетаются весьма разнокачественные элементы. «И глаголет Шестопсалмие кротким и тихим гласом»... Это выражается общая благоговейная настроенность Типикона. Но вот здесь же и *суеверие*: благословенные на литии хлебы рекомендуются в качестве хорошего средства против мышей (глава 2). К поучению Златоуста приделано поверье о чудесных свойствах воды, почерпнутой в полночь на Богоявление (глава 48, 6 января). В Неделю мытаря и фарисея — злобная полемика: «яко в сей седмице постятся треклятии армени, мерзский их пост» (глава 49)... Странно *невысокого* рода — настав-

ления о монастырской жизни. Очень заметное качество Типикона — его нескладность, бессистемность его литургических указаний, в которых невозможно разобраться без специальных пособий и комментариев. «Знатоки Типикона» в епархиях теперь очень редки, причем стоит только сойтись двум-трем таким знатокам вместе, как между ними поднимаются споры по поводу всяких неясностей и противоречий.

«Верность уставу»... Это слова невежества и лицемерия. Ибо Типикон — это устав не наш, которого мы и не исполняем. А своего писанного «устава» нет в Русской Церкви.

15

С отвращением читаешь так называемые «Марковы главы» Типикона о службах, когда праздник Благовещения приходится на один из последних дней Страстной седмицы. Греки в таких случаях *переносят* празднование Благовещения на первый день Пасхи. Если уж переносить, то не на первый, а на третий день. Если не переносить, то нужно выбрать в траурном дне два часа и отслужить торжественный молебен Благовещения. Ничего лучше тут не придумаешь... Типикон же предлагает *механическое сложение* служб Страстей и Благовещения.

Последование Страстей Христовых начинается с праздничного «Бог-Господь» и тропаря Благовещения, после чего сразу поется «Егда славнии ученицы».

Читаются Страсти, а после Седьмого Евангелия — «От юности», прокимен Благовещения и Евангелие «Во дни оны воставши Мариам»... И к этому чтению «абие», без всякого даже перерыва, механически *приставляется* Восьмое Евангелие Страстей: «Во время оно ведяху же и ина два злодея с Ним убити». Механическое соединение канона Благовещения и трипесница «К Тебе утренюю». Светилен Благовещения и «Разбойника благоразумнаго»... И так далее. На вечерне Великого Пятка стихиры Благовещения чередуются со стихирами Страстей; после «Отче наш» — тропарь Благовещения и сразу же — «Благообразный Иосиф»... На утрени Великой Субботы в чин погребения Спасителя механически вставляется Полиелей и «Архангельский глас», «От юности», прокимен и Евангелие Благовещения. Механическое соединение канонов «Волною морскою» и Благовещения... Благодарение Богу, мне не привелось ни разу участвовать в служении по этому чину.

Представляю себе такой «гипотетический случай», что в один и тот же день людям нужно совершить и неотложную свадьбу и неотложные похороны. Что ж — надо отслужить венчание, отслужить погребение. Нет, нет, — сказали бы нам, — *соедините вместе* венчание с погребением! Мы ответили бы, что это — кощунство... Но принципиально такое же кощунство и предлагается Типиконом в механическом соединении служб Страстей и Благовещения. В сущности, ужасно не то, что кто-то когда-то придумал такую незадачливую бездушную механику соединения несовместимых служб; ужасно то, что сами мы так опустили, так «отолсте-

ли» духовно, что способны распевать в черных ризах перед Плащаницею «Архангельский глас» и объявлять это какой-то будто бы особенной литургической премудростью Типикона.

16

...Кстати сказать — и в литургики нашей праздник Вознесения плохо поставлен; он отделен от Пасхи, хотя является частью Пасхи, и в таком соседстве звучит бедно, почти печально. По сути же дела праздник Вознесения должен быть апофеозом Пасхи...

Из письма, 1961

«Отдание Пасхи» — последний сороковой день Праздника. Накануне вечером в Ленинграде — переполненные храмы: совершается весь светлейший радостный чин пасхального Богослужения. Прощай, святая Пасха!..

Говорят, это при покойном митрополите Вениамине был заведен такой чин. Вот пример совершенно мирной «реформы устава».

А по Типикону в этот день — скучнейшее механическое соединение служб Пасхи, «Слепаго» (Недели о слепом) и завтрашнего Вознесения. Так и служат во многих местах, так служили сравнительно еще совсем недавно и в Ленинграде.

Заглядывая далеко вперед, можно предвидеть, что этот последний праздничный день Пасхи должен погло-

тить в себе и нынешний праздник Вознесения. Сегодня мы знаем, что Вознесение — это не «полет в пространство», а одно из явлений бесконечно таинственного Воскресения Христова. Не следовало бы отделять Вознесение от Воскресения.

17

«...Брат А. П. Чехова в своих воспоминаниях о нем пишет: „Бывало, он соберет целую компанию и отправляется с нею пешком на Каменный мост слушать пасхальный звон. Жадно выслушав его, он отправляется пешком бродить по церквам, из церкви в церковь, и с одеревеневшими от усталости ногами только в конце пасхальной ночи приходил домой. ...Я не помню, чтобы Антон Павлович хоть раз, даже в Мелихове, провел пасхальную ночь в постели“.

Есть что-то глубоко трогательное в том, как печальный атеист Чехов до изнеможения бродил по церквам в пасхальную ночь. Что сказал бы он теперь, когда увидел бы в эту ночь у каждой церкви ораву любопытствующих и просто хулиганов, которые, если бы не берегущая нас милиция, наверное, разметали бы все в прах? Правда, встречаются и хорошие молодые люди. Но ничего они в шуме и давке понять не могут. Особенно же досадно за истинно верующих бедных людей, которые встречают свой праздник в обстановке враждебного окружения и беспорядка. Столь дорогая им пасхальная служба бывает в эту

ночь в той или иной мере непременно испорчена. Это стало у нас как бы новой пасхальной традицией. Возмущает это удивительное неуважение к родному народу, к своим же матерям и сестрам, собравшимся в храме. Ну, пусть мы не веруем — так и шли бы себе спать или на танцевальную площадку. Нет, нам нужно непременно помешать добрым людям молиться. И какое поразительное *непонимание жизни*: ведь для неверующего эта ночь должна бы пройти под знаком великой грусти... А они себе прыгают.

Обращает на себя внимание необычно значительное число мужчин среди молящихся в эту ночь. Что привлекло их сюда? Вероятно, воспоминания детства, радостная служба; и, я думаю, какое-то безотчетное движение душевного оптимизма. Вряд ли хоть кто-либо из них понимает Воскресение Христово в духе примитивного натурализма... Но что бы ни думал об этом каждый из нас — все мы неожиданно охотно и дружно отвечаем священнику в храме: *воистину воскресе.*»

Из письма, 1963

Первую весть воскресения Мироносицы слышали «на рассвете первого дня недели» (по Матфею, гл. 28), «при восходе солнца» (по Марку, гл. 16). И Типикон рекомендует начинать утрению Воскресения Христова не в полночь, а в «об часе утреннем». Вообще должно заметить, что Типикон не знает какого-либо «момента» Воскресения, как мы привыкли это видеть в моменте пасхальной полуночи. Еще утром в Великую Субботу поется *тропарь воскресный* Второго гласа:

Егда снизшел еси к смерти, Животе Безсмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества. Егда же и умершие от преисподних воскресил еси, вся Силы Небесныя взываху:

Жизнодавче, Христе Боже наш, слава Тебе!

И на литургии Великой Субботы странно перемешаны мотивы траура и пасхальной радости. Плащаница среди храма — и перед нею воскресные стихиры вечерни; победное «Славно бо прославился»; потом уже прямо пасхальные стихи к прокимну «Воскресни, Боже». «Тогда иереи и диаконы извлекаются черных одежд и облачаются в белыя»; Евангелие с первой вестью Воскресения; по греческому уставу — отпуст воскресный... В этом как бы «преждевременном» начале празднования Пасхи есть глубочайший смысл. *Победа совершилась уже на кресте. Не воскресением, а смертью смерть поправ.* «Блистание Божества» — это *любовь*, сияющая в смерти Спасителя. Явления Воскресения — знамения этой тайны.

Уяснение всего этого поможет правильно распорядиться в решении практической проблемы пасхальной утрени. Там, где бесчинства становятся традицией — нужно традицию решительно пресечь, уничтожить. Для этого нужно только одно: *«вернуться к Типикону»* — перенести начало пасхальной утрени поближе к утру, часа на 3, на 4 поближе к восходу солнца. Тогда те, кто намеревался шуметь и скандалить, разойдутся по домам спать, а в храм к назначенному часу придут

только верующие, и никто им не мешает. Придут и те из неверующих, кто серьезно заинтересуется самым впечатляющим во всех христианском мире русским церковным торжеством Воскресения Христова.

18

Так называемый «Вход» на вечернем Богослужении. Священник и диакон с кадиллом поклоняются перед престолом и с преднесением светильника исходят из боковой двери иконостаса на солею. Диакон кадит на иконы и просит «благословить Вход». Затем творит кадиллом знак креста и возглашает: «Премудрость, прости» (труднопереводимое приглашение к усиленному вниманию). Священник и диакон входят в алтарь и становятся перед престолом на то же место.

Как возникла эта церемония? В литургических памятниках XV–XVI веков записан более ранний чин так называемой «песенной вечерни», которая *начиналась не в алтаре, а посреди храма*; после ектении и антифонов совершался торжественный первый вход в алтарь (проф. Н. Д. Успенский, статья «Православная вечерня» в сборнике «Богословские труды», М., 1959). Тогда церемония имела практический смысл. Ныне же у нас первый вход в алтарь совершается до начала службы, но остается и церемония торжественного входа, причем искажается до бессмыслицы. Ибо происходит уже собственно *не вход, а выход* — круговая процессия из алтаря в алтарь, с того же на то же место.

Пользуясь крайне спорным методом блаж. Симеона Солунского (XV в.), русские литургисты XIX–XX вв., архиепископ Вениамин, прот. Г. Дебольский, прот. К. Никольский пытались дать «символическое» толкование всех моментов вечернего Богослужения. Начало всенощной будто бы изображает сотворение мира; кафельный дым будто бы изображает Духа Божия, носящегося «верху воды»; закрытие врат алтаря будто бы изображает закрытие райских врат после грехопадения; священник пред закрытыми вратами (на всенедневной вечерне) будто бы изображает кающегося Адама... Церемонию же вечернего выхода-входа, как она ныне у нас совершается, объясняли как символ Воплощения, в котором священник будто бы изображает Христа, а диакон — Предтечу (проф. Н. Д. Успенский, там же). Это надуманное толкование опровергает само себя, когда входит в соприкосновение с более древним чином вечерни архиерейской. Ибо архиерей стоит до входа посреди храма; кого же он изображает, если Христа изображает выходящий к нему из алтаря священник? Кого изображают другие священники и диаконы?... Ответ заключается в том, что все изображают только сами себя. И вряд ли найдется священник, который действительно думал бы, что он «играет» Христа.

Церемония выхода-входа, как она сегодня у нас совершается, не имеет смысла. Когда всенощную служат на открытом воздухе или в домашних условиях, церемония сама собой упраздняется — и Богослужение от этого ничего не теряет. Но есть какая-то необъяснимая литургическая красота и значительность, когда

вечерний Вход в храм совершается по более древнему архиерейскому чину с середины храма. В упомянутой выше статье проф. Н. Д. Успенский писал, что в древней Руси на вечерний Вход в соборный храм являлись священнослужители всех городских приходов, а также все приезжие. И далее:

«Особенность русского вечернего Входа составляло еще то, что шествие духовенства из алтаря на середину храма в преднесении светильников совершалось северной дверью при *закрытых* св. вратах. Когда диакон, придя на середину храма и совершив каждение св. врат и стоящих по сторонам их икон, спрашивал у предстоятеля благословения «Благослови владыко святой вход», то пономари толчком подсвечников открывали св. врата. На первый взгляд это — мелкая деталь входа, но она была отголоском очень существенного момента древнепесенной вечерни. Последняя, как известно, начиналась на середине храма, и в алтарь никто из клира до вечернего входа не входил. Этот древний обычай, который был известен нашим предкам, когда-то совершавшим песенную вечерню, с распространением у нас на Руси нового монастырско-приходского чина вечерни не был забыт. Вечерню начинали в алтаре, а св. врата открывали извне во время самого входа».

Там же проф. Н. Д. Успенский указывал, что главный момент древнехристианского вечернего Богослужения — это *вынос светильника*. «Светильников благодарение», «светильничные молитвы», «светильничные псалмы» — сами термины говорят об этом центральном литургичес-

ком значении светильника в вечернем Богослужении. Поэтому неправильно поступаем мы, когда благословением священосца на Входе «прогоняем» светильник. Не нужно этого благословения, его нет в Типиконе, горящий светильник должен стоять пред алтарем хотя бы до общего благословения — на «Мир всем» перед прокимном.

Но светильник ведь был уже вынесен и обошел весь храм при каждении в начале всенощной. Перед Входом снова повторяется каждение, на Входе снова выносятся светильник... Вероятно, это соединились, совместились, удвоились две различные традиции — явление довольно частое в истории церковного Богослужения. Думается, что если в будущем литургическом развитии сохранится церемониальный стиль русского церковного Богослужения, то вечернему Входу должна быть возвращена его естественная древняя форма. Но как же «не входить в алтарь до Входа», если в алтаре у нас — и ризница, и все прочее для внеслужебного пребывания духовенства? Об этом — потом, ниже.

19

...А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что во многословии своем будут услышаны. Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. Молитесь же так: Отче наш...

По Матфею, гл. 6.

Комментарий Фаррара — из книги «Жизнь Иисуса Христа»: «...По тому сочетанию любви и благоговения, с которыми Молитва Господня научает нас приближаться к Отцу нашему Небесному; по духовности, с которой она заставляет нас просить прежде всего Царства Божия и правды его; по духу всеобщей любви и прощения, который внушает она; по той множественной форме ее прошений, которая имеет в виду показать нам, что себлюбие всецело и навсегда должно быть исключено из наших прошений и что никто не может приходить к Богу как к своему Отцу без признания злейших врагов своих Его чадами тоже; потому что из ее семи прошений одно и только одно относится к земным благам, и даже это одно просит земных благ только в их простейшей форме; даже по той поразительной краткости, показывающей, что Бог не хочет делать из молитвы утомительного бремени, — по всему именно этому отцы Церкви и назвали ее „сокращенным Евангелием“, „жемчужиной среди молитв“...»*

Казалось бы, Молитва Господня должна была занять почетное место в нашем церковном Богослужении. Так это и есть в литургии. Но во всех других службах Молитва Господня странно *унижена*. Тут она прицеплена к Трисвятому, двум «славам» и довольно-таки посредственной молитве «Пресвятая Троице»; все это вместе одно целое, в котором Молитва Господня занимает *последнее* место и читается (читается, никогда не поется)

* *Фаррар В. Ф.* Жизнь Иисуса Христа. СПб, 1893. Репринтное изд. М., 1991. С. 258–259.

с утилитарным назначением устроить некий «подъезд» к пению тропаря или кондака. Типикон так прямо и называет это: «Трисвятое с прочими» (глава 7).

На праздничной всенощной после концертного «Ныне отпускаеши» наступает что-то вроде антракта, в котором раздаётся контрастно-бедное *чтение* «Святый Боже»... Как можно *читать* гимн ангелов! Когда чтение подходит к «Отче наш» — внимание совсем ослабевает: певцы готовятся к пению тропаря, несут кадило... На обычной воскресной всенощной это *уничжение* Молитвы Господней подчеркивается открытием «царских врат» *после* ее чтения. Во время чтения «Отче наш» духовенство не находит даже нужным снять с головы митру или камилавку: по этому признаку Молитва Господня ставится у нас ниже акафиста. И на великопостных службах Молитва Господня совершенно забита в ряду другого молитвенного многословия: на утреннем Богослужении с Часами «Трисвятое с прочими» читается десять раз...

Можно предположить, что так получилось от перенесения в храм иноческого келейного правила. Но как бы ни объяснять это исторически — в будущем должно быть исправлено такое странное *уничжение* в храме Молитвы Господней.

20

Библейские псалмы — основная и самая древняя часть вечернего Богослужения. Слово «Псалтирь» есть название *музыкального* инструмента: «Хвалите Его во псал-

тири и гуслех» (Псалом 150). Оставляя в стороне вопрос об инструментальном сопровождении, во всяком случае можно сказать, что библейские псалмы назначены для пения. Так это и было в иудейской, первохристианской и ранневизантийской древности.

Странно сказать: сегодня мы не умеем пользоваться библейскими псалмами и сами обесцениваем это сокровище церковного Богослужения. Сегодня псалмы исполняются у нас по преимуществу распевным чтением в один голос; это какая-то сниженная, нарочито-бедная часть Богослужения. Надо признать правду: чтение, которое может хорошо воздействовать на самого чтеца, в келейном ли правиле или в храме, — это чтение «не доходит» до *слушателей*, превращается у них в «молитву ногами». Самая благочестивая душа воспринимает «вычитывание» псалмов только как повинность, которую надо смиренно вытерпеть... И уж совсем нехорошо, когда в этом чтении звучат еще и совершенно непонятные, а то даже и недостойные тексты. «Востани, вскую спиши, Господи»... «Руце свои умыет (праведник) в крови грешника»... «Во утрия избивах вся грешныя земли»... «Беззаконие пяты моя обыде мя»... «Насытишася сынов и оставиша останки младенцем своим»... Зачем это читать, зачем это нам слушать? Разве только при суеверном отношении к тексту ветхозаветных псалмов, которое сегодня для нас уже невозможно.

Сегодня для нас каждый псалом, вся Псалтирь отчетливо разделяется на два ряда текстов:

1) тексты понятные и по содержанию весьма ценные для церковного Богослужения; 2) тексты непонятные,

либо понятные, но по содержанию недостойные церковного Богослужения. Беда наша в том, что мы этого разделения не осуществляем практически — поем и читаем все без разбора. Одно время в патриаршем соборе было восстановлено пение вечерних псалмов 140, 141 на два хора — и я помню превосходное впечатление, когда по клиросам начинали летать антифоны:

Гласом моим ко Господу	Пролию пред Ним моле-
воззвах,	ние мое
Гласом моим ко Господу	печаль мою пред Ним воз-
помолихся	вещу.

Но эти драгоценные стихи поглощались массой других, недоступных для понимания: «Накажет мя праведник милостию... Яко аще и молитва моя во благоволении их. Пожертвы быша при камени судии их: услышатся глаголы мои, яко возмогаша. Яко толща земли проседесе на земли, расточишася кости их при аде»... И т. п. В результате такого смешения хорошего и плохого получилось в общем-то скорее плохо, и мы не жалеем, что антифонное пение псалмов 140, 141 прекратилось. А если бы подобрать для такого пения *из других псалмов* стихи понятные и содержательные? Если бы пройти так по всем библейским псалмам? Составился бы церковнославянский

«АНТИФОНАРИЙ»

избранных стихов Псалтири, которые можно было бы широко использовать в вечернем и утреннем Богослужении. По сути дела, некоторую подробную ревизию текстов делает тот культурный церковный чтец, который на ходу просто опускает стихи невразуми-

тельные и старается зато получше возгласить стихи значительные. Такая живая практика благоговейного, сознательного чтения псалмов приводит к огромному *сокращению* текстов. Очень характерна в этом отношении XVII кафизма, которая в формально-полном виде просто невозможна для слушания по утомительности и обилию непонятных мест; в проникновенном же распевном чтении немногих избранных стихов в сопровождении *припевов* хора или народа оставляет впечатлительные необычайной глубины и силы.

Итак, для возвращения библейским псалмам их почетного места в церковном Богослужении нужно сократить тексты и перевести их с одноголосного чтения на более приличное музыкальное исполнение. Ныне у нас есть очень хорошие простые напевы вечерних и литургийных антифонов; но надо бы их разнообразить, — и это уже творческая задача церковных музыкантов.

Несколько особняком стоит Шестопсалмие, этот характерно «монастырский» кусочек всенощной. Впрочем, в конце каждого псалма напечатаны и читаются повторительные стихи: вероятно, это след хорового исполнения этих стихов. В нынешнем постоянно-неизменном виде Шестопсалмие до того у нас «зачитано», что «скользит» — как-то уж очень невнимательно слушается. Думается, что если будет сохранено Шестопсалмие, то оно должно состояться из часто сменяемых текстов.

Псалтирь, Часослов, Октоих, двенадцать Миней, Триодь постная, Триодь цветная... Целая библиотека на клиросе. Во время службы надо ставить не один и даже не два аналоя, чтобы разместить нужные открытые

книги. Сейчас я просмотрю словесный состав русской воскресной всенощной в самом простом варианте — без пользования Минеей.

Предначинательный псалом (103): из 35 стихов поем 4. Первая кафизма («Блажен муж»): из 88 стихов поем только 6 стихов. На «Господи, воззвах» из псалмов 140, 141, 129, 116, содержащих 27 стихов, поем только 6 стихов. Стихиры: первые три обычно очень хороши, это творения преподобного Иоанна Дамаскина (VIII в.). Но в Октоихе напечатаны под именем «Восточных» или «Анатолиевых» еще *четыре* стихиры... Во многих местах их уже не поют.

Стихира на «Стиховне», глас Третий:

Страстию Твоею, Христе
омрачивый солнце
и светом Твоего Воскресения
просветивый всяческая:
приими нашу вечернюю песнь, Человеколюбче!

Эту великолепную стихирю спеть бы как можно лучше — и переходить к «ныне отпускаеши». Впереди еще так много прекрасной службы! Но в Октоихе напечатаны еще четыре стихиры... И их нередко поют, а то и читают, явно в ущерб Богослужению, утомляя народ, рассеивая впечатления от первой лучшей стихиры.

На «Бог Господь» после тропаря и Богородична положены II и III кафизмы, состоящие из 15 псалмов; мы читаем только *три* псалма — и больше отнюдь не нужно, а лучше бы вообще заменить это трудное для слушателя место всенощной хорошим кратким учительным чтением (об этом — потом, ниже). При кафизмах

полагаются «седальны», в Октоихе напечатаны *шесть* седальнов, которых мы никогда не поем, а если читаем, то только *один*. Дальше положено петь «Непорочны» — XVII кафизму. Это уже очень давно нигде не исполняется (только у старообрядцев). Тут же напечатано «ипакои», которые тоже нигде не поют, но иногда читают; содержание текстов «ипакои» таково, что ничего не прибавляет к содержанию Богослужения.

«Полиелей» — 134, 135 псалмы; из 47 стихов мы поем обычно только *четыре* избранных стиха. Перед чтением Евангелия — «Степенна», девять стихов, которые положено петь «повторяюще» — 18 раз; поем же или читаем только 3. Лучше — во глас Четвертый:

От юности моя
мнози борют мя страсти,
но Сам мя заступи
и спаси, Спасе мой.

Ненавидящи Сиона,
посрамитесь от Господа:
яко трава бо огнем
будете изсохше.

Святым Духом
всяка душа живится
и чистотою возвышается,
светлеется Троическим единством
священнотайне.

Автор — преподобный Феодор Студит (IX в.). Совершенно ясно, что ни петь, ни читать тут ничего больше и не следует... После Евангелия положен псалом 50;

не исполняем, поем только первый стих — и тоже ясно, что правильно поступаем.

Воскресный канон: «Рыдающее во страсти Твоей солнце»... «Приидите, поклонимся месту, на немже стоясте пречистей ноге»... «Иже славы Господь в неславне зраце на древе, обезчещен, волею висит, о Божественней мне славе несказанно промышляя»... Читая на всеобщих тропари канонов, я досадовал, что эти и другие тексты не воспринимаются народом, потому что теряются в массе других, не столь выразительных и просто непонятных. Наконец, я решил выписать себе из трех канонов всех восьми гласов все самое лучшее, что в них есть для толкового чтения. И что же? Из 24 канонов едва-едва набрались у меня тропари для одного канона — по 2, 3 тропаря на каждую песнь. Больше и не нужно, особенно если бы не читать, а *петь припевы* к тропарям на каноне. Как это украсило бы службу — петь припевы! Богослужение и так до предела перегружено чтением.

После канона — «Свят Господь, Бог наш»... Почему-то этого показалось мало, и византийский император Константин VII (X в.) сочинил еще «экзапостиларий» и к нему Богородичен. В переводе не видно, насколько хороши они по форме, по содержанию же это — совершенная пустота. Нигде их не поют, но кое-где читают, и это совершенно напрасное препровождение священного времени Богослужения.

На «Хвалитех» (псалмы 148, 149, 150) из 29 стихов мы поем обычно не больше 4 стихов. В Октоихе тут напечатано *восемь* стихир... Неужели когда-то их пели? Сегодня культурный настоятель велит петь только *одну*

стихиру. Затем положена еще «стихира евангельская», сочинение византийского императора Льва VI: никому не нужное, грамматически очень трудное краткое изложение евангельского чтения (об этих стихирах — ниже).

«Первый час» — особенно утомительный привесок ко всенощной. Снова — чтение, чтение... Псалом (обычно один вместо трех), тропарь, «Трисвятое с прочими» — явно не нужное и потому особенно тягостное повторение священных слов, которым внимать уже нет сил. Следовало бы восстановить обычай читать Первый Час гораздо короче — только в той части, которая в данном случае, после всенощной, представляет действительную ценность: сразу «Иже на всякое время» и все остальное. Только в таком виде этот приглушенный конец всенощной имеет свой смысл.

Так везде, везде мы видим это странное теперь для нас литургическое *многословие* — и нашу встречную тенденцию к *сокращению* текстов. Это — встреча древне-монастырского и современного «мирского» типов церковного Богослужения.

Вспоминаю дискуссию на клиросе с хорошим старовером. «Зачем сокращать, зачем торопиться? — говорит он. — Вот, придем домой и все равно ведь будем что-то говорить, празднословить. Так лучше уж в церкви задержаться — прочитать, пропеть все, что святыми отцами положено...» Надо с уважением отнестись к такому воззрению. Но надо признать правду, что даже и в монастырях наших иерусалимский Типикон в полной мере не соблюдается. Тем более в храмах приходских, хоть народ церковный и проявляет иногда изумительное

терпение, мы можем пользоваться церковными книгами только с огромным *сокращением* их текстов.

Псалтирь, Октоих, Минеи, Триоди — это священная «хрестоматия», из которой мы обязаны *выбирать лучшее* для каждой «словесной службы». Где можно, где позволяет ритм, напев — подправить перевод. Заменить, например, смешное «благоутробие» просто на «милосердие», «живот» на «жизнь», «жидовский» на «иудейский» и т. п. Пропеть, перечитать предварительно. проверить все основательно. Когда нет этой подготовительной работы, служба проходит как будто не хуже, чем у других: «положенное по уставу» (не по Типикону, конечно, а по неписанному приходскому обычаю) «исправно» (как придется) «пропето» и «прочитано», народ «отстоял» всю службу... Но ревностный служитель не может успокоиться на этом, ему нужна уверенность, что предстоящее Богослужение будет насыщено самым лучшим содержанием, какое только можно извлечь из литургических книг, и, будучи исполнено с церковным изяществом, — как можно лучше *выслушано*. Если провести такую ревизию по всему календарю, по всем нашим книгам — из целого шкафа их составитя одна хорошая книжка.

22

XVII

Вы ничесоже от сих сотвористе,
Хранящие пост, соблюдавшие девство,
Благочестия дел не яviste.

Странна и нища в дома не введосте,
Алчущим хлеба не дасте.
Бесчеловечни, полни лицемерия.
Нищих презресте.
Тщетен ваш труд!
Вы ненавыкшии нищим руку даяти,
Како Его просите дати
 НЕТЛЕННЫЙ ВЕНЕЦ!

XVIII

Главою, подъятою кверху,
Всех презираете, плюете всем,
Всех, бессердечные, злыми считаете.
В грехах жестоко укоряюще,
Сами ужасно грешите.
Иль ради хвалы человек
Аки безгрешные
Святая глаголете,
Постом своим хвалитесь.
(В мыслях) сами распутные,
В браке разврат усматриваете.
Только себя одних видите правыми,
Еще не приявше
 НЕТЛЕННЫЙ ВЕНЕЦ!

XIX

Увы! Не спасло вас жестокое девство,
Ни пост, с хвастовством понесенный:
Ибо Сын Кроток, кротких люблю Аз
И им воздаю отпущенье,

Награждаю хранящих пост с милосердием
И не люблю бессердечного девства.
Люблю милосердных и любящих,
Радостно в брачный чертог их приемлю,
Ибо такие чертогу приятны, —
Им дам

НЕТЛЕННЫЙ ВЕНЕЦ!

Это — из кондака преп. Романа Сладкопевца (перевод проф. Н. Д. Успенского). Отрывки переносят нас в VI век в эпоху становления византийского церковного Богослужения, когда творцы песнопений свободно исполняли в храмах свои все новые и новые произведения, из которых многие не вошли потом в церковные книги. В данном случае это была песенная проповедь в стихах — комментарий на евангельскую притчу о десяти девах (по Матфею, гл. 25). По-гречески «элеон» (елей, масло) и «элеос» (милость) в винительном падеже звучат одинаково. Неразумные девы не имели в сосудах елея — не имели в душе милости, любви, и потому не были допущены на праздничный пир. В приведенных отрывках — часть речи Жениха из-за закрытой двери. *«Не люблю бессердечного девства»*, — это было обличение, как выразилась уже в наше время незабвенная монахиня Мария, монашеского «самоспасения».

Такая полемически-острая стихотворная проповедь не могла удержаться в церковном Богослужении, она уступила место в литургических книгах произведениям не столь талантливым, но более соответствующим

стилю, как сказали бы мы теперь, «бесконфликтного» благочестия. В наших, то есть в византийских кондаках, стихирах, канонах — очень мало комментариев к евангельской проповеди и очень много догматики.

23

«...Фома же, один из двенадцати, называемый Близнец, не был тут с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: пока не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его — не поверю.

После восьми дней опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди их и сказал: мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим.

Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог Мой! Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; *блаженны не видевшие и уверовавшие.*»

По Иоанну, гл. 20

Христос приглашает Фому Неверующего исполнить жестокие слова свои и грубым осязанием как бы вновь растравить раны Учителя. «Принеси перст твой семя»... Потрясенный Фома *не делает этого и* отвечает словами раскаяния и любви: *Господь Мой и Бог мой!*

Таково содержание Евангелия. Мы *не узнаем* его в службе «Анти-Пасхи» (Неделя о Фоме):

...он же ощущая рукою Твое сугубое существо, со страхом вопиаше верно...

О преславного чудесе! Огню сено коснувшись спасеся: вложив бо Фома во огненная ребра руку Иисуса Христа Бога, не спалися осязанием...

Прикоснувшись рукою ребром нестерпимым Блинец Фома, не опалился прикосновением, но пребысть язвы осязая известное...

И т. п. В Евангелии — *упрек* Христа, в службе — *похвала* Фоме за «доброе неверие». В Евангелии Фома *отказывается* от неверия, в службе лезет «любопытную десницею» *щупать* раны Христа. В Евангелии — любовь, в службе — страх... Вот уж, действительно, Анти-Пасха.

Мы привыкли к ходячему мнению, что в византийской церковной поэзии сохраняется будто бы самое верное, самое *православное* восприятие Евангелия и Христианства. Служба Недели о Фоме — пример обратного порядка. Тут же вспоминаются «Богородичны» со спорным домыслом преп. Иоанна Дамаскина о Материнстве без материнских страданий («Его же неболезненно ужасно породил»). В службе 16 августа отражена внеевангельская легенда о нерукотворном образе... В целом можно сказать, что в византийской поэзии догматические выражения действительно формально безупречны. Но в то же время она оставляет иногда чисто художественное впечатление скрытого «монофизитства». Впрочем, по справедливости надо

признать, что таково же всегда и остается отношение к Личности Христа в Церкви, где Он открывается нам не во временном человеческом уничтожении, а в вечной Божественной славе... Это тема уже не литургическая.

Литургически же не надо было так искажать Евангелие. «Блаженны *не видевшие и уверовавшие*», — вот новая «заповедь Блаженства», столь актуальная для нас сегодня. Ее не заметили византийцы.

«... Удивительно, сколько незаслуженного внимания уделяется у нас стихирам евангельским, при полном пренебрежении вдохновенными творениями Иоанна Дамаскина и других духовно одаренных песнописцев. Ведь у нас даже рассылаются специальные указания о том, что стихиры евангельской ни в коем случае нельзя пропускать; внимание к этой стихире рассматривается как показатель уставной зрелости.»

Из письма. 1959

Эти евангельские стихиры так плохи, что неохота их переписывать. Вот для примера одна из них — пятая:

О премудрых судеб Твоих, Христе! Како Петру убо плащаницами единеми дал еси разумети Твое Воскресение: Луце же и Клеопе спутешествуя беседовал еси и беседуяй, не абие Себе являеши; темже и поносим бываеши, яко един пришельствуяй во Иерусалим и не причащаяся в конец совета их. Но иже вся к создания пользе строя, и яже о Тебе пророчества открыл еси, и внегде благословити хлеб познался еси има: еюже и прежде того сердца к познанию Твоему распаластася: яже и учеником собранным уже ясно проповедаста Твое Воскресение, имже помилуй нас.

По-русски:

Как премудры Твои решения, Христе! Петру лишь плащаницею Ты дал познать Твое Воскресение. Спутешествуя Луке и Клеопе, Ты ведешь беседу с ними, не сразу открывая Себя им. Зато Ты слышишь от них укор, что Ты, вероятно, один из пришельцев в Иерусалим и безучастен к событиям, только что совершившимся в городе...

...Нет, не стану переписывать дальше. Как же это бездарно, какая искусственная манера обращения во втором Лице, едва ли не поучение Христу от автора. Нельзя было бы хуже отозваться на одно из самых благодатных евангельских чтений — о Явлении на пути в Эммаус... Нет, не надо этого ни петь, ни читать — не надо перегружать службу плохими стихирами.

— Как плохими стихирами?! Они преданы нам от святых подвижников.

— Да нет же, автор этих стихир никакой не подвижник — это византийский император

Лев VI (X в.), имевший церковные неприятности за многоженство. Он занимался сочинением стихир и собственной властью вводил их в церковное Богослужение. Вообще же неправильно определять достоинство художественного произведения из мнений о личных качествах автора. У того же императора Льва есть сравнительно хорошие стихиры на поклонение Кресту.

— Пусть так; но евангельские стихиры приняты Церковью и потому для нас священны.

— Да когда же, спрашивается, каким соборным актом одобрила Церковь те или другие стихиры? Без собора плохие стихиры проникли в церковное Богослужение, без собора они и исчезнут. И как обходилась Церковь девять веков без евангельских стихир императора, так великолепно обойдется без них и в дальнейшем...

— После того, как пела их тысячу лет!

— Это не увеличивает их ценности. Мы не можем обманывать себя: стихиры отвратительны. Пели их певцы, а Церковь терпела. Таков уж был этот период истории: Византии стало не до стихир, творчество оскудело, а потом и совсем остановилось, и так все это *последнее* наличие стихир, канонов и прочего застыло и окаменело в литургических книгах. А Русь смиренно приняла все это — хорошее и плохое — как равноценное, священное... Ныне пришло время критической ревизии, когда мы ясно увидели, что это, попросту сказать, исторический хлам, который *мешает* нам явить подлинные драгоценности во всей их красоте. Попробуйте так составить и так исполнить «словесную службу», чтобы все в ней было назидательно и прекрасно, все достойно этого наименования: *Богослужение*. Попробуйте — и вы едва наберете три, четыре стихиры на всю всенощную. Остальные — мешают... Евангельские стихиры — только пример тому и частный случай. Циркуляр же о обязательном исполнении именно евангельских стихир — показатель недостаточной церковной культуры.

«Исполним утреннюю молитву нашу...» Почему *утреннюю*, ведь мы произносим это вечером?

И наоборот, в Великом посту, накануне праздников Рождества, Богоявления мы вечерню служим утром. Эта *неправда* недопустима в церковном Богослужении.

«Всенощное бдение» составилось в свое время простым сложением служб вечерни, утрени и Первого часа, соответствующего нашему седьмому часу утра. Сегодня мы управляемся со всем этим за вечер, и таким образом само название это — «всенощная» совершенно условно. В действительно всенощном Богослужении имело какой-то смысл произнести одну просительную ектению вечером и через много часов произнести такую же просительную ектению на следующий день утром. Но нет решительно никакой нужды повторять в одном вечернем Богослужении две одинаковые великие ектении, две одинаковые сугубые ектении, две одинаковые просительные ектении.

«Паки, и паки»... Малая ектения после кафизм и на каноне имела смысл во всенощном бдении. Это было приглашение к молитве после уставных чтений, во время которых все сидели. Сегодня в русской «всенощной» эти приглашения не имеют смысла.

Частое произнесение и вместе с тем скучное однообразие ектений — вообще очень слабое место нашего церковного Богослужения в его нынешнем виде. В сельской церкви священник, служа с утра «всенощную» и за ней литургию, произносит *три* великие одинаковые ек-

тении, *три* сугубые одинаковые ектении, *четыре* просительные одинаковые ектении, *десять* малых *одинаковых* ектений. Не удивительно, что священники и диаконы возглашают ектении нередко без души, думая о посторонних делах. Можно произнести от сердца: «Заступи, спаси»... Но повторять это воззвание за такой сельской службой *семнадцать раз* — это значит превратить его в фикцию. Можно от всей души помолиться о патриархе и епископе; но поминать их *десять раз*... Ектении должны быть сокращены и тексты их должны быть более разнообразны.

26

Однажды я спросил покойного М. — какое место в русской всенощной он считает центральным? Он ответил сразу: Великое славословие. Я возразил, что нет, — Евангелие. Потом я узнал, что оба мы были правы. Некогда Евангелие и читалось по Великом славословии (как в Великую Субботу). Затем перевесила другая традиция — чтение переместилось на нынешнее место. У нас на Руси было время, когда не решались, какую традицию выбрать — и читали Евангелие на всенощной дважды... В обоих этих «центрах» нашей всенощной есть моменты особенно важного значения.

Тропарь воскресный положено петь дважды. Это — след древней антифонности, которую легко здесь восстановить: пусть второй раз поют тропарь всенародно. Вслед за хором повторить это народу будет совсем не трудно.

И так же непременно нужно было бы устроить с этими чудными тропарями:

Благословен еси Господи,
научи мя оправданием Твоим.
Ангельский собор удивися,
зря Тебе в мертвых вменившася,
смертную же, Спасе, крепость разоривша,
и с Собою Адама воздвигша,
и от ада вся свободвша.

Можно петь это поочередно с народом — петь особенно торжественно, светло, например, в до-мажоре, в удвоенной гармонии. Когда храм большой и требуется больше времени на каждение — надо петь эти тропари дважды. Хор — в напеве, например, А. Архангельского или в переложении Знаменного распева Л. Парийского; народ же — в простом напеве Пятого гласа. Попробовали бы так сделать! Увы, вместо этого один хор в нарочито замедленном темпе тянет эти почти пасхальные тропари на манер почти заукойных... Печально наблюдать эту недогадливость, литургическую некультурность.

Кто это так хорошо переложил Знаменный распев в прокимнах перед Евангелием? Они звучат великолепно, это выдающийся пример, как можно, оказывается, передать древнюю мелодию современными средствами; и не только передать — кажется, что и еще более украсить... Эти прокимны — одно из самых значительных мест в русской всенощной. А когда большой способный хор поет их на одной ноте — это опять все та же церковная наша некультурность.

Воскресные евангельские чтения достаточно понятны, тут не нужно русского перевода, только немножко осторожно подправить церковно-славянский. За исключением Третьего и Шестого — воскресные евангельские чтения необыкновенно прекрасны; но их, как правило, недостаточно хорошо читают. Не в порядке регламентации, а в порядке рекомендации следовало бы положить их на ноты — помочь священнику выработать манеру самого простого и вместе с тем изысканно-хорошего чтения воскресных Евангелий. В частности, обозначить конец чтения отнюдь не печальным переходом в минор.

На подходе к Великому славословию — *«Свят Господь, Бог наш»*. Покойный епископ Вениамин (Милов), сам большой мастер церковного пения, писал мне, что это очень хорошо получается в пении общенародном, когда исполняется в мелодии *«Славно бо прославися»*. В упрощенном изложении, вероятно, это будет так:

После Великого славословия хор без передышки поспешно меняет тон и поет тропарь. Вот где особенно явственно сказывается отсутствие второго хора. Но его может заменить алтарь. Я хорошо помню московскую практику, когда это во всех храмах пели в алтаре. Возможно, это было отголоском очень древнего устава *«песенной утрени»*, по которому и полагалось этот тропарь петь в алтаре. Теперь нет уже таких голосов и такого умения в алтаре — так можно командировать

туда певцов из хора. Можно и в хоре спеть это на мужских голосах:

Днесь спасение миру бысть,
поем Воскресшему из гроба
и Начальнику жизни нашаея:
разрушив бо
смертию смерть,
победу даде нам
и велию милость.

Совершенно простые слова — бесконечно великого значения. Оно слышится в древнем напеве. Этот тропарь заслуживает особенного, выделяющегося исполнения. Как бы хорошо прозвучал он из алтаря.

...Я не удержался, даю полезные советы. Кому? Сегодня они безнадежны; завтра могут кому-то и пригодиться.

27

Имена святых. Сначала диакон поминает их в молитве «Спаси, Боже» на праздничной литии. Затем священник снова повторяет те же имена в молитве «Владыко, Многомилостиве». Потом диакон в третий раз поминает те же имена в молитве «Спаси, Боже».

Хорошо вспомнить многих святых — наших молитвенников, нашу славу. Но зачем это троекратное повторение? А с недавнего времени диаконы стали молитву «Спаси, Боже» почему-то *кричать*, превратили ее, надо прямо сказать, в тягостное место Богослужения, в какое-то свое *антислужение*.

И на *отпустах* очень многие священники, вопреки Служебнику, вставляют *десятки имен* святых. То это святые всех приделов и мощей, находившихся в храме; то святые всего города; то святые всей области; то просто по личной симпатии священника к тем или иным святым или даже к тем или иным своим родственникам, носителям имен тех или иных святых... Архидиаконы должны были запретить такое новаторство; но они сами говорят такие отпусты.

28

Как и в Типиконе, у старообрядцев до сих пор нет так называемой «живой» проповеди; как и в Типиконе, вся проповедь у них в чтениях творений авторитетных учителей Церкви, например, святителя Иоанна Златоуста. Можно не соглашаться с тем, как они это делают (полупоют на церковно-славянском языке), но нельзя не признать, что в основе здесь — принципиально верное понимание великого значения церковной проповеди.

Я слышал, что в Греческой церкви не всякий священник может быть духовником: он должен иметь на это особую грамоту от своего епископа*. Совершенно так же далеко не всякому священнику можно доверить

* «Покаяльные попы». В Требнике (Предисловие, ... како подобает быти духовнику) читаем: «Аще кто без повелительных грамоты местнаго епископа дерзнет приимати (покаяние)... сицевый правильно казнь приемлет, яко преступник божественных правил».

право вести церковную проповедь. Проповедь есть важнейшая часть церковного Богослужения — и она должна быть на качественном уровне остального Богослужения. Дать священнику право на проповедь — в сущности, это все равно, как если бы разрешить ему вводить в службу молитвы или стихиры собственного сочинения. Даже больше того: ибо стихиры могут еще не понять, а проповедь ведется на русском языке, это вполне открытое для всех современное литургическое творчество.

В нынешней Москве я знаю только двоих священников, которым можно было бы полностью доверить самостоятельную церковную проповедь; в Ленинграде — только одного... Возможно, впрочем, что есть и другие; но очень, очень немного. Себя я считаю принадлежащим ко второму разряду священников, которым проповеди удаются только иногда, и даже (как у меня) очень редко. Дело не в отсутствии дара слова (у некоторых, немногих, он есть) и не в недостатке образования (у некоторых, немногих, оно достаточно), а в общем «учительном» кризисе современного Христианства. В самом общем смысле можно сказать, что Христианство не нашло еще современного словесного своего выражения... Это тема не литургическая, об этом я писал в другой работе. И если бы даже не было этой главной общей причины — все равно: проповедовать «от себя» годами одним и тем же слушателям, — для добросовестного священника, не обладающего каким-то совершенно исключительным ораторским талантом, это просто невозможное дело, и он, бывает, с ужасом ожидает воскресного или праздничного Богослужения, когда ему

нечего будет «сказать»... Если же он все-таки решится и выйдет у него неважно — испытывает мучительные сожаления. Вот таким добросовестным священникам я выдал бы разрешение говорить проповедь только при наличии сильного внутреннего побуждения.

Наконец, есть третий разряд священников, которым совсем противопоказана церковная проповедь, за которых, что называется, заранее можно уверенно поручиться, что ничего хорошего в своей проповеди они не произнесут. При нынешней необразованности и церковной некультурности священства плохая проповедь, проповедь с отрицательным знаком стала у нас явлением повсеместным, и она страшно вредит церковному Богослужению.

Что же делать? Ответ может быть только один: «вернуться к Типикону» — обратиться к *учительным чтениям*. Классический пример, когда чтение оказывается *лучше* всякой проповеди, — пасхальная ночь, когда читается *слово огласительное* святителя Иоанна Златоуста. Конечно, надо читать его в хорошем русском изложении — и читать хорошо, очень хорошо, как можно лучше!.. Очень надо бы написать еще такие же краткие *слова огласительные* в Великую Пятницу, в Великую Субботу, в великие праздники; но они еще не написаны. Очень нужно бы краткие *слова огласительные* при таинствах Крещения, Общей Исповеди, Венчания, при Погребении; но они еще не написаны. В Требнике перед Венчанием сказано: «Посем глаголет иерей поучительное слово, сказуя им, что есть супружества тайна, и како в супружестве Богоугодно и честно житьелствовати

имут...» Разве можно доверить всякому это поучительное слово? Я никогда его не говорил; я хотел бы его *читать*, в этом была бы высшая авторитетность. Но оно еще не написано. Очень нужны бы также *учительные чтения* на тексты Евангелия и апостольских посланий, на темы литургические — в частности, на тексты всех главных церковных песнопений... Но ничего еще не написано. *Нечего у нас почитать в церкви*. Творения святых отцов, проповеди позднейших учителей — все это сегодня может быть только цитировано, все это должно быть творчески переработано и переосмыслено. Вот — самая первоочередная, самая насущная задача на сегодня и завтра. «Свято место пусто не будет». Это место у нас — взамен кафизмы на всенощной, сразу после Евангелия на литургии. Здесь должна звучать у нас церковная проповедь, — и это должно быть либо живое слово, либо хорошее *учительное чтение*. Мне представляется, что с составления таких чтений и должно бы начаться настоящее *русское* творчество в русском церковном Богослужении.

29

Ленинград, 1954. В храме Духовной Академии русский иеромонах из Парижа рассказывает в проповеди «простому народу» надоевшую басню о том, как женщина плакала в церкви, и, когда спросили ее, о чем она горько плачет, — отвечала: о том, что Господь не посылает ей скорбей.

Всякий раз в таких случаях остро чувствуешь, что церковная проповедь не может оставить просто *безразличного* впечатления: хорошая — она очень воодушевляет, фальшивая — непременно приносит вред, внушает отвращение, отравляет душу. Вот почему я *боюсь* не только говорить, но и *слушать* проповеди. Даже в наиболее приличных внешне образцах современная русская церковная проповедь именно такова, что боишься слушать. Эта наша нарочитая елейность, какая-то совершенно безнадёжная неискренность тона, унижительное отношение к слушателям, неумеренная склонность к лжеименным преданиям... Вместо того чтобы торжественно огласить священный текст в синодальном переводе, мы (из «опасения походить на сектантов» и просто по лени) имеем нахальство «излагать» Евангелие своими словами. Вместо поучения, как регламентированной части церковного Богослужения, ответственного, тщательно подготовленного выступления, у нас — неряшливое празднословие после отпуста «от ветра главы своея». В последнее время мы усвоили ещё бессовестную манеру *креститься* на каждой фразе, — *заставляя* таким образом креститься за собой и народ!.. Учительное чтение *защило* бы нас от такой проповеди.

30

«...В Загорске архимандрит, очень приличный на вид, проповедовал на странную тему о том, вознаграждаются ли добрые дела; и в доказательство рассказы-

вал, ссылаясь на некое „священное предание“, как по указанию во сне раскопали мертвеца и нашли у него в руке документ — справку с того света по этому вопросу! С. рассказывал мне о другом архимандрите, который проповедовал о чуде пасхального святого огня в Иерусалиме. У нас служил известный вам блаженный игумен. В его проповедях Евангелие безнадежно смешивалось со всякой чепухой. Я помню, как в день Крестителя Господня Иоанна он угостил народ рассказом о том как мертвая глава его с Иродиадой разговаривала! Страшная неискренность или глупость — не разберешь. И всего более печально, что народ обречен это слушать, и никто, конечно, не возмутился, потому что просто ушли из Церкви люди, способные этим возмутиться...»

Из письма, 1962

Парадоксальная проблема: как уберечь народ от проповедников. И они ведь не сами выдумывают, а начитались всякой популярной предреволюционной душеполезной литературы. Запретите им проповедовать — они станут *читать*, и это будет не лучше. Один настоятель завел такой обычай — читать на всенощной Жития святых. Читал он, читал — и вот однажды на исповеди у *другого* священника старушка с великой печалью покаялась, что у нее от этого чтения *«вера пропадает»*... Смутили ее разные немислимые чудеса. Общее впечатление таково, что душеспасительная литература сегодня может принести только вред. *Нечего у нас почитать в Церкви.*

31

Антифоны литургии называются «та типика» — уставное, определяемое уставом, *изменяемое*. У нас это неверно переведено словом «изобразительны», а псалмы 102 и 145 стали *неизменной* частью чуть ли не каждой литургии (проф. И. А. Карабинов, Лекции). Такое однообразие обедняет службу; а можно было бы вернуться к более древней практике и не только в великие праздники, но и во все дни, кроме воскресных, петь антифоны с припевами. Стихи может петь хор, а припевы — народ:

Насколько это украсило бы службу, можно себе представить, если спеть таким образом уставные антифоны двенадцатого праздника или вседневные антифоны, напечатанные в конце книги «Апостол». Правда, некоторые антифоны досадно невразумительны, непонятны; но тут-то и пригодился бы церковно-славянский «Антифонарий», о котором я писал выше. Из него можно было бы взять избранные стихи, пение которых с припевами составило бы праздник для верующего народа... Попробовали бы так сделать.

32

«Малый вход» на литургии совершается с евангелием, во всем же остальном подобен «Входу» на вечер-

нем Богослужении. Евангелие переносится с престола на престол. Церемония литургически не оправдана, проф. И. А. Карабинов называл ее нелепой (Лекции в СПб. Духовной Академии, Литургия). Недостаточно квалифицированные литургисты пытались придумать к этому выходу-входу смысл «символический» — будто бы церемония изображает явление Христа на проповедь. Но так же, как это было написано здесь о вечернем выходе-входе, толкование опровергается более древним чином архиерейского служения.

Архиерейская литургия сохраняет в себе некоторые черты глубокой древности. Некогда литургия *начиналась входом* епископа на трон и благословением народа; «мир всем!» перед чтением Писаний. Позднее началом литургии стало пение Трисвятого. Вот почему и сегодня у нас архиерей до Малого входа странным образом как бы *не участвует* в Богослужении — только присутствует и до возгласа Трисвятого пения *молчит*. Вот почему на Малом входе он целует иконы и читает «Вниду в дом Твой». Вот почему он при пении Трисвятого творит светильником знамение креста над евангелием: это и было некогда началом литургии (проф. А. П. Голубцов, «Об особенностях архиерейского служения литургии с точки зрения древне-церковного обряда»). Антифонами литургия украсилась позднее, и еще в IX–X веках можно было начинать ее прямо с Трисвятого (проф. И. А. Карабинов, Лекция). Итак, нынешний Малый вход некогда совпадал с началом литургии.

Но антифоны и сегодня не мешают архиерейскому Малому входу сохранять свой первоначальный прямой

смысл: это торжественный *первый* вход в алтарь для совершения литургии. И кажется, что именно эта практическая естественность церемонии и придает ей такую значительность. Правда, надо бы и архиерейский Малый вход несколько упорядочить. Напрасно носить Евангелие туда и обратно. Нехорошо также превращать служащих с архиереем священников в каких-то оперных статистов: то они выходят к началу литургии на середину храма; то по-одному и попарно, покидают архиерея и накаплиются в алтаре; то опять выходят к кафедре... Зачем? Оставались бы с архиереем до Входа. Церковное Богослужение не нуждается в таких сомнительных украшениях, безделушках, которые к тому же прямо противоречат древнему церковному правилу: «Не подобает пресвитерам прежде входа епископа входить и сидети в алтаре, но с епископом ходити, кроме случая, когда епископ немощен или в отсутствии» (Лаодикийского собора правило 56).

И на литургии иерейской в нынешнем Служебнике видно первоначальное значение Входа. «Сотвори со входом нашим входу святых ангелов быти» — это был первый вход в алтарь. «Благослови, Владыко, *время* Трисвятаго» — это было окончание входного пения и начало литургии. «Сподобивый нас, смиренных и недостойных раб Твоих, и в час сей *стати* пред славою святаго Твоего жертвенника» — это была *первая* молитва у престола. «Таже *наводит*, глаголя велегласно: и *во веки веков*» — это был регентский жест и тонирующий возглас диакона к начальному пению литургии.

А что происходит у нас сегодня? Сначала мы входим в алтарь, так сказать, неофициально, используя

это священное место в качестве вестибюля: снимаем «штатское», надеваем рясу. Выходим, читаем покаянные «входные» молитвы, прикладываемся к иконам и входим в алтарь во второй раз. Здесь облачаемся, начинаем литургию и вскоре совершаем торжественный выход и третий вход, снова целуя иконы — на этот раз те, что вывешены у врат алтаря. Удвоился, утроился у нас вход, удвоились и иконы, которые целуем при входе, местами даже утроились — для удобства архиерея выставляют еще третью пару икон на аналоях. Три иконы Спасителя, три иконы Богородицы — так наглядно выражается церемониальная усложненность, которая образовалась у нас вокруг литургии.

В условиях «домашней церкви» или древнего (либо нового по типу древнего) храма церемония Малого входа становится невозможной. Но если начинать литургию посреди храма, то получает смысл торжественное шествие для продолжения ее к алтарю.

33

Возсияй в сердцах наших, Человеколюбче Владыко, Твоего Богоразумия нетленный свет, и мысленныя наши очи отверзи в евангельских Твоих проповеданий разумение...

Эта духоносная *общая* молитва перед служением Евангелия произносится у нас «тайно» от народа; а *личная* просьба диакона благословить чтение Евангелия произ-

носится громко, выпячивается на самый первый план — прямо наперекор Служебнику. Как раз наоборот.

«Да даст тебе глагол благовествующему силою мно-
гою», — говорит священник диакону (по Служебнику —
тихо). У нас на Руси диаконы понимали это буквально
и пели Евангелие с самой низкой до самой верхней
ноты, — заключительные слова возглашая «силою
многую». Если хор вовремя подхватывал, получалось
прилично, а иногда и очень хорошо. Так же возглашали
многолетие. Вильгельм II шутил после посещения Рос-
сии, что русские диаконы стараются «докричать до Бо-
га»... Это была колоритная фигура русского церковного
Богослужения — благочестивый богатырь с громовым
голосом. Голоса бывали на редкость хорошие, культура
чтения очень высокая (есть граммофонные записи).

Теперь таких голосов нет, и традиция «художествен-
ного крика» должна бы прерваться. Но нет — диаконы
почему-то стараются *все кричать*. Кричат даже то, что
раньше произносилось на средних нотах: кричат про-
шения на литии, кричат молитву перед канонем. От-
вратительно слышать этот безголосый крик; печально
сознавать, что никто этого безобразия не остановит.

34

Новый завет исправно разбит у нас на «зачала» — на еже-
дневные чтения на литургиях всего года. Но ежедневно
в храм никто не ходит, и собственно *общественным* Бого-
служением являются у нас воскресные и праздничные

службы, когда в наиболее полном составе в храм сходятся все христиане данной местности. Поэтому, казалось бы, на литургиях в дни воскресные и праздничные должны быть подобраны такие чтения, которые наиболее полно и всесторонне представляли бы собою Новый Завет. Но вот — просто удивительно: посетитель воскресных и праздничных литургий услышит у нас явно *неудачный подбор* евангельских чтений. Он услышит, например, *дважды в году* одни и те же чтения:

О призвании апостолов (Неделя 2 и Неделя 18);
об исцелении бесноватого и о гибели стада свиней (Неделя 5 и Неделя 23);

об исцелении расслабленного, опущенного через кровлю дома (Неделя 6 и Неделя 2 Великого поста);

об исцелении бесноватого отрока (Неделя 10 и Неделя 4 Великого поста);

о богатом юноше (Неделя 12 и Неделя 30);

притчу о званых на вечерю (Неделя 24 и 28);

проповедь о несении креста своего (Неделя по Воздвижению и Неделя 3 Великого поста).

Но если он даже самым аккуратным образом будет посещать все воскресные и праздничные литургии, он *никогда не услышит* об Искушениях Христа, большей части Нагорной проповеди, беседы о детях, притчи о делателях, призванных в разные часы, эпизода с динарием Цезаря, беседы о Воскресении мертвых, эпизода «Не знаете, какого вы духа», притчи о пропавшей овце и потерянной драхме, притчи о неверном управителе, истории о двух лептах вдовицы... И Апостольские чтения, за исключением немногих, просто *явно случайны*: в воскресные дни

мы слышим, например, оторванный от текста и ничем не примечательный *конец* Послания к Коринфянам (Неделя 13) или такой же *конец* Послания к Галатам (Неделя 22). Но мы можем *всю жизнь* посещать храм и *не услышим* там, например, Гимна любви апостола Павла.

На Литургиях в Богородичные праздники читается всякий раз одно и то же Евангелие — о Марии, которая «благую часть избра» (Лк X, 38–42); какое отношение имеет это к Богородице, кроме совпадения имени? Сюда механически *приставляется* ублажение Богородицы женщиной из народа, взятое из другого места Евангелия (Лк XI, 27–28), но со словами, вводящими слушателя в заблуждение — «Бысть же, егда глаголаше сия», — как будто женщина и народ слушали беседу Учителя с Марфой. Зачем этот недопустимый «монтаж» священного текста?

Евангельские чтения Пасхальной седмицы представляют странный диссонанс с содержанием Праздника. Только в Светлый Вторник читается *воскресное* Евангелие — о Явлении на пути в Эммаус... Это остаток более древнего, *лучшего* обычая: «О Воскресении Господа нашего в эти дни по обычаю читается из всех книг святого Евангелия» (бл. Августин, слово 331).

Ошибочность подбора чтений в приведенных примерах очевидна. Совершенно необходимо подготовить другие рекомендации. И следовало бы вообще предоставить настоятелю больше свободы в этом деле. Однажды на праздничном молебне я услышал вместо положенного зачитанного отрывка «Во дни оны восставши Мариам» (Лк I, 39–49,56) совсем «новое» чтение — как Она *стояла у креста Иисуса* (Ио. XIX, 25–27). Помню, как хорошо,

уместно прозвучало это «новое» чтение. И никакой беды не случится, если в Ильин день, например, вместо не очень-то подходящего отрывка Лк. IV, 23–30 прочитать об исполнившемся пророчестве, что не в буре и не во огне — Господь (Лк. IX, 51–56). Или если на Водоосвящении вместо совсем неподходящего сомнительного текста Ио. V, 1–4 (стих 4 в древнейших рукописях отсутствует) настоятель изволит прочитать Евангелие праздника или другое по своему выбору... Мне представляется, что и на простых молебнах следовало бы вместо одного и того же зачитанного кусочка читать (и переводить, переводить) каждый раз новые избранные тексты Евангелия. Надо же понять значение того факта, что только в храме может русский человек услышать Священное Писание.

35

...Священник, намереваясь служить обедню по римскому чину, прежде всего употребляет несколько времени... и на воспоминание имен живых и усопших, за которых будет приносить бескровную Жертву, дабы это перечисление имен во время самой обедни не навело скуки на предстоящих.

Свящ. Т. Серединский,
О Богослужении западной церкви

Замечательно «перекликается» с этим рассказ Х. о своем покойном отце. Это был сельский священник, очень

авторитетный в народе (крестьяне приходили к нему за советами, а то даже и для суда совести между собою). Он был молитвенник: бывало, придет на проскомидию задолго до службы — все поминает усопших. Но когда служил литургию, то поминал на ектении только имена покойных именинников и новопреставленных. Когда он получил известие о смерти сына, то и его поминал только тайно, считая неприличным тратить на это время общего Богослужения.

Так поступал очень благоговейный служитель. Не могу удержаться, приведу одну выдержку из письма Х.:

«...Своей любовью к богослужению я обязан прежде всего моему покойному отцу. Я помню свои младенческие годы. В субботу и накануне праздников вечером у в нас доме водворялась какая-то величавая тишина. У икон зажигались лампы, отец уходил в кабинет и, стоя на коленях, долго молился. Мама говорила шепотом и, если мы начинали шуметь, строго одергивала нас, чтобы мы не мешали папе „читать правило“. Ни я, ни мой брат и сестренки, мои погодки, конечно, не понимали, что это за «правило», но обстановка и поведение родителей говорили, что дома происходило что-то весьма важное. Утром отец шел к утрени и мама вместе с ним шла, и оба тащили нас с собой, кого на руках, а кого за руку. В церкви мы стояли у левого клироса, и я часто засыпал, свернувшись калачиком на ступеньках соли. Но когда я просыпался, то мелькающие в предрассветной мгле огоньки лампад и темные лики святых наполняли детскую душу каким-то несказанным трепетом.

Когда я подросток до 7 лет, то отец взял меня в алтарь пономарить. Я жадно смотрел за его действиями, — как он благословлял подаваемое мной кадило, как целовал престол и свои облачения, как это обычно делается, аккуратно их складывал как святыню, и даже будучи настоятелем многоклирного причта, всегда делал это сам...»

Итак, не какой-нибудь там «обновленец», а лучший представитель старого духовенства находил достаточным поминовение на проскомидии. Проскомидия — это ведь и есть литургия, часть литургии, которая выделена в предварительное «тайное» совершение именно для того, чтобы не задерживать литургии.

Сегодня у нас не так. Поминовение на проскомидии — это, так сказать, самый низший разряд. Если заплатить подороже — помянут, назовут имена на общей заупокойной ектении. А есть еще и высший разряд — это когда произнесут *отдельную*, «заказную» заупокойную ектению, либо *отдельную* «заказную» литию, либо *отдельную* «вечную память», — в разных местах этот высший разряд выражается по-разному. В свое время (до денежной реформы 1961 года) отдельная заупокойная ектения в Ленинграде *стоила* 25 рублей. За эти деньги диакон говорил отдельную ектению, а священник в алтаре — отдельный возглас; и таких отдельных поминовений бывало до двадцати раз... По этому поводу Х. писал мне:

«...Вы возмущаетесь тем, что в Никольском Кафедральном соборе служат отдельные заупокойные

ектении по 25 рублей за ектению; я скажу более того — не только служат, но даже держат на столе, где принимают просфоры, «ценник», в котором указано, что за поминовение на проскомидии + на панихиде после обедни — 10 руб, за поминовение с произнесением отдельной ектении — 25 руб. Я когда-то сказал об этом митрополиту Григорию. Он страшно возмутился этой непристойностью и сказал мне, что предпишет убрать этот ценник. Но вот и владыки не стало, сам он уже переселился в горный мир, а ценник продолжает стоять на старом месте».

Другой, тоже очень достойный и понимающий человек написал мне: «Ленинградская торговля заупокойными ектениями — ужасная мерзость...» Дело не только в том, конечно, что эти поминовения на ектениях «наводят скуку на предстоящих» (иногда это длится до получаса). Главное — сам этот принцип *торговли Богослужением* — и притом торговли спекулятивной. В свое время можно было свалить все это на жадность духовенства; но вот сегодня духовенство — на окладах, освобождено от прямой «сдельщины», а торговля продолжается по-прежнему. Спекуляция уже успела превратиться в традицию. Кое-где печатаются типографские бланки квитанций «проскомидийных», «обеденных»... Это уже целая кощунственная бухгалтерия, система добывания средств. Только высшая церковная власть могла бы всех нас вразумить — вообще *запретить* возглашение имен на ектениях за деньги, *запретить* категорически, безапелляционно, с праведным гневом,

как если бы это была продажа индульгенций. Почему же бездействует церковная власть?.. Это тема уже не литургическая.

36

Правду сказать, в больших городских храмах бывает иногда так много заупокойных записок и так много имен в старинных помянниках, что *прочитать* их священникам бывает решительно невозможно, и они читают притворно, по два-три имени из каждого помянника — «не читают, а в руках перебирают»... Один почтенный протоиерей рассказывал, как на панихиде бабушки обличили его в этом усвершенствовании и как он перед ними оправдывался: «Что же, по-вашему, у Бога — *канцелярия, что ли?*» Это верно; но если не канцелярия, тогда зачем записки? Есть среди мирян и более просвещенные люди, которые не стремятся проверить, читают ли их записки, для которых самый факт подачи записки, даже самого написания имен, а также связанная с этим денежная жертва имеют сакраментальное значение. Но и перед ними мы не можем чувствовать себя в полной чистоте совести, когда не успеваем прочитать всех имен на записках.

Не суеверие ли это, чтобы нам непременно священными своими устами прочитать эти записки? А если бы это делали сами миряне? Когда человек *сам произносит* дорогие ему имена, он действительно вспоминает их носителей, с любовью воспроизводит душевный их облик, лично общается с ними в церковной молитве.

В будущем храме я попросил бы архитектора устроить «предложение» на древнем месте — *отдельно* от алтаря. Да и в старых храмах, пусть не сегодня, а завтра, нужно вынести «предложение» из алтаря, скажем, за левый клирос. Сюда, к открытой для всех проскомидии, пусть подходят все и сами читают или наизусть произносят свое поминовение.

Есть поминовение и на самой литургии, которого миряне сегодня не знают, которое сохранилось в «тайных» молитвах священника, может быть, еще от тех времен, когда не было поминовения на проскомидии. Это — поминовение в самое благодатное время, сразу после Освящения Даров, когда написано в Служебнике: «И поминает, ихже хочет, усопших по именем». Это возможно только при условии открытия молитв Евхаристии (об этом потом — ниже). В храме да воцарится тогда тишина — и каждый да поминает своих дорогих усопших по именам... Такой же момент есть в закрытом сегодня древнем тексте литургии и для поминовения тех, кто живет еще с нами на этом свете.

Я пишу о том, как это приблизительно должно быть завтра, потому что нельзя примириться с тем, как это творится у нас сегодня. И это будет не новшество, а возвращение к самой почитаемой древности.

37

По примеру Греческой церкви надо бы *упразднить* ектению *оглашенных*. Скажут: это трогательно древняя

ектения, и народ ее терпит. Но как же *молиться* об оглашенных, которых не существует? Это все равно, как если бы мы стали молиться о диакониссах и пресвитерах. Кому говорить: «Помолитесь, оглашении»... «Оглашении, главы ваша преклоните»? Мы — не музейные демонстраторы и не актеры. Народ терпит (он многое терпит), но надо же подумать и о священниках и диаконах, которые, привыкая возглашать молитвы без молитвы, отвыкают молиться. Другое дело — помолиться бы о наших дорогих *неверующих*, но для этого нужно составить новую ектению и молитву священника.

В Великом посту назначена еще ектения о готовящихся к таинству Святого Крещения (которое совершалось в Великую Субботу):

Елицы оглашении, изыдите, оглашении, изыдите.

Елицы ко Просвещению, изыдите: помолитесь, иже ко Просвещению...

Так напечатано в Служебнике. Что же делать — «изыдите» или «помолитесь»? Уже триста лет эта нелепость перепечатывается без исправлений; так перепугали нас старoverы. Только в редких изданиях правильное чтение отмечено на полях: не «изыдите», а «приступите»... Произносят же все так, как напечатано — без смысла, и это очень характерно для нашего равнодушия. Впрочем, все равно ведь это анахронизм — нет ведь никого, иже ко Просвещению. А *кающиеся* (вот для кого бы ектению) смиренно «отстоят» и это совершенно непонятное празднословие.

«Иже херувимы тайно образующе»... Херувимов таинственно изображающе. Вот еще пример, как невозможен никакой новый перевод, возможно и крайне важно только объяснить и комментировать церковно-славянский подстрочник.

Сегодня можно констатировать «смещение центра» нашей литургии. Некогда «предложение» было расположено отдельно от алтаря, и процессия с Дарами шествовала к алтарю по храму под пение Херувимской. Следы этого сохранились и донныне в текстах некоторых изданий Служебника: «...И обходят храм, молящися». У нас же теперь «предложение» закрыто иконостасом; и молитвы Евхаристии закрыты — заглушены пением (об этом потом — ниже). В результате Великий вход превратился в «великий выход» из святилища; а «Иже херувимы» стало для народа молитвенным средоточием литургии. В будущем храме — отделить «предложение» от алтаря и открыть молитвы Евхаристии. Тогда, только тогда все встанет на место.

Пока же, я думаю, не один я каждый раз бываю опечален от этой удивительной немзыкальности, литургической бестактности нашего духовенства на Великом входе. Они должны торжественно выходить под пение хора, торжественно стоять до окончания пения. Нет — обязательно задержатся, идут в мертвой паузе... Или говорят на ходу.

Тут могут сказать мне: «Что-то уж слишком чувствительное отношение к церемониям. Церковь — не театр»...

Но давайте объяснимся, условимся в принципе о *стиле* русского церковного Богослужения. Тут возможны только два направления. Либо — возвращение к простоте первоначального Христианства, и тогда вообще не нужно никаких церемоний. Либо — продолжение исторически сложившегося именно церемониального стиля церковного Богослужения. В данном случае у нас — торжественный обряд перенесения Даров на престол. Какое бы «символическое» (крайне спорное) толкование ни придать этому шествию с Дарами — его *торжественность* во всяком случае должна символизировать наше благоговейное отношение к таинству Евхаристии. А когда церемония совершается не церемониально, в пустой паузе — она превращается в *отрицательный символ* нашего небрежения; и к этому нельзя отнестись равнодушно.

39

«...Поминование на великом входе патриарха, епископа и „благочестивейшаго, самодержавнейшаго“ — наше русское изобретение. Но откуда вы взяли, что у греков: „Всех вас *православных христиан*...“? Я ни в одном греческом служебнике этого не видел; там только „Всех вас (или нас, это звучит одинаково) да помянет Г. Б...“ Так и у старообрядцев на Рогожском, сам слышал (служил архиепископ Флавиан, но и его не поминали). Так решил помянуть на великом входе и наш собор 1917–1918 г. Так и в „Богослужбных

указаниях“ на 1958 г.* У литургистов эта формула не может вызвать ни малейших сомнений. После „помяни“ уместно лишь краткое сокрушенно „мя“ и „нас“ и т. п. без всяких пояснительных титулов, а если пояснять, то тоже только в духе сокрушения и смирения, например: „мя студнаго и нечистаго“, но никак не „православного“ христианина...»

Из письма, 1959

Вот оно что. А я думал — почему это всякий раз какая-то неловкость. «*Православных христиан*» — это значит ведь: «*ортодоксальных христиан*»... Титул «православный» — это награда, а когда он присваивается себе в первом лице, в нем явственно звучит похвальба и даже сектантство. То же, что с титулом «Богослов». Святой Иоанн Богослов, потом святитель Григорий Богослов, преподобный Симеон, Новый Богослов... Но когда люди сами себя величают «Богословами» — это ни с чем несообразная дерзость, которой мы не замечаем только потому, что привыкли.

Итак, «*Всех вас да помянет*»... Но нигде, нигде у нас этой единственно правильной формулы не произносят. Зато уж совсем вопреки Служебнику — всякие новопридуманные возгласения за митрополитов, архиепископов и епископов православных, священство, диаконство, монашество, весь причт церковный. И всегда досадно, что духовенство так много отводит само себе

* Приложение: Формулы поминовения чиноначалия церковного..., С. 234–235.

внимания. Я сам слышал, как один священник громко возглашал даже так: «Протоиерейство мое да помянет»... Впрочем, другой не забыл и мирян — изобрел для них такое поминовение: «Благодетелей, благоуказителей, посетителей, прихожан и богомольцев храма сего». Опять подумаешь: как можно доверять таким авторам церковную проповедь?

40

«Молитвы антифонов, равно как и молитву входа, священник, замечено в Служебнике, читает „тайно“ и произносит во всеуслышание один лишь возглас или конечное славословие. Это отделение священника от народа при отправлении богослужения и его уединение от присутствующих в круг ему одному назначенных и ему одному доступных молитв стоит в противоречии с древне-церковною практикою. По воззрению древней церкви, и пастырь и пасомые, и священник и всякий верующий были полными участниками в совершении богослужения... В древнейшем списке литургии, Александрийском Людольфовом, прямо замечается о каноне евхаристии: *«и повторяет народ слова епископа»*.

...Как отозвалась замена гласных молитв тайными на самом строе церковной службы, легко понять из того, что она нарушила цельность богослужебного акта, разорвала его на две параллельные части и внесла разлад в то, что само по себе составляет одно не-

расторгаемое целое. Что такое эта, если так можно выразиться, отдельная служба, представляемая мирянину подле другой параллельной, идущей в алтаре и отправляемой священником? Мы слышим, например, возглас священника, но того, к чему он относится, что он подтверждает и уясняет, мы не знаем, потому что молитва, связанная с возгласом, читается священником тайно. А слышать один конец не значит ли слышать одни слова без мыслей?.. Что стало с евхаристическим каноном — этой таинственнейшей частью литургии — тою частью, которая сохраняет в себе осязательные следы древне-церковного духа и которая сосредоточивала на себе такую благоговейную заботливость со стороны древней церкви? Народу эта часть представляется в скудных отрывках. Часто притом выбранных не совсем удачно. Видимой связи между ними нет и не легко восстановить ее тому, кто не знаком с содержанием служебника и не читал самых молитв. А между тем евхаристический канон есть в высшей степени стройное и округленное целое, в нем так много высоких молитвенных элементов; и все это остается для народа недоступным. Древняя иерархия, сделавши богослужение вполне открытым для верных, представляя его в цельной и полной системе сознанию каждого, руководствовалась более верным и глубоким психологическим тактом, чем церковь позднейшего времени».

*Проф. А. П. Голубцов,
«Историческое объяснение
обрядов литургии»*

В настоящее время все молитвы литургии, кроме замвонной, у нас читаются священнослужителями тайно от народа. Вместо цельных молитв последний слышит лишь так называемые *возгласы*, то есть окончания молитв, содержащие славословие св. Троицы, большей частью в виде заключения причинного периода*, или краткие извлечения, отрывочные фразы из середины их**, между которыми нет видимой связи и не легко восстановить ее тому, кто не знаком с содержанием молитв и никогда не имел в руках Служебника. Совершенно обратное явление представляла в этом отношении литургийная практика первых трех-четырёх столетий: там гласное, общенародное произнесение молитв предполагалось само собой, являлось своего рода *conditio sine qua non* (непрерывное условие) самой литургийной службы...

...Трудно обозначить точно хронологический предел, с которого начала вытесняться древне-христианская практика общенародного произнесения литургийных молитв, и когда окончательно уступила она место тайному чтению последних. Есть основания утверждать, что перемена эта произошла приблизительно в пятом столетии, хотя начало ее было несколько раньше... В одной из своих бесед св. Иоанн Златоуст оставил нам осязательное доказательство того, что в его времена литургия про-

* Например, Яко Твоя держава, Яко благ и Человеколюбец Бог еси, Яко подобает Тебе всякая слава и проч. (прим. Голубцова).

** Как то: Победную пестю погоще, Примите, ядите, Пийте от нея вси и проч. (прим. Голубцова).

должала сохранять свой прежний, вполне открытый характер и гласное чтение евхаристических молитв было делом обычным*.

...В новые условия церковной дисциплины переносит нас 137-я новелла императора Юстиниана (†565), указывающая уже на существенное изменение столь крепко державшегося еще во времена Златоуста древнего обычая гласного чтения литургийных молитв. «Повелеваем, говорится в ней, чтобы все епископы и пресвитеры не тайно совершали Божественное приношение и бывающую при святом Крещении молитву, но таким голосом, который хорошо был бы слышен верным народом, дабы души слышащих приходили от того в большее благоговение, богохваление и благословение»... Но императорский указ, хотя и скреплявшийся авторитетом апостола (I Кор. XIV, 16–17, Рим. X, 10), не мог изменить, исправить дела и удержать начавшиеся движения в области богослужения. Новая практика, не будучи еще повсеместною, пустила однако же глубокие корни и имела за себя сильные голоса».

Проф. А. П. Голубцов.

*«О причинах и времени замены гласного чтения литургийных молитв тайными»**.*

Причинами перехода на «тайное» чтение евхаристических молитв, по мнению проф. А. П. Голубцова, были,

* Беседа 18 на II Послание к Коринфянам, Беседа на Деяния. (прим. Голубцова).

** «Богословский вестник», 1905, сент. С. 68–77.

с одной стороны, благоговейное стремление сохранить евхаристический канон от поругания толпы (в этой связи приводится рассказ Иоанна Мосха о детях, игравших в литургию и вызвавших словами Евхаристии огонь с неба), а с другой — начавшееся разделение между клиром и мирянами, не посвящаемыми во все тайны религии. По мнению А. П. Голубцова, имело влияние также и то обстоятельство, что в последующее время миряне все реже и реже приступали к Причащению, бывшему в первые три-четыре века общим для всех присутствовавших на литургии.

Все эти причины не уважительны. Закрытый характер литургии не помешал Л. Н. Толстому устроить поругание ее в «Воскресении». Напротив, можно с большой степенью вероятности утверждать, что Толстой не смог бы хулить литургию, если бы знал ее в древнем, открытом виде... Далее: если прятать от народа все, что священо, то выходит, что нужно скрывать от него и Евангелие. В значительной степени это и происходит сегодня: ибо читается Евангелие без перевода и в плохотобранных отрывках. Но что же в этом хорошего?.. Разделение между клиром и мирянами есть явление отрицательное, сегодня это признают даже католики. Наконец, последнее: если христианин присутствует в храме, не намереваясь причаститься, — это не основание лишать его молитвенного участия в Евхаристии, которая, это известно по опыту, может и без Причащения оказать благодатное действие. А когда у нас, бывает, причащается вся церковь? Все равно — не слышит она молитв Евхаристии.

Можно полагать, что переходу на «тайное» чтение литургийных молитв способствовало также, попросту говоря, нерадение священства. Тут имело влияние еще и то обстоятельство, что молитва священника делала большой перерыв в пении. Мы и теперь, «декламируя» разговорной речью длинные молитвы, например, на Водоосвящении или при Венчании, последние слова их возглашаем распевно, чтобы воссоздать тон и вообще песенный стиль Богослужения. В литургии молитвы выпали, остались только распевные наши так называемые «возгласы»... Надо признать, что литургийные молитвы святителя Василия Великого действительно непомерно многословны для всенародного чтения. Молитвы святителя Иоанна Златоуста примерно в три раза короче. Не из этого ли сопоставления и пошло предание, что Златоуст «сократил» литургию святителя Василия? Как будто этим «сокращением» он хотел отнять всякий повод к переходу на «тайное» чтение этих молитв.

Как бы ни объяснять нам теперь это все исторически — факт тот, что сегодня у нас *есть Евхаристия для священника, но нет Евхаристии для народа*. Для народа осталось только Причащение, приготовленное тайно в закрытом алтаре... А ведь само это слово «литургия» значит — *общее дело*, общественное Богослужение. У нас это общее дело совершает один священник, возглашая для народа какие-то обрывки молитв Евхаристии. Народ же только присутствует, слушая не молитвы, а пение, искусственно растягиваемое со специальной целью — *заглушить* молитвы, которые читает

священник. Священник при этом не может освободиться от горького «подсознания», что дивная красота этих молитв *скрыта* от молящейся церкви... Притом же сосредоточенное чтение одних слов, когда в это же самое время хор (а то и народ) поет *другие* слова — для священника очень трудно; и он постоянно боится, как бы пение не закончилось раньше его чтения, как бы не очутиться ему в тягостной паузе. Выходит, таким образом, что наша литургия неполная не только для народа, но и для самого священника. «Иже общия сия и согласные даровавый нам молитвы», — читает секретно от народа священник на Третьем антифоне; нет, *неправда* — это у нас уже не общие молитвы. И ведь кроме одной действительно тайной, личной молитвы священника в начале Херувимской — все литургийные молитвы составлены во *множественном* числе: *мы...* Кто же это *мы*, когда я сам себе читаю и только сам себя слушаю?

Мы говорим: литургия Златоуста. Но Златоуст ужаснулся бы, услышав свою литургию в положении нашего мирянина. Златоуст записал (привожу начало евхаристического канона в вольном русском переводе):

Достойно и праведно
Тебя воспевать,
Тебя благословлять,
Тебя хвалить.
Тебя благодарить,
Тебе поклоняться
на всяком месте владычества Твоего.
Ибо Ты еси Бог
Неизреченный,

Неведомый,
Невидимый,
Непостижимый,
Вечный,
Неизменный — Ты,
и единородный Твой Сын,
и Дух Твой Святой.
Ты привел нас из небытия в бытие,
и отпадших нас — восставил опять,
все сделал,
доколе нас на небо возвел
и даровал нам Царство Твое будущее.
За все это
Благодарим Тебя,
и единородного Твоего Сына,
и Духа Твоего Святаго —
за все, что мы знаем,
и чего не знаем,
за явные и тайные благодеяния Твои,
бывшие над нами.
Благодарим Тебя и за службу сию,
которую Ты изволишь принимать из наших рук,
Хотя Тебе предстоят
бесчисленные множества
архангелов и ангелов,
херувимы и серафимы,
многоочитые, окрыленные,
которые победную песнь поют,
воспевают, взывают, говорят:
«Свят, Свят, Свят Господь Саваоф»...

Из всего этого Златоуст услышал бы у нас только возгласие священника из закрытого алтаря: «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще»... Оторванное от текста придаточное предложение. Не может быть никакого сомнения, что Златоуст не примирился бы с такой нашей нелепостью. Она должна быть исправлена. Но как это сделать?

41

...Из закрытого алтаря раздается возглас священника, и всегда в этом чувствуется что-то неладное. Все равно, как если бы разговаривать с гостем, крича из другой комнаты. Почему затворился священник от нас, молящейся церкви? Почему он произносит только оборванные концы фраз? Говорят, что он читает молитвы от нашего имени в то время, пока поют. Но зачем он скрывает от нас наши молитвы?

Священник затворился, а церковь осталась в распоряжении певчих. Им дела нет до священника, они поглощены исполнением какой-нибудь «Милости мира». Это — унылая или бравурная композиция, неестественно растянутая и кудрявая, с многократными повторениями слов... Трудно сказать что-нибудь об идейном содержании этой музыки; ее практическое назначение — как-то заполнить время «тайных» молитв священника. Он уже закрыт иконостасом, теперь надо заслонить еще какими-нибудь звуками секретные его молитвы. Регенту приходится терпеть его «возгласы», после которых приходится

снова задавать или менять тон, так что после слов священника следует сначала не пение, а какое-нибудь там

«си-соль-ми-си-ре-фа-ре-си», —

и только после этого уже наконец «аминь». До сих пор с мучением вспоминаю, как в Смоленске будничным регент произносил при этом не названия нот, например, не «до-ля-фа», а громко возглашал:

«у-лю-лю»...

Считается, что никак нельзя петь ничего «просто-го». Считается, что всякий раз нужно непременно менять «номера» и петь что-нибудь «новенькое». Ужасные провинциалы эти певчие, даже и в столицах... Так они загораживают своим пением от народа Евхаристию, молитвы которой в это время читает загороженный еще иконостасом священник. А народ мается от незнакомой, обычно к тому же и плохой или плохо исполняемой музыки. Кто старается уединенно молиться, кто размышляет о домашних делах, а кто и поворачивается уходить... И это — центральный момент Евхаристии! Если сумели мы так *испортить* свою литургию — то надо ли удивляться постигшим Церковь испытаниям?

42

До чего доходит *непонимание* литургии. В семинарии один иеромонах заметил, что служащий с ним благоговейный диакон тоже читает евхаристические молитвы; иеромонах остановился и строго запретил диакону читать молитвы.

В соборных служениях — как бы хорошо архиерею или старшему священнику читать литургийные молитвы *вслух* хотя бы для сослужащего духовенства... Но нет — каждый уединяется и смотрит в свою книжечку.

Молитву «Царю Небесный» и другие перед началом литургии духовенство читает «для себя» наперебой с чтением «для народа» заключительной молитвы Часов. Архиереи устраивают это среди храма, так что народ не знает, кого слушать. Трисвятое, «Верую», «Отче наш» духовенство читает в алтаре отдельно, «для себя», опережая пение. Удивительное непонимание.

Недостойное стремление клира отделиться от народа и «засекретить» от него общецерковные молитвы проникло и в другие службы. Вот, например, «бесконечно трогательная» (Флоренский) молитва Первого часа:

Христе, Свете истинный,
просвещай и освещай всякого человека,
грядущего в мир!
Да знаменается на нас
Свет Лица Твоего,
Да в нем узрим
Свет Непрístupный.
И исправи стопы наша
к деланию заповедей Твоих,
молитвами Пречистыя Твоя Матере
и всех Твоих святых.
Аминь!

Не редкость встретить священника, который произносит это приходу, вполголоса, а то даже заставляет певцов заглушать себя пением. Стихи на «Бог Господь»,

стихи на прокимнах (все это надо бы диакону петь) тоже всюду скрывается за пением хора. Великое Повечерие заканчивается краткой и сильной древней ектенией:

Помолимся:

О ненавидящих и любящих нас!

О милующих и служащих нам!

О заповедавших нам, недостойным, молитися о них!

О в мори плавающих!

О избавлении плененных!

О в немощах лежащих!...

И вот едва ли не повсеместно эти прошения произносятся нарочито *неслышно для народа*, во время беспрерывного пения «Господи, помилуй». При хиротонии *одновременно*, не слушая друг друга, диакон или священник произносит ектению, епископ читает молитвы, а хор поет «Кирие, элейсон»... Что же нам смеяться над до-Никоновским «многогласием»: оно *продолжается у нас* и сегодня в святейших моментах церковного Богослужения, и корень этого зла все тот же — вера в магическую силу как бы то ни было произнесенных слов и отъединение клира от народа, сиречь от Церкви.

43

«„Обновленцы“ — вот тоже вконец испорченное слово в трагической русской истории. Впрочем, и по самой грамматической форме своей оно несет в себе момент некоторого пренебрежения (ср. „оборван-

цы“ и др.) Странно, что люди *сами себя* могли называть так. Их программные документы, насколько я помню из поверхностных впечатлений, заключали в себе наряду со светлыми идеями и немало всякого вздора...

Но огромное впечатление с детских лет и на всю жизнь произвело на меня *новое Богослужение*, которое я наблюдал в храме покойного *епископа Антонина в Москве*. Можно в общем сказать, что теперь у нас в храме народ как бы только наблюдает со стороны „службу“, которую совершает хор, диаконы и священники. И под аккомпанемент этой „службы“, наблюдаемой со стороны, человек у нас молится и сам — то уединенно, то сближаясь с ней... И только в некоторые моменты, например: при общем пении „Кресту Твоему“, „Отче наш“ — Богослужение наше становится на несколько минут всенародным. Вот на таком уровне было все Богослужение в храме епископа Антонина.

Вспоминаю наиболее существенные моменты. Престол вынесен на солею, так что иконостас оказался за ним и алтарь совершенно открыт. Ни регента, ни певчих в нашем понимании слова нет, все поет народ простейшими напевами. Стихиры поют за канонархом, короткими фразами; стихир мало, вообще всенощная очень сокращена. Все — на русском языке... Теперь-то я понимаю, что звучало это, конечно, довольно неуклюже, иногда даже и очень; но в то время не замечал, поглощенный открывавшимся смыслом. Особенно поразила и захватила

меня литургия. У нас теперь она закрыта от народа не только иконостасом; самый текст ее заслонен пением хора, народ и не подозревает — какие дивные молитвы читает священник в алтаре во время этого искусственно растягиваемого пения. И только малые кусочки, краткие «возгласы» священник произносит вслух... В храме же епископа Антонина народ видел и слышал все, участвовал во всем...*

И далее следовало всенародное призывание Духа Святого... Это не был нервный экстаз, который так отвратителен нам у сектантов. Это было взволнованное мужественное (большинство в храме были мужчины) *благодарение*. «Евхаристия» и значит ведь «Благодарение». «За все, что мы знаем, и чего не знаем»... «Не отступил ни перед чем, все сделал» для *свободного* спасения человека. Была уверенность, что можно вот так прямо обращаться к Богу: «Ты, и едиnorodный Твой Сын, и Дух Твой Святой». Главное же, была глубокая, какая-то осязательная уверенность, что силою Божественной любви совершилось свободное *спасение мира*... Но невозможно, конечно, изобразить словами благодатное действие открытой Евхаристии. Надеюсь, Вы оцените хотя бы отчасти красоту этих древнейших молитв Церкви, обработанных самим Златоустом. Да и все молитвы в открытой литургии были так хороши, что никаких «частных» молебнов и панихид после уже не

* Приводится текст евхаристических молитв до Освящения Даров. (Прим. о. С.)

совершалось... Имена живых и усопших близких во время Евхаристии каждый поминал сам в торжественном общем молчании. Что еще вспомнить? Ектении были сокращены по количеству, но дополнены новыми (вероятно, реставрированными древними) прошениями, например, о младенцах и детях Церкви. Апостольские Послания и Евангелие читались на русском языке лицом к народу... Епископ служил без встречи, без шлейфа, без митры, посоха, орлецов, целований рук, поклонов и прочих архиерейских принадлежностей; но были у него светильники. Помню священников: никто никаких денег в храме не получал, все после принятия священного сана оставались на гражданской работе (тогда был ВР* и вообще было в этом отношении легче). Один священник был одновременно юрист, другой — инженер, третий — кустарь, чуть ли не сапожник... Служба была только по воскресеньям и большим праздникам, а также и вечером накануне. За исключением древней Евхаристии каждый раз что-нибудь обновлялось — менялось, формировалось, вплоть до появления не переводных уже, а новых русских и притом стихотворных канонов; я их не помню и о качестве судить не берусь...

Конечно, большое значение имели личная одаренность и чистота намерений реформаторов. В частности, епископ удивительно душевно читал евхаристические молитвы нараспев, в какой-то совершенно

* Так в рукописи.

своеобразной мелодии; а священник, тот, что был и юристом, очень хорошо произносил их патетически, не нараспев (не знаю, как называется такая манера чтения). Но входить в личные характеристики здесь я не буду, и так я отвлекся от темы, которая Вас занимает. Я вспоминаю все это в связи с Вами как бы недоумениями о церковном Богослужении. *Оно может быть прекрасно* — может быть все светоносно, в каждом моменте может возбуждать высокие чувства — быть в этом смысле истинным служением Богу... О вкусах не спорят, можно по-разному относиться к опытам, о которых я вспоминаю; но и в другом „стиле“ творческое отношение к священному писанию дало бы удивительные результаты. Если Вам больше по душе древняя икона, то и в службе церковной, я думаю, Вас привлекли бы опыты художественной реставрации эпох, когда писались иконы: лампы в полумраке, мужские хоры (непрерменно два „лика“), изысканные древние напевы, в которых запечатлелась духовная сила святых... Я способен оценить и это; но и здесь потребовались бы великие творческие перемены, в частности, большие сокращения текстов, борьба с электричеством, с дурными привычками певцов, да и самого народа... Словом, в наших условиях это невозможно...»

Из письма, 1963

Итак, для открытой литургии потребовался бы открытый алтарь и русский язык, понадобились бы особенно одаренные служители — и даже особенно

взыскательный народ. Проблема открытой Евхаристии относится таким образом к области церковной футурологии. И прежде всего это следует сказать о нашем брате — служителях... Сегодня мы можем только с великим ужасом вообразить, как многие из наших знакомых священников и архиереев стали бы читать открытые евхаристические молитвы. Тут как и с проповедью: редкому священнику можно было бы сегодня дать разрешение служить открытую литургию. Какой страшный риск: опозлить, испортить святейшее Таинство Церкви! Нужно прямо признать практически положительным значение того факта, что в закрытом чтении евхаристических молитв скрываются и уравниваются *личные* качества священнослужителей: ибо краткие наши «возгласы» мы все произносим более или менее одинаково, — и таким образом внешняя сторона Евхаристии остается у нас *независимой* от голоса, культуры, даже от настроения служителя.

Будущие формы открытой литургии могут быть найдены только в практических священных экспериментах. Заранее можно сказать, что молитвы святителя Василия Великого окажутся непригодными для открытого чтения вследствие чрезвычайной их многословности. В древнейшей рукописи литургии написано: *«и повторяет народ слова епископа»*; должна быть проверена и такая возможность, предлагающая, конечно, предельную краткость этой коллективно произносимой молитвы. А такое *общее чтение* не преобразится ли потом в *общее пение* евхаристических молитв?.. Не обязательно, чтобы все это решалось для всех одинаково.

Возникнут и некоторые принципиальные проблемы. Можно уподобить в этом отношении Евхаристию священному Писанию. Когда мы начинаем вполне понимать его в чтении на родном языке, то вместе с радостью открывающегося смысла нам открываются и трудные для современного человека недоумения и проблемы. Консерваторы думают, а иногда и прямо говорят: зачем церковному народу эта затруднительная ясность — нет, будем читать Писание на непонятном языке, нараспев, и пусть оно так и остается для народа под покровом священной таинственности. Видят даже некую особую мудрость иерархии в том, что от народа так закрыто Писание и так закрыта Евхаристия: мол, охраняется святыня. Да — но какую ценою? Ценою самой святыни! Ибо в конечном счете мы остаемся без Писания и без Евхаристии.

44

Но что же нам делать сегодня, какой совет дать сегодня сознательному христианину — как молиться ему во время совершения Евхаристии? Вопрос не новый — и были в популярной душеспасительной литературе издания, которые предлагали на этот случай скверные молитвы собственного изобретения, но никак не хотели открыть мирянину подлинных молитв Евхаристии.

Они напечатаны в Служебнике. Их нужно выписать и читать шепотом или в уме вместе со священником. В такой практике они очень скоро запомнятся наизусть.

Первая молитва — во время пения «Достойно и праведно» приведена в одной из предыдущих заметок (40).
Далее

Священник: ПОБЕДНУЮ ПЕСНЬ...

Хор: СВЯТ, СВЯТ, СВЯТ...

Священник
(и мы с ним): С сими блаженными Силами
и мы, Владыко, Человеколюбче,
возглашаем и говорим
Свят еси и Пресвят
Ты,
и едиnorodный Твой Сын,
и Дух Твой Святыи.
Свят еси и Пресвят
и великолепна слава Твоя,
Ты мир Твой так возлюбил,
что Сына Твоего едиnorodнаго
отдал,
дабы всякий, верующий в Него,
не погиб,
но имел жизнь вечную.
Он пришел,
и все о нас устроение исполнив,
в ночь, когда Он был предан,
(скорее — Сам Себя предал
ради жизни мира),
взяв хлеб
во святыи Свои
и пречистые, и непорочные руки,
благодарив и благословив,
освятив, преломив,

преподал
святым Своим ученикам и апостолам
и сказал:
ПРИИМИТЕ, ЯДИТЕ...

Хор: АМИНЬ.

Священник Подобно и чашу после вечери, говоря:
(и мы с ним): ПИЙТЕ ОТ НЕЯ ВСИ...

Хор: АМИНЬ.

Священник Воспомявая сию спасительную запо-
(и мы с ним): ведь
и все, что ради нас было и будет:
крест, гроб,
тридневное Воскресение,
на небеса Восхождение,
одесную Отца пребывание.
второе во славе Пришествие,
ТВОЯ ОТ ТВОИХ...

Хор: ТЕБЕ ПОЕМ...

Священник Еще приносим Тебе
(и мы с ним): словесную сию и бескровную службу
и просим, и молим, и умоляем:
ниспошли Духа Твоего Святаго на нас
и на предлежащие Дары сии.

В это время в алтаре совершается Освящение Даров. Здесь в церковно-славянском тексте Служебника наше русское нововведение — тропарь призывания Духа Святаго и стихи из Псалма 50. Это знак особо благоговейного отношения наших предков к святой Евхаристии:

Священник Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа
(и мы с ним): в Третий час апостолом Твоим ниспо-
славый,
Того, Благий, не отыми от нас,
но обнови нас, молящих Ти ся.

Диакон Сердце чисто созижди во мне, Боже,
(и мы с ним): и дух прав обнови во утробе моей.

Священник Господи...
(и мы с ним):

Диакон Не, отвержи мене от Лица Твоего,
(и мы с ним): и Духа Твоего Святаго не отыми
от мене.

Священник Господи...
(и мы с ним):

Эти чтения помогают усиленно сосредоточиться в молитве. Я недостоин давать советы; но одно, несомненно, опытно многим известно: в это время бывают благодатные озарения души. По слову апостола, это — *причастие (общение) Духа Святаго, вкушение силы грядущего века* (к Евреям, гл. 6)... Некоторые находят нужным в этот момент помолиться о самом важном, о самом заветном. «Вспомните меня во время ТЕБЕ ПОЕМ», — писал мне один выдающийся христианин в очень трудных обстоятельствах. *Молитве о других* и посвящается вся последующая часть Евхаристии. Она начинается с таинственных слов — с *молитвы о святых*; вероятно, лучше сказать — с благодарения за святых:

Священник
(и мы с ним):

Еще приносим Тебе
словесную сию службу
о в вере почивших
праотцах, отцах, патриархах,
пророках, апостолах, проповедниках,
мучениках, исповедниках, подвижни-
ках,
и о всех праведных душах,
в вере скончавшихся,
ИЗРЯДНО (особенно же)
О ПРЕСВЯТЕЙ...

Хор:

ДОСТОЙНО ЕСТЬ...

Священник
(и мы с ним):

О святом Иоанне Пророке,
Предтече, Крестителе,
о святых славных и всехвальных апос-
толах,
О святом (имя-рек),
егоже и память совершаем,
и о всех святых Твоих,
ихже молитвами посети нас, Боже.
И помяни всех усопших
в надежде Воскресения в жизни веч-
ной.
(Вспоминаем имена).
И упокой их,
идеже присещает свет Лица Твоего.
Еще молим Тя:
помяни, Господи,

* В Служебнике здесь стоит еще: «о Вселенной».

** В Служебнике: «верою живущих».

*** В Служебнике: «во святых Твоих церквах».

всех епископов,
верно преподающих слово Твоя исти-
ны,
всех пресвитеров, диаконов
и весь священный чин.
Еще приносим Тебе
словесную сию службу*
о святой соборной, апостольской Цер-
кви,
о пребывающих в чистоте
и честном гражданстве.

Священник: В ПЕРВЫХ ПОМЯНИ...

Хор: И ВСЕХ И ВСЯ.

Священник
(и мы с ним): Помяни, Господи,
город сей, где мы живем,
и все города, и все страны,
и живущих** в них.
Помяни, Господи,
плавающих, путешествующих
недугующих,
страждущих,
плененных,
и спаси их.
Помяни, Господи,
добро творящих***
и помнящих о бедных,
и на всех нас милости Твои ниспошли.
(Вспоминаем имена).

Во время краткого пения «И всех и вся» невозможно прочитать все это; приходится, как и поступают свя-

щенники, продолжить чтение во время просительной ектении — повторной на литургии. Имена усопших и живущих — только некоторые, все имена должны быть уже ранее помянуты на ектениях. Часть текста оставлена в церковно-славянском переводе.

Должно признать, что молитвы после Освящения Даров несколько сбивчивы и оставляют впечатление, что образовались из добавлений разного времени. В будущем они должны быть пересоставлены. В литургии святителя Василия Великого заключительная молитва Евхаристии многословна, но по содержанию более цельна. Вот для примера отрывок:

...супружества их в мире и единомыслии со-
блюди:

младенцы воспитай,
юность настави,
старость поддержи,
малодушные утеши,
расточенныя собери,
прельщенныя обрати
и совокупи святей Твоей Церкви:
стужаемыя от духов нечистых свободи,
плавающим сплавай,
путешествующим спутешествуй,
вдовицам предстани,
сирот защити,
плененныя избави,
недугующия исцели.
На судищи и в рудах,
и в заточениях,

и в горьких работах,
и во всякой скорби, и нужде,
и обстоянии сущих
помяни, Господи.
И всех, кому потребно великое Твое милосердие,
и любящих нас,
и ненавидящих,
и заповедавших нам недостойным молиться
о них,
и вся люди Твоя
помяни, Господи Боже наш,
и на вся излей богатую Твою милость,
всем подавая иже ко спасению прошения.
И ихже мы не помянухом неведением,
или забвением, или множеством имен,
Сам помяни, Боже...

В таком настроении, в приобщении ко всеобъемлющей Божественной любви заканчиваются молитвы Евхаристии. Сознательное участие в них даже и без телесного Причащения может стать важным фактором в духовной жизни... Когда же предстоит Причащение, то хорошо прочесть из Служебника молитву святителя Иоанна Златоуста:

Тебе предлагаем
жизнь нашу всю и надежду,
Владыко, Человеколюбче,
и просим, и молим, и умоляем:
сподоби нас причаститься
небесных Твоих и страшных Таин,

сея священные и духовные Трапезы,
с чистою совестью,
во оставление грехов,
в прощение согрешений,
во общение Духа Святаго,
в наследие Царствия Небесного,
в дерзновение еже к Тебе,
не в суд или во осуждение.

Есть сила благодатная во всех молитвах Служебника, которые закрыты сегодня от простого христианина. Только тайным соучастием в этих тайных молитвах — только таким неестественным способом может он хоть отчасти приобщиться к Таинству святой Евхаристии. И все равно: вместе со священником он останется в совершенном отъединении от окружающего его в храме народа.

45

Стоишь в храме с мирянами и с негодованием наблюдаешь, как искажается у нас чин Причащения. Во-первых, сами батюшки причащаются слишком долго. По Служебнику они должны успеть совершить это под пение Причастного стиха; а у нас после стиха обязательно поют еще длинный «концерт», читают молитвы, снова поют... Заглянем в алтарь: священник читает *для себя* благодарственные молитвы (хотя по Служебнику это положено делать после отпуста, вместе с народом), либо

просто *прохлаждается*, в то время как народ (иногда в давке переполненного храма) томится в ожидании. Отвратительно видеть это кастовое пренебрежение духовенства к мирянам, телу Церкви, проявляемое при святейшем Таинстве, самая сущность которого — *единение* во Христе всех верующих.

Причащение народа начинается с унижительной мелочи: убирают ковер... Когда Причащение ведется из одной чаши — есть возможность причащать мирян во святых вратах, в самых святых вратах — так, чтобы причастник почти входил в алтарь. Но нет — батюшки отодвигают Причащение подальше от алтаря на край солеи. Уничтожение Причащения совершается и в пении: хор споеет «Тело Христово» и надолго замолкает. Хорошо еще, если тут вступится новый хор и время от времени тянет то же «Тело Христово»... Следует разрешить исполнять во время Причащения «Вечери Твоя тайныя» Святителя Иоанна Златоуста. Вот где нужен концерт:

Вечери Твоя тайныя
днесь, Сыне Божий,
причастника мя прими:
не бо врагом Твоим
тайну повем,
ни лобзания Ти дам,
яко Иуда,
но яко разбойник
исповедую Тя:
помяни мя, Господи,
во Царствии Твоем...

Причащение заканчивается окриком диакона: «Все причастились?!..» Никому и ничему этот «возглас» не помогает, но стал уже дурным обычаем. Чаша уносится в алтарь — и наступает нехорошая пауза: священнику надо тщательно прибраться на престоле, а певцы споют поспешно, небрежно «Аллилуйя» и молчат. Да куда же вы спешите, спойте нам торжественную, *красную* «Аллилуйя» — и не 3, а 6, 9 раз, сколько будет нужно, чтобы не было этой глупой паузы. «Аллилуйя», «Видехом свет истинный», «Да исполнятся уста наша», ектения, — все это должно быть музыкально решено как единое целое, *торжественное благодарение* по святом Причащении.

45-А

Приложение. Запишу здесь окончание торжественного благодарения по святом Причащении — во глас второй Киевского распева. Мелодия в первом голосе:

46

Акафисты имеют у нас двойное значение для верующих. Одно — утилитарное, «обетное», когда человек «заказывает» для себя непременно «отдельный» акафист и считает долгом «отстоять» его, не вникая особенно в содержание. На Урале в храмах после литургии бывает, что все наличные священники, диаконы

и «церковницы» одновременно в разных местах храма читают такие «заказные» акафисты. Помню, в Златоусте регулярно приходила в храм женщина и заказывала акафист Пресвятой Троице. Акафист этот — «тяжелый», священники старались от него уклониться; читал его ей обычно диакон какой-то сверхъестественной скороговоркой, сам ничего не понимая. Женщина слушала и уж конечно абсолютно ничего не понимала; но через неделю-две снова являлась и заказывала: «В других церквах нет этого акафиста».

Музыкальный фрагмент, состоящий из семи нотных систем. Каждая система содержит нотный записи и русские тексты. Стиль нотации — классический, с использованием нотных знаков, пауз и скобок для связывания фраз. Текст представляет собой молитвенное обращение к Богу.

Да ис - пол - ня - ся ус - та на - ша хваления
Твоего, Гос - по - ди,
я - ко да поем сла - ву Тво - ю, яко сподобил
еси нас причас - ти - ти - ся
свя - тым Твоим Божественным,
бессмертным и животворящим Тай - нам: со - блю - ди нас
во Твоей свя - ты - ни, весь день
поучатися прав - де Тво - ей.
Аллилуия, аллилуия, ал - ли - лу - и - я! Гос - по - ди, по - ми - луй.
Гос - по - ди, по - ми - луй, Те - бе, Гос - по - ди, А - минь,
О и - ме - ни Гос - под - ни, Гос - по - ди, по - ми - луй.

Более отраднo второе значение акафистов, которое они приобрели себе в последние десятилетия в качестве вечернего общественного Богослужения. Народ

церковный сравнительно хорошо посещает такие общие акафисты, и с этим приходится считаться — наперекор отрицательным суждениям о *содержании* акафистов. Митрополит Антоний Храповицкий еще в начале века писал:

«Известно, что только два акафиста — Христу и Богородице, переведенные с греческого языка, отличаются высокими достоинствами, терпимы еще переводные акафисты Успению и св. Николаю, да переделанные из униатских архиепископом Иннокентием. Акафисты же святым и иконам Богоматери представляют собою повторение бессодержательных ублажений... Правда, они по плечу современным христианам, но мало служат духовной пользе, а более соответствуют религиозному утилитаризму. Совсем выводить их из употребления священник не должен, если это послужит к большому огорчению молящихся, но ему следует постепенно совершенствовать вкус последних уставным исполнением Богослужбного чина и обиходными напевами: тогда они сами предпочтут лучшее».

(Сочинения, 1900)

Но «уставное исполнение Богослужбного чина» и предполагается ведь у нас в виде вечерни и утрени перед акафистом; и однако же народ церковный «предпочитает» собираться *после* этих служб специально к акафисту. Вот как нельзя более наглядное свидетельство, что наличная наша «уставность» не удовлетворяет запросов народа. В «службе» он не участвует и молчит, на акафисте — поет; в «службе» священник молится

отдельно и секретно от народа, на акафисте — вместе с ним... После вечернего акафиста бывает возможность задержаться и попеть *без устава* простые любимые молитвы.

Действительно, в более древних переводных акафистах есть тексты, исполненные живого чувства, выраженного со своеобразной, иконописной красотой. «Иисусе предивный, мучеников крепосте, Иисус претихий, монахов радости»... «Иисусе, сило непобедимая. Иисусе, милосте бесконечная. Иисусе, *красото пресветлая*. Иисусе, любы неизреченная»... «Иисусе, цвете благовонный, облагоухай мя... Иисусе, одеждо светлая, украси мя. Иисусе, бисери честный, осияй мя»... «Радуйся, апостолов немолчная уста. Радуйся, мучеников непобедимая дерзосте»...»... «Сего бо ради высокий Бог на земли явился смиренный Человек, хотяй привлещи к высоте Тому вопиющая: Аллилуйя.» Это — образцы высшего порядка. Но много и текстов, снижающих такое впечатление. Среди недостатков переводных акафистов — их многословие (примерно около полутора тысяч слов в акафисте) и грубая искусственность формы: назидание, назначенное для слушателя, адресуется обычно не им, а Лицу, которому посвящен акафист.

Русский народ полюбил акафисты, и Синод разрешил составлять *новые* акафисты. Открылась как будто возможность русского литургического творчества в этой форме. Увы!.. Поучительна неудача, которая тут нас постигла. Скоро во множестве появились бездарные перепевы греческих акафистов — без их духовных и художественных достоинств, но с еще более искусственной

молитвенной формой, с еще большим многословием... И даже с обязательным немислимым акростихом из русских слов, начальные буквы которых дают греческий алфавит. Например, мы замечаем, что во всех наших акафистах кондак III начинается словом «Сила», кондак XII — словом «Благодать»; это потому, что по-гречески это будет соответственно «Динамис» и «Харис» — слова, начинающиеся соответственно с четвертой и двадцать второй букв греческого алфавита... Русские акафисты — это произведения не искусства, а ремесла, изготовленные по одному шаблону с заданием «изобразить» житие святого или историю чудотворной иконы и заполнить все двенадцать икосов какими-нибудь ублажениями вслед за обязательным «Радуйся», а во всех двенадцати кондаках подъехать как-нибудь к «Аллилуйя». И все это словоплетение ведется непременно во втором лице, в нелепой, почти кощунственной форме назидательного рассказа святому о его же житии или Богоматери о Ея же иконе... Вот пример, как это получалось в сочетании еще и с известными политическими настроениями:

«Слышаше внезапно весть об убиении благовернаго князя Андрея, буйнии мятежницы от народа, движими безначалием и убийством ринушася град Владимир опустошати и расхищати: лик же священников и вси благочестивии людие притекаша к Тебе, Богомати, носяще чудотворную Твою икону, слезные мольбы на стогнах града вознесоша Ти, да прекратиши безумное умов движение, и мир во граде водвориши. Тогда убо дивное зрелище бысть: идеже бо святую икону Твою пронесоша, толпы

народа смиряхуся, и падши на колена, со слезами и рыданием моляхуся:..

Радуйся, от пагубного духа века сего нас отклоняющая.

Радуйся, повиноватися властем нас научающая.

Радуйся, дерзновенно возстающих противу Богопоставленных власти обличающая.

Радуйся, крамолы нечестивых сынов погибельных разрушающая.

Радуйся, юныя умы от заблуждений на путь правый направляющая.

Радуйся, душевредная учения низлагающая.»

*(Акафист в честь иконы
Б. М. Владимирская, Икос, IV)*

Сегодня мы не только слушаем, но и сами своими устами читаем это все, мы, до самого высокого начальства включительно. *Что это с нами?..* Вот еще образец:

«Все людие Псковстии, со князем своим и освященным собором, изнесоша гроб твой честный, святыи благоверный княже Всеволоде-Гаврииле, из храма святого великомученика Дмитриа, и егда приближашася с ним ко вратом Пскова, именуемым Смердиим, абие ста гроб твой недвижим дондеже по повелению твоему новая врата в стене града пробиша, и теми гроб твой пронесоша в соборный храм Святыя Троицы, дивящеся сему чудеси и вопиюще ко Господу: Аллилуйя».

*(Акафист святому
князю Всеволоду, Кондак IX)*

Но цитировать подобные в разных отношениях *недостойные* места из наших акафистов — это значило бы переписать едва ли не большую часть их текста. За редкими исключениями, воистину — они ниже критики, эти печальные памятники великого упадка. И когда вспомнишь, что посетители акафистов почти не слышат в храме Евангелия и совсем не слышат молитв Евхаристии и учительных чтений — становится не по себе от сознания, что мы систематически создаем одностороннее и даже искаженное представление о Христианстве в нашем церковном Богослужении. А мы еще не прочь иногда и посетовать благодушно, что иные завсегдатаи акафистов, в сущности, — очень уж поверхностные христиане... Но серьезному человеку нечего делать на этих акафистах.

Русские акафисты свидетельствуют одновременно и о неудаче нашего литургического развития, и о потребности в нем. Прежде всего необходимо строго ре-визовать и привести в относительно приличный вид существующие акафисты: особенно невыносимые тексты — изъять; другие подправить, подсократить, переставить, освободить от мертвой схемы греческого акростиха и перевести описательную часть от второго лица в третье; может быть, акафисты «иконам» объединить в один общий Богородице, собрав в него лучшие цветы акафистного красноречия и варьируя только привычные народу конечные припевы, в зависимости от иконы, пред которой читается акафист; сократить непосильное для составителя и утомительное для слушателя число кондаков икосов и припевов...

Но все это будет, конечно, только ремонт. Думается, что русское литургическое творчество, достойное этого имени, не примет формы акафиста.

47

Обмен письмами, 1964:

«...Акафист как жанр церковной поэзии уступает канону и еще более древнему жанру кондака. Со стороны содержания он лишен того глубокого богословствования, той проникновенности, какая свойственна древнехристианским гимнам и молитвам с именами Василия Великого, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина и других им подобных витий церковных. Это мнение не мое, а авторитетных русских иерархов — митрополита Филарета, который рекомендовал вместо введения акафистов соблюдать совершение положенных уставом служб суточного круга — до повечерия и полунощницы включительно с пением всех положенных на данный день стихир, канонов и прочих песнопений. Такую же отрицательную оценку акафистов давал архиепископ Антоний Храповицкий. Но все эти рассуждения при всей их беспорности теряют свою убедительность, как только мы входим в храм, наполненный народом, и слышим, с каким воодушевлением этот народ поет акафист. Вот она, *„теплота веры, исполнь Духа Святаго“!* Она-то и восполняет *„немощи немощных“* — как самого произведения, так, очевидно, и его автора

и тех, кто решился заменить уставные службы совершением акафиста.»

«Бесспорно, акафисты удовлетворяют молитвенной потребности известной части церковного народа. Тем более важно было бы по возможности исправить тексты акафистов, нередко настолько несовершенные, что следовало бы назвать их непригодными. Не стану подбирать особо отрицательных примеров, приведу один „обычный“ кондак из акафиста пред Казанской иконой Божией Матери:

Кондак VIII: Странно и сумнительно маловерным слышати, како от иконы Твояе токи благодати истекают, благоухание животворящее исходит, мы же, веруя слову, реченному Тобою, Владычице, к первоначисанной иконе: „С тобою Моя благодать и сила“, уповаем, яко и с сею иконою благодать Твоя выну; темже благоговейно предстояще лобызаем, поклоняемся ю яко Тебе Самей сущей, честь бо иконы на первообразное восходит, и Твоя благодать сею иконою знамения и чудеса содевает всем, с верою притекающим к Тебе и вопиющим Богу: Аллилуйя.

Что это? Это поучение об иконопочитании, обращенное не к маловерным людям, а к Божией Матери. В этом тексте — искусственность и фальшь, немислимые в молитве. Верно, что вопреки всякой такой «поэзии» благодать Божия действует в сердцах молящихся. Но я-то, Божией милостью священник, могу ли я по совести так на этом и утешиться, успокоиться?..

И потом — всему свое время. Одно дело — акафист для любителей по вечерам после уставной службы. Но совсем другое дело, когда акафист, какое-нибудь бездарное сочинение барона Нольде, вторгается в середину воскресной всенощной. У нас есть соборные храмы, где акафисты непременно включаются в чин всенощного бдения под каждый день воскресный, под каждый двенадесятый праздник, даже под Рождество Христово, даже под Троицын день, даже при выносе плащаницы, даже в дни святой Пасхи, даже при поминовении усопших. Эта акафистомания совсем не духоносна, просто это люди, как говорится, совершенно сбились с панталыку — невежественные, церковно-некультурные люди. Как будто на всенощной или в службах Страстей, Пасхи, поминовения усопших мало воистину благодатных моментов, которые надо бы только не портить, только хорошо исполнять... Но некому нас урезонить, усювестить; и никому до этого дела нет...»

«С каким воодушевлением этот народ поет акафист»... А я сказал бы: горланит акафист. В свое время будущий отступник протоиерей Осипов хвастал, что это он привез из Эстонии такой обычай и этот нудный напев... Есть священники, которые распевают акафисты в состоянии некоей блаженной простоты. И есть священники, которые испытывают отвращение к акафистам, но участвуют в них «из уважения к народу» — лицемерно. Интеллигентный мирянин может не посещать

акафистов; может не посещать и всенощных, когда они испорчены акафистом. Но интеллигентный священник принужден будет лицемерить... В других условиях мы объявили бы «забастовку священников» — просто решительно отказались бы от участия в акафистах или в чине Погребения Божией Матери (об этом — потом, ниже). Но что предложили бы мы народу взамен акафиста, скажем, вечером в воскресенье? Не повечерие же и полунощницу... Заменить акафист могла бы торжественная вечеря с антифонно-народным пением, с хорошим учительным чтением — что-нибудь вроде «песенной вечерни» христианской древности.

Пока же высшая церковная власть должна бы изгнать акафисты хотя бы из воскресных и праздничных всенощных. Тут и народ ни при чем, это завели глупые служители, а народ был бы только рад такому вмешательству.

48

«Брат в церковь почти никогда не ходил», — вспоминала сестра Владимира Сергеевича Соловьева. И так же поступают сегодня многие верующие соотечественники великого христианина. Наши «переполненные храмы» в городах — это особенные любители, церковники, «празднолюбцы», как выражаются стихиры, это ничтожная часть верующего населения. Остальные «не ходят»... Почему? Только ли потому, что «стесняются»? Эта причина может иметь место в провинциях. Но вот — Москва с ее четырьмя десятками храмов: здесь

я лично знаю многих христиан, которые в церковь «почти никогда не ходят».

Если бы Владимира Соловьева пригласили говорить проповеди или читать популярные лекции в храме — он, я думаю, туда бы ходил. Мирянину у нас *нечего делать* в церковном Богослужении; он должен только слушать и молиться, во всем остальном *без него обойдутся*... Что же слушать и как молиться? Воображаю себе нашего мирянина в храме. Вот он в субботний вечер пришел ко всеобщей. Умилился, молится. Но вдруг на клиросе заорали и завизжали какую-то незнакомую композицию: очень досадно, зачем они это?.. Или начинается нудное «вычитывание» псалмов, канона. И вот он томится, переминается с ноги на ногу, скучает, размышляет о постороннем; уж не пойти ли домой? Русское церковное Богослужение представляет собою для современного посетителя унылую пустыню плохого чтения и плохого пения с редкими благодатными оазисами молитвы. Хорошо, если из детских впечатлений, когда нас принудительно приучали к церковности, мы успели *полюбить* эти задушевные моменты — и теперь *дождемся* их за общей «службой». Если же нет — наш посетитель уйдет из храма без охоты когда-либо возвратиться. Вот почему многие из нас «не ходят» в храм; нас *не привлекает* русское церковное Богослужение.

...Но вот — случай, когда те, кто «не ходят», появляются в храме. Это — так называемая «треба», живая, насущная потребность: они пришли окрестить ребенка, похоронить родственника или друга... Вот — случай, когда для нас, служителей храма, возникает долг

и возможность, возможность в легкодоступной «малой форме» *ответить* этим редким посетителям храма *красотой обряда*, явить им славу Христианства. Больно вспомнить... С первых же дней священства я столкнулся с удивительным *общим* взглядом русского духовенства на «требы» как на какой-то нарочито пониженный и неряшливый вид церковного Богослужения. Считается, что «требы» нужно служить походя, с разговорами в небрежной манере, нередко в грязных ризах. Считается, что «требы» нужно *петь плохо*, как придется, и вовсе не беда, если священник служит тут *без певцов*, говоря, например: «Мир всем» и сам себе отвечая: «И духови твоему»... Это, так сказать, литургическое выражение поповской жадности настолько в порядке вещей, что священник, который пригласил бы певцов на «требы» за свои деньги, возбудил бы среди собратьев подозрения и насмешки. В богатых городских храмах, где несколько священников, «требы» совершаются иногда особенно гадко, по особенному дьявольскому чину, когда священники *одновременно* служат молебен и панихиду, и крестят младенцев, и отпевают покойника, образуя кощунственное смешение звуков и впечатлений.

«Холодные сапожники». Это выражение употребил однажды мой бывший гражданский шеф, насмехаясь над бухгалтерами, которые не уважают своей профессии. Это выражение вспомнил я, когда стал священником и увидел, как действуем мы на так называемых «требах». Живо ощутил я, что мне стало бы *стыдно* показаться моим «мирским» родным и знакомым в этой подчас чуть ли не антирелигиозной дея-

тельности духовенства... До смерти не забуду случай, когда я дежурил в кладбищенском храме и принесли хоронить учительницу. Принесли товарищи; гроб поставили сначала у церкви и долго совещались. Потом решились — внесли ее в храм, уплатили в свечной ящик деньги. Это была удивительная покойница: она скончалась с улыбкой — и продолжала улыбаться в гробу... И надо же было — на грех отлучился у меня в это самое время слепой бас, которого я приспособил для пения, который умел составить хорик из любых трех голосов. И пришлось мне в присутствии столь важных, столь дорогих гостей совершать плохое, недостойное отпевание... В тот вечер я записал в дневнике, что вот работал ты бухгалтером — и Церковь от того не страдала; а стал служить священником — и приносишь вред Церкви.

Увы! И впоследствии меня не раз посещало верное соображение, что антицерковная традиция *насмешливого* отношения к «попу» возникла отчасти из нашей *церковной* традиции плохого, недостойного совершения «треб», в котором священник выглядит как человек, сам не уважающий своего служения.

49

Холодные сапожники. Свердловск, 1946. Знакомая семья. Старушка-мать рассказывает о сыне — Николае Ивановиче. Он в церковь давно уже не ходил, и она не знала — верующий ли он человек. Но вот война, попал он на фронт — и писал оттуда примерно так: мама,

очень опасно, не знаю, жив ли буду через час. Прости, если я в чем огорчил тебя. Не забывай «Московскую» остановку!.. Это была остановка трамвая у Церкви, он стеснялся писать: *помолись за меня!*

Кончилась война, и Николай Иванович вернулся домой невредим. Мать говорит ему: ну, теперь поедем, Коля, на «Московскую» остановку? Да, да, конечно, поедем. В храме она заказала благодарственный молебен. Дождалась конца обедни и протолкалась вперед... Боже, что тут поднялось! Священник служил молебен спиной к алтарю, давая одновременно крест; по углам «церковницы» читали одновременно три акафиста; слева другой священник одновременно служил панихиду; справа вопили младенцы — это третий священник начинал крестить их... «Пойдем, мама, отсюда», — сказал Николай Иванович.

Больше он в храм опять не ходил. Я познакомился с ним: хороший, молчаливый человек. Глубоко верующий человек: Бог говорил с ним в военной грозе... Смастерил себе собственную философию — Бог, мол, везде — и в церковь не ходит.

А я ведь знаю, что в этом храме — три совершенно отдельных помещения: основной храм и по бокам в полуподвалах еще два помещения, так что во времена раскола здесь служили одновременно три «деноминации», не мешая друг другу. Эти боковые помещения заняты под церковный склад, а в храме устроено столь печальное безобразие.

Холодные сапожники. Ленинград, 1953. Зашел днем в храм на Охтинском кладбище. Пусто, дежурит «церковница». Вскоре принесли покойника. «Церковница» берет простую скамейку, ставит ее *поперек* церкви и говорит: «Ну, кладите же!» Мужчины послушно (видно, редко бывают в храме) стали поворачивать гроб также поперек церкви, вдоль скамейки. Но «церковница», лучше же сказать, просто тетка, указывает им ставить гроб наперевес, поперек скамейки:

(В рукописи рисунок гроба поперек скамейки.)

Гроб покачивается, а тетка говорит: «Ничего! Куда он денется. А то вдруг еще принесут: мы рядом их и положим!»

Из алтаря бодро пробежал священник с кадилом, поспешая «служить на могилах». Видимо, балансирующие покойники здесь уже традиция. Ожидать, когда еще принесут, я не стал: страшно было подумать, какое *отпевание* устроят они со своей теткой.

Холодные сапожники. Ленинград, 1953. Я прикомандирован к лютеранскому пастору «показывать ему Православие». Это европейски образованный, солидный, глубоко верующий христианин. Я вижу, как привлекает его благочестие нашего народа, сердечная теплота нашего церковного Богослужения. Трогательно видеть,

как он по собственному почину покупает и ставит свечечку... Мы обмениваемся впечатлениями. «У них», оказывается, все построено на проповеди. Крещение — речь, венчание — речь, похороны — речь; и «дыханием собственной груди» должен оживлять священник общую молитву. А если не дал ему Бог дара слова, или нет сегодня у него «настроения»? У нас же — сойдемся трое мало-мальских певцов, скажу я: «Благословен Бог наш», — и заговорит тысячелетний обряд, в сравнении с которым любая «речь» покажется бедной. Но не умеем мы пользоваться неоцененным нашим богатством, и это сознание было особенно грустно, когда я показывал и сам видел мою Церковь со стороны.

В кафедральном соборе после пышной архиерейской службы пастор пожелал увидеть «православное Крещение». Последовало замешательство; я понимал его причину.

Мы увидели кошмар, обычный у нас при массовом Крещении. В храме стоял многоголосый плач примерно полусотни младенцев; и в этом невообразимом шуме, в толпе растерянных восприимчивых ходил измученный священник, бормоча священные слова, которых никто не слышал, и совершая священнодействия, которых никто не понимал... Новостью для меня здесь был самый способ Крещения, которое совершалось здесь особенно непристойно: священник перекувыркивал младенца вверх пятками и в этом перекувырнутом вертикальном положении чиркал его головкой об воду... Так остроумно исполнялось здесь многократное и настойчивое требование церковного начальства «не обливать» при Крещении.

Когда кончилось, наконец, дикое зрелище, мой пастор молчал... Видимо, ему было стыдно за нас. Помню смущенный, вороватый вид священников, пойманных на месте преступления этой ревизией благоговейного иностранца. Все священники в соборе — с высшим церковным образованием, и страшно было, как могли они так опуститься?.. В соборе можно прекрасно оборудовать отдельный *баптистерий* и, не ожидая скопления младенцев, крестить их там по одному, по два, по три с разумным сокращением чина, вполне благолепно. Да можно было бы и массовое Крещение с любовью сделать замечательным церковным торжеством. Вот уж здесь-то ведь дана нам, кажется, полная возможность устраивать церковную жизнь; а *мы безобразничаем*.

52

«...Я живу рядом с Никольским собором, люблю этот храм и часто бываю в нем; и постоянно вижу такое безобразие, что в одном углу отпевают, в другом молебен служат, в третьем крестят, в четвертом молитву дают (сорокадневную). И что же Вы думаете — одобряют ли это присутствующие в храме верующие? Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь похвалил за это батюшек, — мол, вот хорошо делают, стараются обслужить и духовно удовлетворить всех желающих. Ничего подобного. Зато не раз слышал реплики о том, что духовенство старается «зашибить» побольше денег, не упустить от себя ни одного рубля. А однажды

я наблюдал, как, глядя на описанную картину современного многогласия, двое смеялись, и один другому говорил — „попы-то работают, как многостаночники“. Больно мне это было слушать...»

Из письма, 1956

Ленинград, 1970. Собор Александро-Невской лавры. Здесь лучший в городе хор, лучшие напевы и вообще, кажется, едва ли не лучшая постановка церковного Богослужения. И вот — даже здесь я вижу, как во время литургии молодой батюшка служит молебен. Он служит шепотом, стараясь не помешать никому и вместе с тем угодить «заказчику» — глупой суеверной старухе, для которой ее молебен поважней литургии. Разве не могла бы она подождать? Зачем он так унижает себя, литургию?.. Опять я вижу этот шаромыжный дьявольский чин. Эта мерзость неистребима.

53

Чин святого Крещения. В первоначальном, простейшем виде он описан в главе VIII книги Деяний святых апостолов:

«...Между тем, продолжая путь, они приехали к воде и евнух сказал: вот, вода; что препятствует мне *креститься*? Филипп сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: *верую, что Иисус Христос есть Сын Божий*. И приказал остановить колесницу; и сошли оба в воду, Филипп и евнух; и *крестил его*».

Сравнивая с этим чин Крещения в нашем Требнике, мы видим удивительную, удивительную его *перегруженность* молитвословиями и священнодействиями. Неважно, как исторически это получилось; но очень важно, что сегодня нам во многом мешает этот исторический груз... Очень проблематична символика дуновений: как будто священник «выдувает» из человека нечистого духа. Филипп этого не делал — и нам бы делать не нужно. Проблематичны и многословные «запрещения», адресованные самому Дьяволу.

«Отъиди в свой тартар, даже до уготованного дне суднаго. Убойся Бога»... «Отступи, познай твою суетную силу, ниже на свиниях власть имущую»... Зачем эта сомнительная риторика? Надо бы лучше сосредоточить все внимание на отречении человека от сатаны:

Отрицаеши ли ся сатаны
и всех дел его,
и всех аггел его,
и всего служения его,
и всея гордыни его?

«Отвещает оглашенный, или восприемник его, аще есть крещаемый варвар (чужеземец), или отроча (ребенок), и глаголет: *отрицаюся*». Это повторяется трижды. Но Требник как будто не верит столь торжественному отречению и заставляет повторять его снова трижды уже в прошедшем времени: «*отрекохся*». И это новое повторение не увеличивает, а снижает торжественность отречения. «И дуни, и плюни на него»... А это сегодня смешно. «Сочетавание Христу», еще более обесценивается от многословия: оно повторяется в общей

сложности *четырнадцать раз*. Символ веры, полный его текст, читается не один раз, а *три раза*. Зачем? Как будто авторы чина видели какую-то магическую силу в этих бессмысленных повторениях.

Филипп не освящал воду; у нас это — специальное священнодействие при каждом Крещении по чину Великого Освящения вод в праздник Богоявления. Потом следует странная молитва — чтобы не спрятался в святой воде демон темный и не сошел бы туда с крещаемым дух нечистый... Не нужно бы этой молитвы. Далее следует молитва на освящение масла и помазание маслом членов тела крещаемого. Зачем это отвлекающее помазание? После Крещения «умывает священник руце, поя с людьми псалом тридесять первый». Псалом этот в большей части церковно-славянского текста совершенно непонятен; но «*глаголется весь, трижды*»... По Требнику крещеного младенца приносят через семь дней для омовения. По этому случаю читаются еще две молитвы. Потом читаются две молитвы «на пострижение власов» — ненужные молитвы, ненужное пострижение. Одна великая и две сугубые ектении с поминовением императора и синода...

В целом виде, как он напечатан в Требнике, чин Крещения сегодня нигде, решительно нигде не исполняется. Сокращения же его по личному разумению служителей, как правило, недостаточны и далеко не всегда удачны. Вот насущно необходимая творческая задача литургических экспериментов и дискуссий. Чин святого Крещения должен быть разумно сокращен и переработан в двух вариантах: *Крещение младенцев* (с идеей буду-

щего доброго христианского воспитания) и *Крещение взрослых* (с идеей духовного возрождения к новой, истинно христианской жизни). Внутри этих двух вариаций — еще разделение типов Крещения: торжественное, «*песенное*» Крещение в храме или в баптистерии и Крещение вне храма в стиле апостольской *простоты*. В Третьяке предусмотрено Крещение первого типа — с кадиллом, с диаконом и хором, с торжественной процессией по кругу. Когда нет этих возможностей — не надо бы священнику говорить ектению и самому себе отвечать собственным пением, изображать в какой-нибудь комнатухе процессию вокруг какого-нибудь тазика или кастрюли... Зачем? Можно выработать особый чин «домашнего» Крещения — и он, лишенный церковной музыки и обстановки, должен быть составлен особенно разумительно. Да и во всех четырех видах Крещения непременно должно быть в каждом свое чтение Писания по-русски и в каждом свое краткое *огласительное слово*... Все это нужно именно сегодня — и ничего в этом направлении еще не делается.

54

Боимся *церковного* творчества — и угождаем всякому новаторству на путях суеверий.

Откуда-то взялся обычай — закатывать волосы младенца в воск и бросать в купель. Первоначальный смысл пострижения в блаженное подданство Христу утрачен; молитвословия «на пострижение власов» — совершен-

но невразумительны; а вот это — наглядно, понятно: не потонут волосы, значит — будет жить ребенок. И все наклоняются к купели с живейшим интересом... Это гадание над плавающими волосами стало у нас прямо-таки неперменной частью чина Крещения, и мы никак не отважимся запретить его.

Самый верный способ ликвидировать это гадание — ликвидировать это никому не нужное пострижение.

В провинциях в чин Крещения включается иногда («по просьбе верующих», в которой «нельзя отказать» — конечно, за особую плату) *молитва святых семи отроков*, проспавших в вертепе 372 (так!) года, из II части Требника. Крестили ребенка, чтоб был здоров; теперь надо прочесть и эту молитву, чтоб спал — не кричал... Священник постоянно встречается с несовершенным восприятием Крещения со стороны главным образом законнически-бытовой и врачебно-чудотворной. Здесь разные степени и оттенки; предел их я сам сподобился видеть однажды, когда после Крещения спросил — не нужно ли матери взять сорокадневную молитву: оказалось, что нужно бы, да нельзя, потому что сама-то она — некрещеная; ради такой необходимости согласилась креститься.

Суеверия стали бы исчезать, если бы каждое Крещение ребенка было вместе с *оглашением* для его родителей, восприемников, всех присутствующих. «О еже просветитися нам Просвещением разума и благочестия, наитием Святаго Духа»... Но нет — вместо просвещения эти люди с ребенком, пришедшие в храм один раз за многие годы, именно в храм-то и получают уроки

суеверий. Здесь и учатся они гаданию на плавающих волосах... А если бы родители пожелали все-таки что-то понять, поприсутствовать при Крещении своего ребенка — их выгонят церковные старухи как «нечистых». Так и уйдут они без всякого просвещения — с впечатлениями только от суеверий, да еще от платежей в церковную кассу... А этот что-то непонятное говорящий и делающий, дующий на ребенка священник и в самом деле похож на волшебника.

55

Объявлена циркулярная война против так называемого «обливательного» способа Крещения. Священники, его практикующие, находятся под постоянным страхом церковных наказаний. Вот вопрос, в котором иерархия проявляет некоторую активность — и оказывается неправой.

Как же крестить? Осталось уже очень мало священников, которые умеют совершать так называемое «полное погружение» младенца в купели. И мало признать, что такое Крещение оставляет всегда отвратительное впечатление. Юного наследника Царства Божия священник грубо хватает ладонью за личико... Все вокруг поглощены состраданием к ребенку и страхом — как бы не утопил его священник. Если младенец и в самом деле задохнется — опытные ревнители «погружательного» Крещения советуют:

— Ничего страшного! Вы поверните его головкой вниз, хлопните ладонью по попочке — и он закричит...

Если ребенок вырос уже из первых месяцев младенчества, он закричит, барахтается и из последних силенок сопротивляется священнику, который вступает с ним в *борьбу*, стремясь непременно *утопить* его с головкой в купели. Как все это недостойно, унижительно, оскорбительно для Таинства, для младенца, для священника.

И вот, однако же, совершенно безапелляционно считается, что только такое «полное погружение» при Крещении единственно «православно».

Несведущие люди указывают, что само греческое слово «Баптизма» (Крещение) означает собственно погружение, и что поэтому никаких разговоров здесь и быть не может: *крестить* — для нас это будто бы и значит *погружать*... Но это *неверно*. Словари дают за «Баптизма» значение не только *погружения*, но также и *омовения*, как это видно и из священного текста Евангелий:

Мр. VII, 4: И от торжища, аще не покуплются, не ядят. И ина много суть, яже прияша держати: *погружения* сткляницам и чваном и котлом и одром.

Мр. VII, 8: Оставльше бо заповедь Божию, держите предания человеческая, крещения чваном и сткляницам...

И (пришедши) с торго, не едят не *омывшись*. Есть и многое другое, чего они приняли держаться: наблюдать *омовение** чаш, кружек, котлов и скамей.

Ибо вы, оставив заповедь Божию, держитесь предания человеческого, *омовения** кружек и чаш...

* В греческом тексте производные от βαπτίζω — погружать, окуна́ть. (Древнегреческо-русский словарь, под ред. С. И. Соболевского. М., 1958.)

Лк. XI, 38: Фарисей же видев дивися, яко не прежде крестися прежде обеда.

Фарисей же удивился, увидев, что он не *умыл* рук перед обедом.

Несведущие люди указывают далее на постановление древнего собора, запрещающее давать священный сан «*клиникам*» — крещеным на одре болезни. Естественно, их крестили без погружения; следовательно, говорят несведущие люди, древняя Церковь считала Крещение без погружения неполноценным... Но и это *неверно*. Соборное постановление говорит о «неполноценности» не Таинства, а *человека*, оттянувшего свое Крещение до смертного страха:

«Аще кто в болезни просвещен Крещением, то не может быти произведен во пресвитера: *ибо вера его не от произволения, но от нужды*. Разве токмо ради после открывшиися добродетели и веры, и ради скудости в людях достойных.

(*Неокесарийского собора.*
Правило 12)

А какова преемственная практика, каково «предание» о Крещении? Было ли «полное погружение» младенцев при Крещении принято нами от Греческой церкви? Оказывается, что нет — не было такого предания. Вот что писал об этом корифей русской церковной истории проф. Е. Голубинский:

«...Указывали еще до-Никоновские русские, а за ними указывали и старообрядцы, будто греки заимствовали от латын обливание в таинстве Крещения.

Но это есть недоразумение: греки не заимствовали от латынян обливания, а при крещении младенцев употребляли и до сих пор употребляют такое погружение, которое может быть смешиваемо с латинским обливанием и принимаемо за последнее. Греки всегда твердо учили, как и до сих пор учат, что крещение должно быть совершаемо через погружение... Но через настоящее или полное погружение они крестили и крестят только взрослых, что же касается до младенцев, то в виду опасности утопления или, как выражаются наши славянские служебники, залития, они большей частью крестили, как и до сих пор крестят их чрез погружение неполное или не совсем настоящее: младенец поставляется в купели, погруженный в воду по шею, а на голову его священник трижды возливает воду горстью правой руки... В прениях с Арсением Сухановым греки говорили последнему о своем крещении: *„Мы в крещении обливаемся, а не погружаемся в купели, тако мы изначала прияли и держим, это у нас и именуется погружение, что трижды на крещаемого святитель руку возводит и низводит, егда воду лиет на него“*... И у нас в России это крещение детей чрез неполное погружение было более или менее распространено с древнего и до позднейшего времени»...

*(«К нашей полемике со старообрядцами»,
М., 1905 . С. 129 и сл.)*

Итак, «полное погружение» младенцев при Крещении — это не Предание, не священная древность,

а русское старообрядческое изуверство, возмнившее стать «православнее» древней Церкви. Это примерно то же самое, как еще не очень давно считалось у нас «лучше» крестить детей не в теплой, а в ледяной воде... Нет, не будем суеверны — подогреем воду и будем крестить ребят по древнему чину, ласково, благолепно.

56

Крещение взрослых становится все более актуальной проблемой. В древней Церкви Крещение взрослых было правилом; у нас оно выглядит исключением. Нередко крещаемый взрослый воспринимает Таинство по-детски — как обряд, который упустили совершить над ним в детстве, и только. У нас нет подготовительного периода «оглашения» взрослых, и то, что называется «оглашением» в чине Крещения, не бывает таковым в действительности. Есть тревожные признаки, что Крещение взрослых бывает не связано с духовным возрождением человека, с его *покаянием* — с изменением душевной жизни и практического поведения. Бывают случаи и Крещения просто суеверного — чтобы замуж выйти или поправить другие житейские обстоятельства... Вместе с другими причинами, несомненно, здесь имеет значение и недостаточно ясное литургическое содержание Таинства, в частности, отсутствие *огласительного слова* в чине Крещения.

Вот где надо бы «*полное погружение*» — великолепный символ обновления, о чем писал апостол Павел в главе 6 послания к Римлянам. Надо бы устроить круглые баптистерии-бассейны или совершать Крещение на реке... Сразу же встал бы вопрос о чувстве стыда от полного обнажения перед священником и другими присутствующими. Можно бы учредить на этот случай особые холщовые хитоны. Можно бы восстановить древнюю должность диакониссы... Пока же нет этих возможностей — надо откровенно пойти на приличное «обливание», как это давно уже сделали братья-католики. Но напрасно некоторые неумные батюшки устраивают Крещение в тазике и требуют при этом полного раздевания мужчин и женщин... Архиереи должны бы запретить это унижение Таинства и человека.

57

*Трижды человек в жизни дивен бывает:
родится, женится и умирает.*

В. Даль. Пословицы русского народа

Церковное Венчание стало уже редкостью, суждения об этом чине, что называется, не актуальны. Но есть один момент, который, мне кажется, должен быть принят во внимание уже и сегодня. В Требнике митрополита Петра Могилы есть заимствованное у католиков «*обещание*», которое произносят, повторяя за священником:

ЖЕНИХ:

Я, имя-рек,
Беру тебя, имя-рек,
как законную супругу,
и обещаю тебе
любовь,
верность,
супружеское уважение
и не оставлю тебя до смерти.
В этом да поможет мне
Триединый Бог
и все святые Его.

НЕВЕСТА:

Я, имя-рек,
Беру тебя, имя-рек,
как законного супруга,
и обещаю тебе
любовь,
верность,
супружеское послушание
и не оставлю тебя до смерти.
В этом да поможет мне
Триединый Бог
и все святые Его.

Помню отзывы, когда я служил этим чином: «*крепко венчает*»... Помню всеобщее взволнованное внимание, напряженную тишину в храме, когда новобрачные повторяют за священником, строка за строкой, эти торжественные обеты. Конечно, на всю жизнь они не забудут

радостных слов, произнесенных в церкви ими самими. Вот пример, мне кажется, полезного заимствования у католичества. А то у нас в Требнике какая-то недосказанность «*Не обещался ли еси иной невесте?*» — спрашиваем мы в нашем чине Венчания. А что же обещаем этой невесте?.. Говорим о «брачных обетах», а в церкви их не произносим.

Все это хорошо; ну а если, не приведи Бог, неудача, крушение, *развод*? Что ж, тогда и разойтись надо *церковно*, прилично, мирно, с уважением друг к другу. Должен быть *церковный обряд* развода, взаимного разрешения брачных обетов, горячей молитвы об исправлении сломанной жизни... Церковь должна во всем нам помочь, обо всем помолиться, все упорядочить в нашем существовании — все, кроме зла и неправды.

58

*Женщина, когда рождает, терпит скорбь,
потому что пришел час ее; но когда родит
младенца, то уже не помнит скорби — от
радости, потому что родился человек в мир.*

По Иоанну, гл. 16.

Мы не слышим этой *радости* в молитвах о матери по нашем Требнику. Напротив, священника поражает странная близость, некая принципиальная одинаковость текстов молитв по случаю *рождения* ребенка и по случаю «*убийства*» ребенка (аборта);

Рождение

...Сам и сию рабу Твою, днесь родившую сие отроча, помилуй и прости вольная и невольная ея прегрешения: и сохрани ю от всякого диавольскаго мучительства...

Призри с небесе, и виждь немощ нас, осужденных, и прости рабе Твоей сей, имя-рек, и всему дому в немже родися отроча, и прикоснувшимся ей и zde обретающимся всем...

Рождение выглядит столь же печально и столь же *греховно*, как и «убийство»... По-видимому, здесь отразились недостойные воззрения авторов на святыню материнства.

Давно, давно уже надо бы пересоставить заново молитвы по случаю рождения ребенка в духе евангельских слов Христовых. И давно, давно уже надо бы освятить церковной молитвой все время беременности. Христос говорил о Своей Голгофе: «Час Мой»; и это же слово Он произнес о болях рождения «*час ее*»... О скорбях беременности и материнства, об этой наибольшей степени человеческой незащищенности думал Христос, когда говорил: «*Горе же беременным и кормящим грудью в те*

Аборт

...Сам рабу Твою сию днесь сущу во гресех, во убийство впадшую волею, или неволею, и зачатое в ней извергшую, помилуй по велицей Твоей милости: и прости ея вольная и невольная прегрешения: и сохрани от всякаго диавольскаго кознодействия...

...Призри с небесе, и виждь немощ нас, осужденных, и прости рабе Твоей сей, имя-рек, сущей во гресех, убийству впадшей, волею или неволею, и в ней зачатое извергшей. И всех обращающихся, и прикоснувшихся ей...

дни»... (по Матфею, гл. 24). А мы — почему мы не вспоминаем, не напоминаем о беременных и кормящих грудью в молитвах Требника, в ектениях, в святой Евхаристии?

Вопрос связан с грандиозной темой об отношении Христианства к «земле» — ко всему житейскому, к полу... Об этом много писал В. В. Розанов. Помнится одна литургическая частность: кто-то из его корреспондентов писал, что наше «о плодоносящих» на сугубой ектении многие в народе понимают как молитву о беременных. Интересно, что такое же толкование мне привелось случайно услышать и в наши дни. Приходится разъяснять, что нет — это анахронизм, молитва о приносящих плоды земледелия и садоводства... А молитвы о матерях и младенцах — нет. Тут какой-то давнишний недосмотр, великая литургическая ошибка.

59

Один выдающийся священник однажды высказал мнение, что следовало бы установить *разные чины Погребения*: один — для тех умерших, которые были постоянными посетителями храма, участвовали в литургической жизни Церкви; другой — для тех, кто был когда-то крещен, но в храм «не ходил», чье принесли только тело... Я думаю, что священник в данном случае совершенно не прав. Кто поставил нас так *судить*? При всем уважении к постоянным посетителям храма — нужно признать факт, что многие из нас в своей практической жизни бывают несколько не более христиане, чем те,

кто «не ходит». Обычно — это «мужики» (мужчины), о которых родные говорят, что он хоть и «не ходит», но святыню «предпочитает» (почитает) и религию в общем-то «не опровергает» (не опровергает)... Это — очень важная, но уже не литургическая тема.

Увы! Есть другая дифференциация чинов Погребения. В том же самом храме на Охте, где я видел некогда балансирующий гроб на скамейке (Заметка 50), недавно отпевали моего покойного друга. Вдова приняла меры — и все получилось, по отзывам, довольно прилично. Отпевание было не «коллективное», гроб положили на драпированный стол, был парчовый покров, стояли светильники, пел хор... Все это было устроено за специальные дорогие доплаты. А не хочешь доплачивать — так будь готов к церковному унижению, к какому-нибудь издевательскому «отпетию», как выражаются холодные сапожники. И мы уже так привыкли к этой коммерческой дифференциации, что и вообразить не умеем — когда же наконец она прекратится.

60

...Она подумала: «Как жаль все-таки, что его не отпевают по-церковному! Погребальный обряд так величав и торжествен. Большинство покойников недостойны его...»

В этой цитате из романа Б. Пастернака имеется в виду прилично совершаемый чин Погребения. Когда в одном

храме устроили для всех хороший траурный катафалк со ступенями, то старушки говорили: «Господи, да неужели и нас будут отпевать так?!»...Это как бы чествование усопшего в приличном чине Погребения есть почитание тайны — тайны неповторимой судьбы человека, всякого человека, всей тайны жизни и смерти.

И в текстах чина Погребения есть этот мотив чествования. Он идет из глубокой христианской древности — из молитвенных собраний на могилах мучеников. Псалом 90: «Живый в помощи Вышняго в крове Бога Небеснаго водворится»... Псалом 118: «Блажени непорочнии в путь, ходящии в законе Господни» (искаженный перевод; по-русски с еврейского: Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем). Все это — чествование праведника. То же — в изумительных тропарях:

Святых лик обрете Источник жизни
и дверь райскую.

Да обрящу и аз путь покаянием,
погибшее овча аз есмь.

Воззови мя, Спасе,
и спаси ся.

Агнца Божия проповедаваше
и заклани бывше якоже агнцы,
и к жизни нестареемой, святии,
и приносящей преставльшися,
Того, прилежно, мученицы, молити
долгов разрешение нам даровати.

В путь узкий хождшии прискорбный,
вси в житии крест яко ярем взявшии

и Мне последовавший верою,
приидите, насладитесь,
ихже уготовал вам почестей
и венцев небесных.

Здесь две темы: прославление праведных и наши молитвы о праведных, о *себе самих*... Но где же молитва о том, кого отпевают? Ее нет, и это так необычно, что мы непроизвольно молимся словами тропарей от его лица и от лица всего грешного человечества:

Образ есмь неизреченныя Твоя славы,
аще и язвы ношу прегрешений.
Ущедри Твое создание, Владыко,
и очисти Твоим милосердием,
и вожделенное Отечество подаждь ми,
рая паки жителя мя сотворяя.

И только в последнем тропаре появляется наконец «персональная» молитва о нашем дорогом усопшем:

Упокой, Боже, раба Твоего
и учини его в раи,
идеже лица (хоры) святых, Господи,
и праведницы сияют яко светила
(светильники).
Усопшаго раба Твоего упокой,
презирая его вся согрешения.

Четвертая тема — *назидание* нам, присутствующим при отпевании. Назидание в сочетании с молитвой:

Кая житейская сладость
пребывает печали не причастна?

Кая ли слава стоит на земли непреложна?
Вся сений немощнейша (тени слабее),
вся соний прелестнейша (обманчивей сна);
едином мгновением и вся сия смерть
приемлет.

Но во свете, Христе, Лица Твоего
и в наслаждении Твоя красоты
егоже избрал еси
упокой, яко Человеколюбец.
Ныне житейское лукавое
разрушается торжество суеты,
дух убо оскуде от селения (лишился обитания),
брение очернися (прах почернел),
сосуд раздрася (сосуд разбился): —
безгласен, нечувствен,
мертвен, недвижим,
егоже посылающе гробу,
Господу помолимся,
дати сему во веки упокоение.

Этот мотив назидания, поучения присутствующим
занимает много места в чине Погребения. В одной из
стихир «на последнее целование» речь ведется от лица
самого усопшего:

Зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща,
восплачите о мне, братие и друзи...

И далее — о внезапности смерти, о равенстве всех
на Суде, где только от дел своих каждый прославится
или постыдится. И мольба, мольба о молитвах... Этот
прием — речь от лица усопшего — более развит в чинах

Погребения священников и монахов, откуда и переложил это в русских стихах А. К. Толстой в поэме «Иоанн Дамаскин»:

...
Спасайтесь, сродники и чада,
Из гроба к вам взываю я —
Спасайтесь, братья и друзья,
Да не узрите пламень ада.

...
Иду в неизвестный я путь,
Иду меж страха и надежды;
Мой взор угас, остыла грудь,
Не внемлет слух, сомкнуты вежды;
Лежу безгласен, недвижим,
Не слышу братского рыданья,
И от кадила синий дым
Не мне струит благоуханье;
Но вечным сном пока я сплю,
Моя любовь не умирает;
И ею, братья, вас молю,
Да каждый к Господу зовет:
Господь! В тот день, когда труба
Вострубит мира преставленья —
Прими усопшего раба
В Твои блаженные селенья!

Но разве перепишешь все драгоценные тексты? Насколько *богаче* они прославленного «День гнева» католического Средневековья... И — «эх, не на те бы слова» написана гениальная музыка.

И тут же должно признать, что как и все наше (греческое) церковное Богослужение, чин Погребения *перегружен* словами. Если совершить отпевание во всем по Требнику — оно продлилось бы часа два. Это слишком долго не потому, что мы ленимся, а потому, что непосильно для внимания. Нужно уложиться в полчаса; мы это и делаем, но выбираем далеко не самое лучшее. Надо сократить ектении и каждения. Не надо бы совсем читать тропари канона, не надо бы и петь все ирмосы. Не надо бы читать «индальгенцию» (о ней — ниже). Зато надо бы подобрать несколько хороших стихов из псалма 118 — и читать их, петь же только припевы. Надо бы составить и читать хорошее *огласительное слово* от лица усопшаго — и не только с прошением о молитвах за него, но и с призывами проверить, исправить *нашу жизнь*, которой предстоит таинство смерти... Наконец, надо не «бросать» усопшего и родных, а «проводить» их, непременно устроить торжественный *вынос* гроба хотя бы до паперти храма под пение нашего потрясающего траурного «Святый Боже». Все это — вполне в наших возможностях, которые мы не осуществляем.

61

...Я часто читаю «Блаженны» над гробом. Таинство смерти. Участвуя в нем, я едва ли не всякий раз убеждаюсь, что человек *достоин любви*. Он был незаметен, как все, грешен, как все; но вот в этом очень маленьком круге родных и друзей открывалась тай-

ная красота души его, о которой никто кроме не знал. И когда кончилась жизнь — мы увидели вдруг, что он *заработал* себе вот эти искренние, благодарные слезы любви... Уж если мы так горячо «желаем» его — то кольми паче Бог! И вот, я читаю «Блаженны» над гробом и думаю: какое-то из этих «Блаженств», хотя бы только одно, хотя бы только отчасти, уж наверно исполнено в этой *оправданной жизни*, которую я не знал. А если знал — то с волнением догадываюсь об этом... На погребении «Блаженны» звучат как призывы и как утешения. Это не глухая стена невыполнимых заповедей, а «многия двери» Царства Небесного. По слову Златоуста, «Блаженны» — это золотая цепь добродетелей, в которой блаженно нам взяться хотя бы за одно только звено... «Блаженны *милостивые*, ибо они *помилованы будут*», — помилованы: значит, нуждаются в помиловании, значит, не святые, не сверхчеловеки. И они будут помилованы — не по нашим законническим расчетам, а «*по суду любящих Имя Твое, Аллилуйя!*»..

Из письма, 1961

Если даже и не всегда это именно так, все равно: очень важно, чтобы присутствующие слышали над гробом «Блаженны». Непременно читать их; но отнюдь *не надо* читать между ними тропари. Ибо они совершенно несоизмеримы с Евангелием, они просто недостойны идти так вперемежку со словами Самого Господа.

«МОЛИТВА РАЗРЕШИТЕЛЬНАЯ,
от иерея над преставльшимся чтомая

Господь наш Иисус Христос, Божественною Своею благодатию, даром же и властью, данной святым Его учеником и апостолом, во еже вязати и решити грехи человеков рек им: примите Духа Святаго, ихже отпустите грехи, отпустятся им: ихже удержите, удержатся: и елика аще свяжете и разрешите на земли, будут связана и разрешена на небеси, от оных же и на ны друг-друго-приимательно прешедшею, да сотворит чрез мене смиреннаго прощено и сие по духу чадо имя-рек от всех, елика яко человек согрешит Богу словом или делом, или мыслию, и всеми своими чувствы, волею или неволею, ведением или неведением. Аще же под клятвою или отлучением архиерейским или иерейским бысть, или аще клятву отца своего или матери своей наведе на ся, или своему проклятию подпаде, или клятву преступи, или иными некими грехми яко человек связася; но от всех вины и юзы да разрешит его (ю): елика же за немощь естества забвению предаде, и та вся да простит ему (ей), человеколюбия ради Своего, молитвами Пресвятыя и Препоблагословенныя Владычицы, нашея Богородицы и Приснодевы Марии, святых славных и всехвальных апостол, и всех святых, аминь».

Эту грамоту со вписанием туда имени усопшего священник громко читает над гробом, и затем, кто-нибудь

вкладывает ее в руку покойного. Так сказать, документ, пропускающий в Царство Небесное. Властью апостольского преемства дается отпущение всех грехов, разрешение всех клятв... Документ покупается в свечном ящике под именем «молитвы». Ведется бухгалтерский учет «молитв», приход, расход, т. е. продажа, остаток «молитв». Чем не индульгенция?

Вот ответ специалиста, 1959:

«...Относительно разрешительной молитвы. Древнейшей из известных в науке молитв об усопших является „Боже духов и всякия плоти...“ существовавшая уже в IV в. В средние же века, пожалуй, с XI-го и далее, появляется большое количество молитв об усопших, причем многие из них создавались на основе молитв из чина исповеди. Одной из причин этого было то, что в древности после исповеди духовник, как правило, налагал епитимию. Исповедник, выполнив епитимию, являлся к духовнику, докладывал об этом и духовник читал молитву на разрешение епитимии. В условиях широкого применения епитимии естественно возник вопрос: «А как же быть с теми людьми, на которых была наложена епитимия и которые скончались без ее разрешения?» Вот и создался обычай, по которому духовник приходил на погребение и читал молитву, разрешающую умершего от епитимии. Вот откуда наша разрешительная молитва. Такое ее значение видно из ее содержания. Она читается от лица духовника, в ней упоминаются грехи, за которые обычно налагалась епитимия — подпадение под проклятие и клятвопреступление, упоминаются и другие

грехи, в которых человек «с сокрушенным сердцем покаялся». Молитва охватывает и грехи человеческой немощи, которые мы забываем. Как видите, эта молитва не имеет значения разрешения грехов на исповеди, тем более индульгенции. Но так как ее стали читать и не духовники, то в Требнике была помещена эта молитва в сокращенном виде и под названием не «разрешительная», а «прощальная». Греки в настоящее время вернулись к древней практике и читают вместо нее «Боже духов и всякия плоти...». У нас это трудно сделать, можно вызвать ненужный ропот. Поэтому мне кажется, что лучше было бы читать прощальную молитву из Требника, а «разрешительную грамоту» читать и полагать в руки тому умершему, который исповедовался перед смертью, или если на его погребении присутствует духовник, в прошлом исповедовавший его, поскольку предсмертная исповедь часто не совершается не по вине умершего».

Интересно, что и в нынешнем тексте Требника есть следы того особого значения, которое имела в древности молитва «Боже духов и всякия плоти». Перед последним прощанием «глаголет первый от священников, или архиерей прилучився, молитву: БОЖЕ ДУХОВ... велегласно, *пришед близ умершаго*». Почему «пришед близ»? Это особое приближение к гробу напоминает о «прощальном» значении этой молитвы у греков, вернувшихся к древней практике.

Что же касается нашей «молитвы разрешительной», то ее, а лучше сокращенную «молитву прощальную»

из Требника мог бы читать *только лично духовник покойного*. А все остальное, что мы сегодня с этой «молитвой» выделяем, — от лукавого. *Священник лжет*, когда велегласно удостоверяет, что покойник, которого он при жизни в глаза не видел, будто бы «о всех сих сердцем сокрушенным покаялся»... Лучше какой угодно «ненужный ропот», чем такая *неправда* в церковном Богослужении.

63

«...Вы мечтаете о возрождении русской церковности. Но в ней немало явлений, глядя на которые думаешь: *а зачем бы этому и возродиться?* Несколькими годами тому назад я гостил в деревне и видел похоронную процессию. Не буду описывать ее в подробностях, которые вы и без меня знаете. Главное внимание привлекал приглашенный из города молодой священник. Он был в ризе, надетой на гражданское платье, и махал потухшим кадилом. Время от времени, довольно часто, родственники и соседи давали ему деньги, и он засовывал их себе под ризу в карман; тогда процессия останавливалась, и он ужасной скороговоркой служил панихиду. Зависимость действий священника от подаваемых ему денег была прямая и демонстративная. После я узнал, что священник с высшим церковным образованием. Вот занятие! Как-то без всякой пропаганды для всех было ясно, что в этом его «служении» нет никакой идейности (разве только «идея» накопить побольше

денег). На поминальном обеде сын покойного, приехавший тоже из города, так прямо и сказал священнику в лицо, впрочем, без всякой насмешки или обиды, что если бы папаша умер в городе, то там его похоронили бы с музыкой, а в деревне — так уж надо с попом... Священник слушал и думал что-то свое, вероятно, о горьком своем положении.

Теперь такие процессии и в деревне уже не совершаются, но церковная власть никогда не догадалась бы сама запретить это. Скажите спасибо, что ускоренно отмирание подобных явлений, и совсем не нужно бы им никогда возрождаться. Или взять вот это махание кадилом. Вы к этому привыкли, а новому человеку со стороны это кажется смешно и бессмысленно. Исторически это происходит, очевидно, из недостойного представления, что Божеству приятен душистый дым; ну, пусть это даже и останется у нас символом «благоухания духовного»; но зачем же это энергическое махание кадилом на каждую икону, на людей? Некоторые батюшки так привыкают к этому маханию, что всю службу (заупокойную) так непрерывно и двигают рукой с кадилом, как будто, извините, качают какой-то насос... Это мелочь, но из таких мелочей и состоит вся наша церковность. Или понаблюдайте за молодыми людьми, с каким насмешливым вниманием смотрят они, как «запрягают» архиерея и на прочие всякие финтифлюшки архиерейской службы. Это только внешность, не дух конечно, но она прямо выражает и внутреннее, духовное оскудение церковных людей...

Или так называемое «пастырство». Был в евангельские времена этот образ из пастушеского быта, который однажды, согласно Евангелию по Иоанну, применил к Себе Христос — «Пастырь Добрый». А теперь каждый священник называет себя «пастырем»; а нас, простых смертных, неловко ему называть овцами, так он называет нас «пасомыми». И это произносится совершенно серьезно! Когда подумаешь обо всем этом грузе нелепых обычаев и идейных заблуждений, которыми обременена церковность, то является и такое соображение: если суждено ей обновляться и возрождаться, то не лучше ли начинать это с нуля, с чистого пустого места? Пусть сначала отомрет то, чему не нужно бы никогда возрождаться. Однажды я держал в руках церковный календарь, изданный в Риге во времена оккупации. Видимо, решили там возрождать православие. Что же они напечатали? «Сретение — зима с летом встретились. Память ап. Луки — время выносить лук на гряды. Воздвижение — хлеб с поля двинулся...» И т. п. Эту чепуху из крестьянского быта мы называли религией. Теперь от нее остались в деревне еще обязательное пьянство в бывшие церковные праздники. Пусть это поскорее умрет навсегда...»

Из письма, 1964

Когда прерывается традиция, то очень важно уберечь ценности непреходящего значения. При выполнении этой задачи бывает, что консерваторы должны стать модернистами.

По Требнику чин Погребения *начинается не в храме, а в доме*. Сначала служится лития, а затем начинается отпевание. «И начинаем пети: СВЯТЫЙ БОЖЕ... со страхом и всяким умилением. И взявше мощи усопшаго, отходим в храм, предъидущим священником со свещами, диакону с кадильницею...» Процессия приходит в храм, и здесь *продолжается* отпевание, после которого снова процессия — на кладбище. Раньше у нас священник так и ходил всюду за гробом, и это наемное участие в уличных шествиях, иногда очень далеких и продолжительных, надо признать, унижало священника. Если обычай похоронных процессий будет где-нибудь восстановлен, то священник должен быть от них освобожден. «Святой Боже» в процессии может и без священника петь народ; можно чередовать это пение с оркестром; можно петь это и под сопровождение оркестра (попробовали бы так сделать)... В больших городах похоронные процессии ныне уже немислимы, но и здесь возможно воссоздать настроение торжественного шествия хотя бы у дверей храма — встретить и проводить покойника траурным пением. «Святой Боже...» В этих словах и музыке — вся наша боль и вся наша надежда. Напрасно мы сами отказываемся от исполнения этого столь значительного элемента в чине Погребения.

Каждение положено по Требнику и в чине Крещения, и в чине Венчания. Х. рассказывал, как в деревне (вероятно, дореволюционной) батюшка грозился, что если ему не обещают положенную плату — то в наказание устроит он, ко всеобщему ужасу, свадьбу с кадилом... Кадило стало у нас специфическим признаком

службы зауспокойной. Как и многое другое в нашем церковном Богослужении, кажделение испорчено неумеренным повторением, когда священник, что называется, из рук не выпускает кадила. И самый жест «махания» кадилом у нас должен быть пересмотрен.

64

15.XI.1843... Давно не видал я архиерейской службы. Первое впечатление поразительно: в ней род какого-то драматического величия. Потом становится монотонно. Особенно утомляют бесконечные ектении. О рабская Византия! Ты сообщила нам религию невольников. Проклятье на тебя всамделе, все, что есть самого великого в христианстве, того нет в этом позолоченном храме форм, которые деспоты придумали, чтобы самой молитве преградить путь к Богу. Везде они — и они. Нет народа, нет идеи, всеобщего равенства! Иерархия подавляющая, пышность ослепительная, чтобы отвести глаза, отуманить умы, — все, кроме христианской простоты и человечности.

*Дневник А. В. Никитенко**

Интеллигентные христиане с грустью признавались мне, что не узнают преемника апостолов в литургической фигуре русского епископа. Эти бесчисленные жесты благословений, расточаемых архиереем по всяко-

* Дневник, т. 1. М.: Гослитиздат, 1955.

му пустячному поводу, непрерывное целование у него рук, поклоны, беготня с омофором, светильниками, рипидами, орлецами, — вся эта раболопная суматоха вокруг епископа искажает самую сущность церковного Богослужения, превращая его в форменный «культ личности», в служение «владыке». Из духовенства никто не молится, все боятся — как бы не ошибиться в церемониях. Святитель и сам находится в плену у сущих пустяков этого ритуала человекослужения.

На иконы Спасителя, Божией Матери, угодников кадят трижды, а архиерею — трижды по трижды. На первые три каждения он отвечает благословением одной рукой, но ему продолжают кадить; на вторые три каждения он еще раз благословляет двумя руками, как бы запрещая этим жестом надоевшее каждение. В этом и других подобных моментах, которыми изобилует архиерейская служба, нет никакой литургической красоты — напротив, в них присутствуют разрушительные элементы смешного. Что-то произошло со всеми нами, уже вышли мы из того возраста, когда эти церемонии могли кому-нибудь нравиться. Сегодня они не воодушевляют нас в храме — напротив, они *унижают* святителя.

Не удивительно, что уже почти не находится верующих молодых людей, желающих участвовать в архиерейском церемониале. А без целой свиты прислужников наш епископ, при существующем чине, совершенно беспомощен и, можно сказать, «недействителен». Иногда в таких случаях архиерей унижая сан пресвитеров, заставляет их прислуживать себе за иподиаконов. Иногда один и тот же незаменимый келейник бегаёт

вокруг епископа, стараясь поспеть за двух иподиаконов, посошника, книгодержца... Жалкое зрелище. Один архиерей умолял благочестивых священников, недостаточно внимательных к ритуалу: «Вы уж, пожалуйста, не молитесь — это не ваше дело, я за всех помолюсь». Но и архиерею некогда молиться, ему приходится то и дело командовать во время Божественной службы: «Кланяйтесь мне! Берите у меня благословение! Снимите с меня омофор!»... Бог даст — скоро сама жизнь церковная заставит архиереев заняться исправлением своего ритуала.

65

Смиренная иноческая *мантия* приняла у наших архиереев *обратное* значение весьма пышной (шелк, бархат), цветной, звучащей (бубенчики), фантастической одежды, в которую можно облачиться только при помощи двух прислужников, с опасным шлейфом, который нужно за архиереем носить... Раньше со шлейфом управлялся маленький мальчик, теперь шлейф носит прислужник, который иногда по росту выше архиерея. Кому нужно это безобразие? Вспоминаю, как у покойного патриарха Тихона была из кремлевской ризницы прекрасная древняя мантия без шлейфа — как длинная пелерина; в ней патриарх ходил, поворачивался безопасно.

Торжественное облачение архиерея посреди храма. Диакон с кадилами (как перед иконою). «Да возрадуется душа твоя»... «Тако да просветится *свет твой*»...

Да это ведь *молебен архиерею!* На Часах вместо «Молитвами святых отец наших» — мы возглашаем: «молитвами святого владыки нашего»... Это низкая лесть, этого нет у греков, у наших же старообрядцев.

Прекрасен архиерейский Малый вход на вечерне и на литургии. Следовало бы только упорядочить его подготовку (Заметка 32) и следовало бы отменить второе осенение светильниками с соли: оно излишне, ибо все четыре стороны уже получили осенение с кафедры; главное же — оно разрывает хор священнослужителей, половина которых уходит в алтарь, в то время как вторая половина задерживается архиереем у соли. У старообрядцев нет этого излишнего второго осенения... Далее наступает воистину торжественное действие: каждение под алтарное пение «Достоин еси» или «Спаси нас, Сыне Божий». И так досадно, что прославление Сына Божия сразу же прерывается и переходит в прославление архиерея — в пение «*Ис полла эти деспота*», что в переводе значит: «*Многая лета, тебе, деспот*»... Нет, не надо бы этого прославления архиерея, надо бы многократно продолжать прославление Христа во все время каждения, под общенародное пение. Это очень заметно украсило бы службу, попробовали бы так сделать.

Начинается пение Херувимской — и молитвенное внимание народа отвлекается прислужниками и архиереем, который появляется в святых вратах лицом к народу. Зачем? Умывать руки! В детстве я думал: уж не изображает ли он Пилата? Это совсем не древность, это русское новшество недавнего времени, этого нет у греков и старообрядцев.

Проскомидия в архиерейской литургии имеет одно начало, но *два конца*. Сначала священник совершает проскомидию полностью; и архиерей во время великой ектении читает заключительную молитву проскомидии. Но во время Херувимской архиерей подходит к жертвеннику, срывает покровцы... Проскомидия священника разрушается и совершается архиереем с половины заново.

И всюду — «орлецы», круглые коврики с изображением орла над городом. На листе с таким изображением стоит будущий архиерей перед своим рукоположением, когда читает исповедание веры. Там это имеет смысл. Но зачем бегают прислужник, подкидывает эти круглые коврики всюду, где хотя бы на секунду остановится архиерей? И это — не Византия, а позднейшее русское новшество.

...И все это — *рассуждения без хозяина*. Архиереи могли бы очень хорошо со всем этим распорядиться, все это исправить своею высокою властью. Но они предпочитают покорно исполнять эти явные несуразности своего ритуала.

66

Ленинград. 1954. Рассказ семинариста с Украины. Там у них к одному епископу приехали крестьяне просить священника в Радоницу на отдаленное кладбище. Он пообещал и... забыл о том. Когда приехали за священником — оказалось, что все уже заняты. Тогда, чтобы

не нарушить *архиерейского слова*, епископ взял епитрахиль и поехал на кладбище — сам ходил, служил на всех могилах.

Так возвышает архиерея скромность и человечность. Они этого не понимают, совсем не понимают. Смотришь — хороший, милый человек, став епископом, теряет естественность обращения, начинает на каждом шагу «играть» архиерея, а то и в самом деле впадает в мнительную гордость, не терпит возражений, принимает во дворе, опаздывает на службу... Это сбивает с толку восточный деспотизм, культивированный в нынешнем ритуале архиерейской службы.

67

Обмен письмами, 1963:

...Меня ужасает прогрессирующее в нашей среде вырождение чувства красоты. Это вырождение началось не со вчерашнего дня. Всевозможные проявления варварства в области церковной эстетики в XVIII и XIX веках — красноречивое тому свидетельство. Но там были особые причины — давление сверху денационализировавшихся правящих кругов. Теперь совсем другое — полное оскудение не только творческих сил, но и вкусов в самой толще. Пройдите по кладбищу, посмотрите, какие кресты сейчас ставят на могилах. Уверен, что даже при раскопках первобытных захоронений не найти предметов, которые говорили бы о такой деградации чувства про-

порции. Смогли бы сейчас наши церковные люди, даже при наличии всех внешних условий, построить простенькую каменную или деревянную церковку, которая бы ласкала взор? По силам ли нам сейчас вообще создать что-нибудь новое, например, составить новую службу или хотя бы сочинить новый «подобен»? Ведь даже для тройного «Господи, помилуй» мы не в состоянии придумать иной мелодии, кроме «молитвенной», т. е. тоскливой, навеянной такими романсами, как «Не ходи, Грицю» и «Маруся отравилась». Облик русского батюшки и до революции как-то плохо вязался с понятием «пресвитер». Вспомните, какая была шляпа, какая осанка, как наперекор воле Церкви (определенно выраженной) отращивались и окружались ореолом святости длинные волосы, как они холились и выставлялись напоказ. Но до революции батюшка все же стыдился бы показаться на людях с косою или с женским гребешком на затылке, не стал бы поднимать волосы вверх, запикивать их под шляпу, ходить по улице замаскировавшись под эдакого доброго молодца, которому не хватает только кнутовища в руку. А теперь? Теперь вместе с атрофией эстетического чувства наступила атрофия элементарных рефлексов стыда. Помню, в 1948 году я впервые услышал про одного приезжего священнослужителя, у которого, по потребности, мог обнажаться из-под традиционных власов светски-стриженный затылок, а самые власы могли совершенно исчезать под напяленной на них шляпой. Мои знакомые (из духовной среды) рассказывали

про это открытие со смехом и недоумением — так это выглядело мало правдоподобно и гадко. А сейчас это можно наблюдать на каждом шагу. Оставляя совершенно в стороне вопрос о том, диктуется или не диктуется этот поразительный фокус необходимостью, я хочу лишь отметить, что с ним сжились, что многих он вполне устраивает. Уж это одно говорит о многом. А чем вы объясните это все более и более возрастающее тяготение ко всякого рода стекляшкам, висюлькам, кокетливо расцвеченным поясам на подряснике? Много ли вы в истории древней Церкви встречали «протоиереев»? Даже Иисус Христос никогда так не именовался. А сейчас у нас добрая половина священников украшается этим наименованием, несмотря на то, что в древности и епископы-то всегда назывались только «иереями» — священниками. Что же я хочу сказать? А то, что сейчас не приходится говорить ни о каком творчестве. Наоборот, надо всячески освободиться от его уродливых плодов. Этим я вовсе не хочу сказать, что движение вперед принципиально невозможно. Но сейчас самым большим шагом вперед было бы возвращение назад, и чем больше назад — тем лучше. Я думаю, вы понимаете, что я имею в виду не слепое отношение к прошлому, а разумное и что это прошлое я не ограничиваю какой-нибудь эпохой Стоглавого собора. Нелепости, конечно, могли иметь место и в прошлом. Некоторые наши отечественные литургисты имели слабость вылавливать их, например, в древних рукописях. Такой ученый издатель и описатель все что

угодно пропустит в своем труде, но если в одной из тысячи рукописей найдет какое-нибудь суеверное заклинание, обязательно напечатает его *in extenso**. И что же в итоге? Улов, надо сказать, не богатый. А самое главное — в прошлом это не держалось, курьез оставался курьезом, отсыхал, отпадал, отсеивался очень быстро. Сейчас наоборот — нелепые новшества живучи, прилипчивы, почти неистребимы...

Недавно я имел счастье держать в руках и просматривать греческие богослужебные рукописи X–XIV веков, на пергаменте. Там тоже везде это чувство меры, подтянутость, нет этого благочестивого расплывания. Вот одна деталь. В молитве «Спаси Боже люди Твоя» и «Владыко Многомилостиве» я нигде не встречал больше трех имен: 1) Приснодевы Марии, 2) Предтечи Иоанна (деисис), 3) или св. дня или св. храма — и все. Если есть упоминание об апостолах или о преподобных и Богоносных отцах, то уж без всяких имен, и далее:

«И всех Твоих святых». А у нас сейчас...»

«...Мне понятна глубокая справедливость ваших замечаний об оскудении чувства красоты в церковной среде. В частности, мне показалась особенно меткой ваша критика внешнего облика прежнего и нового духовенства. И все это так грустно, так грустно!.. Я хотел бы заметить, что многое в указанных вами

* Полностью.

моментах объясняется отсутствием у нас истинной церковности, то есть свободного и широкого общения. Уродливые крестовины на кладбищах, пошлые напевы, фокус с волосами и одеянием священников, фальшивые титулы и стекляшки, — эти и многие другие некрасивые и порочные явления, я думаю, скоро исчезли бы в условиях истинной церковности, в результате открытого обсуждения, просвещенной критики, иерархического воздействия...

...Вы полагаете, что единственно правильный путь — это возвращение назад, по-видимому, к эпохе поздней Византии. Не смея вступать в неравный спор, я хотел все же заметить, что именно из Византии получили мы в наследство наше явно чрезмерное молитвенное многословие. В Византии Евхаристия закрыта была от народа, и никакого чувства меры не видно в том, что главная часть литургии у нас скомкана, а третьестепенные расширены. И культ деспота-архиерея мы получили из Византии... Правда, оттуда же мы получили и непревзойденные образцы христианской поэзии. Наше литургическое наследие можно наглядно изобразить как кладовую, где драгоценные иконы мирового значения сохраняются и не различаются среди бездарных стилизаций. Хотелось бы в первую очередь на этих драгоценностях сосредоточиться, их обновить в художественном исполнении, а все остальное сократить, в частности, совсем упразднить всякое наше дьяческое чтение. Библейские псалмы, вернее, их избранные, только избранные стихи и отрывки, конечно, заслуживают

исполнения в пении. А если в пении, то почему бы также и не во струнах и органе?... Но нельзя предусмотреть все будущие пути развития церковного искусства. Так или иначе, поиски ли новых форм, реставрация ли древностей — ни то, ни другое в наших условиях практически невозможно. Пока не будет восстановлена истинная церковность, конечно, не может быть и речи о возрождении церковной культуры.

Тем не менее мы можем и должны хотя бы в одиноких размышлениях в частной переписке духовно готовиться к будущему возрождению церковного Христианства. В этом плане разрешите обратиться к вам с вопросами большого принципиального значения.

1. Понятны трудности, с которыми связано современное истолкование предания о Вознесении Господнем. Тем более удивительно, что совсем недавно Римская церковь приняла новый догмат о Вознесении Божией Матери. Интересно знать — как это сформулировано и комментировано, и не поможет ли это и нам в истолковании предания о Вознесении Господнем.

2. Не стану входить в подробности, передаю общее впечатление от наших церковных служб на Успение Пресвятыя Богородицы. Мне представляется, что самые древние песнопения основной службы Успения, равно как и уставное «Слово» св. Андрея Критского, ничего не говорят о телесном Вознесении. Но вся позднейшая служба, т. е. чин Погребения, представ-

ляющий переложение службы Великой Субботы, прямо говорит о Воскресении и Вознесении Богоматери. В основу этой службы положено известное предание: апостол Фома прилетает с трехдневным опозданием, просит открыть гроб — но тело Богоматери исчезло... Это и называется Воскресением:

«Почто радость со слезами,
Богопроповедницы, растворяете?
Пришел Близнец, свыше вразумляем,
приглашаше апостолом:
видите вы пояс и уразумейте,
Дева воскресе от гроба»...

Пояс — какая-то подробность предания, доказывающая Воскресение. Сразу сделаю вам чистосердечное признание: предание это представляется мне очень сомнительным, а чин Погребения — совершенно недостойным сочинительством. Не имея возможности основательно проверить это непосредственное впечатление, я только всегда всячески уклонялся от участия в чине Погребения Божией Матери. И в этом предании, и в этой службе я чувствую нечто унижительное для нашей святыни.

Какова же действительная древность и надежность упомянутого предания? Когда составлена служба? Не было ли в церковной литературе дискуссии о подлинности предания, о ценности службы?..»

«...Мне очень близки ваши мысли относительно чина Погребения Богородицы. Я всегда считал

и считаю, что этого чина не следовало бы вводить в обиход. Мне представляется совершенно непонятным благожелательное отношение к этому чину митрополита Филарета Дроздова, который сам переводил его с греческого языка. Чин этот первоначально предназначался для Успенского богослужения в Гефсимании и как будто имел служить средством противодействия влияниям тамошних католических богослужений на православных богомольцев. Чин этот всем своим тоном и духом резко отличается от уставного Богослужения, положенного на день Успения Пресвятыя Богородицы. Самую мысль приспособления к празднику Успения песнопений Великой Пятницы и Великой Субботы считаю порочной и недопустимой; а новые песнопения — непригодными по содержанию и бездарными по форме. У меня нет под рукой этого чина. Но чего стоит хотя бы такое обращение: «Увы, *мне*, сладчайшая Мариам!» Оказывается, в единственном числе говорит здесь о себе... «лик апостольский». А сколько там нюансов сомнительных даже с догматической точки зрения! Кстати, известно ли вам, что один ныне здравствующий архиерей составил чин Погребения архиерейского с «Непорочными», похожими на великосубботние. Там имеются, например, такие слова: «*Архиерею*, како умираеши!»

Новые детали архиерейского Богослужения, про которые вы спрашиваете, это протодиаконский поклон на великой ектении в начале литургии при упоминании имени архиерея, поклон не Господу,

к Которому должна быть обращена молитва, а самому архиерею, за которого молимся (дурно понятый «долг вежливости»); взаимные поклоны друг другу «иподиаконов», несущих дикирий и трикирий; две протодиаконские огромные свечи при каждении храма (вместо одной); таскание жезла впереди архиерея по всему храму (жезлоносец должен оставаться у кафедры)...

Пользуясь тем, что письмо еще не отослано, хочу восполнить перечень тех мелких деталей архиерейской службы, которые мне представляются в той или иной мере неудачными:

Стояние диакона «бочком» во время вел. ектении на литургии (опять нововведение по соображению «вежливости»).

Отсутствие примикирия-священосца, что особенно бросается в глаза при всякого рода входах и выходах...

Торчание жезлоносца прямо против архиерея во время «Призри с небесе, Боже» и во время других благословений.

«Карусельное» расположение участников каждения во время каждения тетрапода, плащаницы и т. п.

Каждение на полиелее в алтаре без участия «иподиаконов», которые почему-то «дожидаются» на солее возвращения архиерея и диакона из алтаря...

Неимоверное замедление ритма «Аксиос», особенно при архиерейской хиротинии. Новохиротонисуемый архиерей с каждой принадлежностью своего сана обходит всех архиереев по очереди и земным

поклоном испрашивает у каждого отдельного благословения на ее возложение.

Хиротония архиерея через возложение *малого* омофора, который к тому же снимается буквально через две минуты. Старообрядческие архиереи, кажется, вообще не употребляют малого омофора, а обычный омофор не „отлагают“ ни разу за всю литургию.....»

«...Очень благодарен вам за краткий отзыв о чине Погребения Пресвятыя Богородицы. Кстати, мне подумалось: ну, а если бы вот сами вы стали епископом — решились ли бы вы отменить это новшество в епархии или даже только у себя в соборе? Вряд ли. Собственно, беда-то отнюдь не в факте появления нового чина, а в его порочном копировании Великой Субботы и в его неприемлемых текстах. Чин Погребения Божией Матери воображается мне не траурным, а светлым, «голубым», без сомнительных преданий, с евангельскими воспоминаниями Ея святого Материнства, с идеей желанной, радостной кончины... Но сотворить такой чин мы не умеем, а запретить чин непригодный не смеем — и приходится нам пока что утешать себя хоть тем, что народ все равно не понимает этих забракованных текстов.

Благодарю вас и за перечень новшеств, которые вы заметили в архиерейской службе за последние десятилетия. Со стороны покажется, что мы занимаемся пустяками, а между тем эти мелочи интересно

характеризуют литургическое «творчество» последнего времени и в общем-то подтверждают вашу мысль, что ничего хорошего ожидать здесь пока не приходится. Но должен заметить, что в некоторых замечаниях вы несправедливы. — «Торчание» жезлоносца перед архиереем просто не было раньше заметно, потому что это был мальчик и стоял он в таких случаях ниже амвона. — «Карусельное» расположение участников кругового каждения красиво и возникает совершенно естественно; а как же иначе? — Иподиаконы (почему-то вы пишете это слово в кавычках) остаются теперь на солее во время каждения алтаря потому, что не имеют священного права входить во святые врата и обходить вокруг престола. — Ношение перед архиереем жезла (символа епископской власти) имеет не только идейное, но и практическое значение — приготавливает процессии путь, раздвигая народ. Ведь носим же мы на Великом входе архиерейскую «шапку», как называет митру славянский Чиновник.

Если при архиерейской хиротонии возлагать не малый, а большой омофор, то ведь все равно его нужно, вы пишете, через две минуты снимать. Если же его не снимать и вообще отменить это многократное переоблачение архиерея во время литургии, то это вы уже начинаете трудный разговор о реформе — об упрощении архиерейских церемоний. Покойный епископ Антоний, реформаторскую деятельность которого я наблюдал в мои детские годы, поступил очень просто: он совсем упразднил все эти принад-

лежности архиерейской службы, которые причиняют всем и самому архиерею столько хлопот — и встречу, и жезл, и орлецы, и даже митру. И по моим детским впечатлениям эта простота прямо соответствовала глубокой духовной торжественности открытой литургии. А я имел возможность сравнивать это тогда с чрезвычайной и очень культурной пышностью церемониала только что восстановленного патриаршества.

Кстати, об этих патриарших служениях мне как-то особенно задушевно запомнился самый младший участник — очень маленький мальчик в стихарчике со свечкой у царских врат; когда же они затворялись и в алтаре начиналось Причащение, он уходил и оставлял горящую свечу одну перед вратами... Свеча, огонек — какая это символика и какая глубочайшая древность. Как же мы некультурны, что *это* упразднили, а взамен стали изобретать всякие новые художества, вроде того, как вы пишете, что будущий архиерей на коленях «выпрашивает» себе всякую принадлежность облачения у каждого участника своей хиротонии. А если их двадцать? Этого не было, это совсем недавно придумано.

Отмеченные вами обращения к отсутствующему и другие новшества по линии «вежливости» естественно продолжают основную направленность архиерейского ритуала, которую можно условно назвать культом личности епископа. А сам святитель, наоборот, так явно *«невежливо»* слушает Евангелие «в шапке», причащается *отдельно один*, и т. п. Не на этой ли почве и помешался автор, который запроектировал

свои похороны по чину Великой Субботы? *«Архиерею, како умираеши»...* Самое тревожное здесь именно в том, что сочинил это архиерей.»*

О «волосах». Что-то мы совсем заблудились в этом пустячном вопросе. По-видимому, идея «волос» — в том, чтобы выделить клирика и монаха из мирян. Когда миряне носили длинные волосы, то у клириков и монахов, наоборот, было «пострижение» в клир и в монашество. С течением времени на Востоке каким-то там образом все это перевернулось: миряне носят короткие волосы, а клирики и монахи «постригаются» только символически, в литургическом чине, на деле же, наоборот, «отрачивают» себе длинные волосы. Эта новая традиция длинных волос у священников стала уже настолько привычной, что темные элементы в церковном народе считают ее непременным признаком неповрежденного «православия»... В угоду им многие русские священники и ныне носят еще эти длинные волосы. Но как быть с этими длинными волосами вне храма, в штатской одежде? Оставить их на плечах — будешь «похож на Робинзона Крузо» (А. П. Чехов). Ходить по улице в рясе — сегодня это было бы то же самое, как если бы ходить по улице в ризе... Вот и приходится священнику, не желающему расстаться с нехорошей традицией, устраивать смешную маскировку, недостойную сана священника. Уместно вспомнить здесь слово апостола:

* Письмо А. Э. Краснова-Левитина.

«Не сама ли природа учит вас, что если мужчина растит волосы, то это бесчестие для него» (К Коринфянам I, гл. XI). А в последнее время появились эксцентрики, которые заплетают свои православные волосы в косы, в женские прически — и в таком виде облачаются в священные ризы, предстоят алтарю... В высшей степени удивительно, загадочно — как архиереи и народ церковный могут терпеть это кощунственное уродство.

Верно отмечено, что «волосы», фальшивые титулы, стекляшки, все это — явления одного порядка. Как правило, чрезвычайно уродливы «наградные кресты». И титул «протоиерея» уродлив, когда все кругом — протоиереи. То же самое с титулом «архиепископа». Среди многих епископов возможен только один первый епископ — архиепископ. Это титул главы национальной Церкви. А у нас половина епископов — «архиепископы»; это все равно, как если бы они стали величать себя патриархами... «Преосвященный» — в этом титуле выражена высочайшая степень освященности иерарха. Но нам этого мало, у нас — «преосвященнейший» или даже «высокопреосвященнейший». Эта высокопревосходнейшая степень уродлива.

В этой переписке явилась совсем новая тема — Чин Погребения Божией Матери. Говорят, что еще полсотни лет тому назад этот чин с нехорошим текстом справлялся в единственном месте в России — в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры. А теперь он совершается в каждом приходском храме... Новшество явилось и широко распространилось на наших глазах, — и не было об этом никакого соборного решения. Правда,

Московская Патриархия помогла внедрению новшества изданием в 1950 году службы Успению со включением неудовлетворительных текстов. Вот пример мирного развития (в данном случае — плохого развития) церковного Богослужения.

68

Обмен письмами, 1964:

«...Известно, что традиция требует индивидуальной исповеди кающихся, и в Требнике определенно сказано: „Приводит духовный отец хотящего исповедаться единаго, а не два или многия“. Отступления от этого уставного указания Русской церковью допускалось только в одном случае — на корабле во время его гибели. В этом случае иерей имел право совершить общую исповедь. Но в Кронштадте о. Иоанн ввел общую исповедь для всех приходивших в храм для покаяния. Для людей, которые руководствовались больше буквой закона, чем его духом, это был соблазн, происходящий не где-то в глуши необъятной матушки Руси, а на глазах у Святейшего Синода, в епархии председательствующего в Синоде митрополита. Синод мог запретить о. Иоанну это делать, и последний, получив запрещение, конечно, не пошел бы на разрыв с Церковью и подчинился бы синодальному определению. Но благодатствование общей исповеди, совершаемой о. Иоанном, было так очевидно, сила Святаго Духа так действенна в каю-

щихся, что подобное запрещение со стороны Святейшаго Синода было немислимо.

В пору „расцвета“ обновленчества, когда не-обновленцы лишались своих храмов и были вынуждены „прилепляться“ к другим церковным общинам, общая исповедь получила широкое распространение. Позднее условия военного времени, сокращение храмов и числа священников еще более содействовали укреплению этой новой литургической практики таинства покаяния. Из исключения, каким она была когда-то в Кронштадтском Андреевском соборе, она стала общераспространенным явлением, несмотря на то, что святейший патриарх Алексий не одобрил ее и подтвердил необходимость совершения индивидуальной исповеди.

Говорить о том, как будут в дальнейшем изменяться богослужебные формы, — это значит брать на себя задачу выше своих сил и возможностей. Одно ясно, что хороший духовник и общую исповедь сумеет провести на должной высоте, а плохой и индивидуальную портит.»

«Порицая в свое время *общую исповедь*, наш патриарх, несомненно, имел в виду практику, которую наблюдал в Ленинграде. А это была профанация общей исповеди — не исповедь, а проповедь на тему о покаянии, в заключение которой произносилось отпущение всем всех грехов. Не вспоминая исключительного явления, каким была общая исповедь

у о. Иоанна Кронштадтского, можно так изложить в общих чертах чин современной общей исповеди там, где она совершается прилично:

1) общая молитва перед исповедью;

2) краткая проповедь о покаянии;

3) исповедание во грехах — испытание совести под руководством священника, который обозревает типичные нарушения идеала христианской жизни и получает ответы кающихся: «грешен»;

4) общая тайносовершительная молитва «Господи Боже спасения рабов Твоих», при чтении которой кающиеся вставляют свои имена;

5) целование креста и Евангелия;

6) при этом в отдельных случаях — дополнительное *тайное исповедание* грехов не названных или особо оговоренных при общем испытании совести и отдельное разрешение этих грехов священником по формуле: «Господь и Бог наш Иисус Христос»...

Сопоставляя *такой* чин исповеди с исповедью индивидуальной, мы видим в них полное совпадение всех элементов. Не знаю, как исторически сложилась традиция индивидуальной исповеди. Мне представляется ясным, что цель требования исповедовать «единого, а не два или многия» заключалась в соблюдении *тайны исповеди*; а это и при общей исповеди может быть хорошо обеспечено. Зато со стороны самого содержания исповеди, испытания совести — общая исповедь может быть, как правило, *не хуже, а лучше* исповеди индивидуальной. Даже если на исповедь пришло только 20 человек — лучше будет для каж-

дого из них, если я проведу с ними *общую* исповедь, покаюсь сам вместе с ними в продолжение, скажем, 40 минут, чем если бы я стал заниматься с каждым отдельно по 5, даже по 20 минут: все равно я не сумел бы провести с каждым столь тщательное испытание совести, как это можно сделать именно на общей исповеди. Я не беру здесь чрезвычайно редкий случай, когда действует духовник, обладающий на это особым талантом от Бога; он-то, может быть, разгадывает человека со взгляда и ему-то, может быть, и действительно лучше поговорить наедине с каждым в отдельности. Да, бывают священники, у которых звание «*пресвитер*» действительно соответствует древнему слову «*старец*» в смысле именно духоносной способности *старчества*, руководства в духовной жизни... Но таких духовников у нас чрезвычайно мало, а я говорю с точки зрения священника рядового, не обладающего особыми дарованиями, но тем не менее серьезно намеренного исполнить свой долг. Со стыдом вспоминаю, как в первые годы священства однажды (в Вербное воскресенье) перед литургией исповедаться у меня пожелала без малого вся церковь. Люди просили *общей исповеди*, а я тогда проводить ее не умел и отказался, сославшись на запрещение патриарха... И в продолжении нескольких мучительных часов я проводил «индивидуальную исповедь», о которой, говорю, мне до сих пор стыдно вспомнить. А какая могла бы состояться здесь великолепная общая исповедь!.. Вообще профанация таинства чаще имеет место как раз не в общей, а в индивидуальной исповеди, только это

не бывает заметно со стороны. В семинарии у нас инспектор стоял за службами в таком месте, куда доносились голоса исповедующих священников. После он рассказывал, как один монах, простой добродушный украинец, исповедовал каждого по очень простому способу, напоминающему чин приема в Сечь запорожцев у Гоголя: „Отче наш“ знаешь? А ну, перекрестись!... Другой батюшка, вкусивший литературы, почему-то на каждой исповеди склонял имя Тургенева. У меня у самого был тогда случай: одна дама решительно заявила на исповеди, что ни в чем она не грешна; а когда я хотел отстранить ее от исповеди, то она с искренним возмущением заявила, что имеет на работе похвальную грамоту! Конечно, на хорошей *общей исповеди* она гораздо лучше осознала бы свое действительное положение, чем из моих поспешных уговоров... Нет, *общая исповедь*, проведенная с соблюдением упомянутого выше распорядка, оказывается, как правило, *лучше* исповеди индивидуальной.

Общая исповедь — не упущение, а *достижение* нашего времени. Но нужно бы еще много поработать, чтобы довести этот чин до совершенства, с каким должно быть все исполняемо в Церкви. Как часто бывает, например, что испытание совести ведется по случайным импровизациям священника, по заповедям не Нового, а Ветхого Завета, и т. п. Разработать бы надежную схему общего исповедания, собрать бы лучшие образцы кратчайшей покаянной проповеди, все это рассмотреть, обсудить, исправить, рекомендовать. Это было бы не администрирование, а под-

линно церковное делание — просвещенный общий совет. Но никто у нас этим не занимается и никому до этого дела нет.»

«Мне по этому вопросу труднее говорить, потому что я не священник, но я исхожу из слов, которые говорит нам на исповеди священник: „Внемли убо, понеже бо пришел еси во врачевницу, да не неисцелен отъидеши“. Да, исповедь есть врачевание и духовник — врач. Но всякому известно, что от врача требуется внимательно-сострадательное отношение к больным. Бездушных врачей осуждают, как плохих, и к ним не хотят идти лечиться. Для хорошей исповеди, мне кажется, нужно не только сокрушение о грехах самих кающихся, но и сострадание к этим людям, как к несчастным, со стороны духовника. Образ сострадательного духовника являет Сам Христос Спаситель при обращении к Нему грешников (блудница, разбойник, отрекшийся Петр). Но, к сожалению, наши духовники часто забывают об этом. Некоторые даже не читают положенных в чине исповеди молитв, проникнутых духом сострадания к несчастным грешникам. Духовники скорее сосредоточивают внимание на сакраментальном акте завершения исповеди, не зная, что сама разрешительная молитва „Господь и Бог наш...“ с ее внушительными словами „прощаю и разрешаю...“ существует в нашем Требнике лишь с конца XVII в., и пришла к нам «случайно» с Запада, а у православных греков

и поныне ее нет и исповедь сводится у них не к объявлению о прощении грехов, а к *молитве* за согрешивших. Большого сказать не могу, чтобы не впасть в осуждение, памятуя свое мирское положение...»

«...Должен признаться, что всегда меня несколько смущает эта формула: „властию Его *мне* данную *прощаю*“... Я — не судия, я «точию *свидетель* есмь...», недостойный представитель Церкви Христовой; а в формуле этой нет речи о Церкви, в ней отражается католическое представление об юридической власти клира. Можно заметить, что формула эта, *отсутствующая* в древнем православии греков, *отсутствует* и у нас в самом важном, так сказать, в решающем случае: исповедь болящего, возможно, *предсмертная* и в нашем Трєбнике заканчивается не сакраментальной формулой, а *молитвой*. «...И аще будет больной прежде сего исповедался: то абие причащает его святых Таин. Аще ли же ни, повелевает иерей мало отступити ту сущим, и вопрошает его о согрешениях различных... И по исповедании глаголет иерей молитву сию: *Господи Боже наш, Петру и блуднице слезами грехи оставивый, и мытаря познавшего своя прегрешения оправдивый, прими исповедания раба Твоего (имя-рек), и еже Ти согреши, вольныя его грехи и невольныя, словом или делом, или помышлением, яко благ презри. Ты бо един власть имаши отпущати грехи. Яко Бог милостем и щедротам еси и Тебе славу возсылаем...*» Ни о какой прощающей и разрешаю-

щей формуле здесь не говорится. Странно, как это так — столь важное дело до сих пор не приведено у нас в полную и совершенную ясность.»

Ничего не приведено в ясность. Смиренный ученый христианин пишет, что нуждается не в сакраментальной католической формуле, а в сострадательной *молитве* священника. Вот еще авторитетное свидетельство такого же рода: «Во время исповеди очень многие, если не все, *больше всего нуждаются, чтобы священник помолвился с ними*» (свящ. А. Ельчанинов, *Советы молодым священникам*).

Проверь себя — способен ли ты быть таким духовным врачом, это не всем дается. Есть охотники заводить себе «духовных детей», исповедовать их непременно уединенно. Это может быть очень хорошо; но горе им, если нет у них на это особой харизмы от Бога... Если ты не чувствуешь в себе этого особого дара — не унывай, в служении священства и без того много дела. Зато хорошо проводи хорошо подготовленную *Общую Исповедь*. Будь здесь не следователем, а свидетелем и участником общего покаяния.

Но как провести хорошо Общую Исповедь? Поразительна, мягко выражаясь, «недоработанность» нашего Требника в чине Исповедания:

«..... — Рцы ми: не пался ли еси со скотом, или со птицею?

— Рцы ми, чадо: не убил ли еси человека волею или неволею?...»

Безумец, который попробовал бы вести такое следствие на Исповеди, вызвал бы скандал в церкви. Мы уже, что называется, махнули рукой на Требник в этом вопросе и проводим Исповедь кто как сумеет... На частной Исповеди нашу нищету скроет, а то и выручит нас сам исповедник. Но что делать на Общей Исповеди? Здесь драгоценные души отдаются во власть всякого рода шпаргалок и импровизаций, нередко исполненных глупости, пошлости, заблуждений... Только смиренное покаянное чувство помогает слушателям переносить это.

Из общецерковного, соборного опыта надо бы заполнить это *пустое место* Требника. Надо бы составить и дальше все улучшать, улучшать — варианты краткого *учительного слова* перед Исповедью. Надо составить — и дальше все улучшать — образцовый чин и полный текст Общей Исповеди, с таким испытанием совести, которое охватывало бы всю духовную жизнь человека. Надо выделить из Общей Исповеди и вывести в Исповедь тайную грехи непристойные. Надо выяснить наконец и для всех разрешить вопрос о заключительной молитве Таинства Покаяния... Все это насущно необходимо — и ничего этого не делается.

69

Обмен письмами, 1963:

«На стр. 58–59 № 11 ЖМП за 1962 г. написано: „Одним из спасительнейших и существеннейших проявлений Церкви является *Богослужение*, без

которого невозможна духовная жизнь и духовное возрастание членов Церкви.. Ни в чем так полно проявляется вся сущность православия, как в Св. Евхаристии — средоточии всех таинств Церкви. Вся природа Церкви евхаристична, и без Евхаристии немислима Церковь... Большое значение имеют авторитет и личная жизнь пастырей, так как лучшей проповедью является сама христианская жизнь“... Дальше: „В противоположность воззрениям протестантизма Православная Церковь учит, что общественная молитва, совершаемая без священника, ни в коем случае не может заменить Богослужения“.

Такие мысли высказываются теперь, когда количество храмов резко сокращается, а количество священников, особенно таких, личная жизнь которых могла бы явиться лучшей проповедью, и вовсе не велико. Я уж не говорю об изменении роли священника в действующих приходах (получаются какие-то вольнонаемные культработники — от слова «культ», а не «культура»). Но в каком же положении оказываются верующие там, где храмы уже не действуют? Кто «окормляет» (какое странное и неприятное слово придумано!) таких верующих? По теории ЖМП получается, что таких верующих нельзя считать даже православными христианами — членами Церкви. Кто же они? И в чем может выражаться их общественная религиозная жизнь? Не ближе ли к слагающимся условиям жизни стоят «неритуалистические» церкви, о которых идет речь в начале стр. 58 журнала, то есть, попросту говоря, и наши

сектанты, беспоповцы и тому подобные? Разве Иисус Христос не сказал: „Где двое или трое соберутся во Имя Мое“... и т. д...»?

«...Прежде всего нужно иметь в виду, что печатный орган, о котором вы пишете, имеет крайне ограниченный профиль — как по выбору тем, так и по их трактовке. Вероятно, вы успели уже заметить, что в этом издании не бывает никакой апологетики, никакой проблематики, никакой самокритики... Хорошо, если изредка появится интересный отчет о книгах или посещениях. Как правило, все остальное — только всяческое благоглаголанье благопотребное (выражение В. С. Соловьева), в котором напрасно искать пищу для души. Цитированной вами статья я не читал, но, судя по приведенным вами выпискам, она не составляет исключения из этого печального правила.

„Без Богослужения невозможна духовная жизнь“.
„Без Евхаристии немыслима Церковь“. Это — всего только риторические обороты. Уважаемый З. уже обращал наше внимание на православных подвижников, которые без общественного Богослужения и без Евхаристии достигали высочайших вершин духовной жизни. А мы и с Евхаристией никуда не годимся. Мы бываем похожи на бездельников, которые хвастались бы тем, что хорошо обедают, и ожидали бы за это награды. Горе нам, книжникам и фарисеям.

Признаю себя недостойным говорить о таинственной святыне Евхаристии. Но непременно нужно

заметить, что она не является у нас общественным Богослужением, ибо совершается втайне от церковного народа. Вероятно, и Вам приходилось наблюдать, как в самые важные моменты Евхаристии наш православный мирянин вдруг преспокойно поворачивается и начинает проталкиваться к выходу. Это потому, что он не участвует в Евхаристии, просто не замечает ее. Для народа у нас есть Причащение, и есть отдельные души, на которые это таинство оказывает мощное благодатное действие. Но Евхаристия осталась у нас только для священников... Замечательно, что эта проблема, занимавшая наших русских реформаторов, теперь, через сорок лет, неожиданно для нас встала в центре внимания Римской церкви.

...Но это — не про нас разговор. Наши условия вы оцениваете вполне верно. Едва ли не большинство уже членов нашей Церкви остались без храма и священника. И неизвестно, долго ли это продлится. Как возрастает здесь значение какой-нибудь старушки, которая может окрестить младенца, может почитать что-то над гробом... Знаменательно, что эти два таинства, так сказать... встречи и проводов человека, могут быть совершаемы без священника, любым членом Церкви. Не может быть никакого сомнения в законной чести иерархии; но речь у нас идет не о чести, а о *работе*... Будь мы менее беспечны — давно уже надо было подработать хороший краткий чин такого крещения и такого погребения без храма и священника. И не отлучать от Церкви, а научить надо бы людей, как им *церковно* вести себя, например,

на Пасхе, на новоселье, на свадьбе и т. д., если нет храма и священника и если даже и двое или трое не могут быть собраны во Имя Христово.

Вы знаете, что я давно уже не служу, и это дает мне возможность лучше судить о значении современного русского священства со стороны. Сначала позвольте вас поправить в том отношении, что нельзя противопоставлять «культ» и «культуру». Именно в церковности, в культе получила начало всякая наша культура. *«Вся культура — из храма»* (Фрезер). И я должен сказать вам, что если бы наш современный священник, будучи, разумеется, вполне приличным и порядочным человеком в других отношениях, сумел бы в доверенном ему храме организовать общественную молитву так, чтобы она была наивозможно более впечатляюща, «культурна», — ничего больше от него нельзя и требовать в наших условиях. Но этого-то мы и не делаем.

Слово «окормляет» взято из мореплавания, оно соответствует существительному «кормчий» (от «корма» корабля). Быть кормчим, рулевым в плавании по житейскому морю, истинно руководить духовной жизнью другого человека — это дано далеко не всякому священнику. В Греческой церкви духовникам давалась на это особая архиерейская грамота. У нас есть наставники, к которым ездят за сотни километров, их и раньше было очень немного. Но очень опасно, если вообразит себя духовным руководителем священник, не имеющий на это дарования от Бога. Самое большее, что он должен был бы делать, — это проводить

хорошую, «культурную» *общую исповедь*. Но этого-то мы и не делаем.

То же нужно сказать о даре *проповеди*. Одна глубоко верующая женщина написала мне из большого города, где много церквей и священников: «*Вот было бы хорошо, если бы запретили говорить проповеди*». Я часто бываю готов с ней согласиться. Мы сами унижаем нашу святыню, мы говорим страшно плохо не только по форме, но, главное, и по самому содержанию, нам лучше молчать, не произносить с амвона ничего „от себя“. Пусть как можно лучше говорит само Богослужение. И в качестве составной части Богослужения нам нужно хорошее (только хорошее, только очень хорошее) краткое *учительное слово*, чтобы мы читали его народу, как это бывает с пасхальными посланиями Патриарха. На большее мы теперь не способны; но этого-то мы и не делаем.

„Лучшей проповедью является сама христианская жизнь“. В целом можно сказать: *такой проповеди у нас нет*. Священник находится в этом отношении только наиболее на виду. Условно можно назвать это христианским представительством. Неверующий с тайным интересом присматривается к священнику на улице, в автобусе, на вокзале... О, да это совсем такой же хмурый, такой же озабоченный о себе, только о себе человек, как и все мы вокруг. Что-то не чувствуется в нем радости его веры, нет в его взоре вдохновения добра, душевного света... Таково поверхностное впечатление — и так подавляюще часто оно оказывается верным и по существу. Почему все

мы, верующие, в нашей практической жизни ничем не отличаемся от неверующих? В этих печальных размышлениях есть и свое утешение: да, мы на деле ниже своей веры; но зато неверующие на деле выше своего неверия, — вот мы и сравнялись. *Свет Христов просвещает всех, всех.*»

«Христианское представительство» довольно часто требует помимо светлой репутации еще и подготовленности к тому, что можно назвать домашней проповедью. Например, я приглашен на свадьбу, в смешанное общество верующих, полуверующих, атеистов — приглашен не в качестве священника, а просто как друг или родственник. Неужели я останусь только безмолвным участником какого-нибудь там «нового обряда» или мещанских обычаев и суеверий? Неужели буду только выпивать и закусывать?.. Нет, как христианин, я *должен* буду в удобный момент произнести хорошую приветственную речь, которая произвела бы благодатное воздействие, запомнилась бы новобрачным и всем участникам радостного торжества... Я очень хотел бы иметь образцы или конспекты такой свадебной приветственной речи. А если нет у меня ничего в запасе — то лучше мне и не показываться на этой свадьбе.

Похороны, участие в поминальном обеде. Помню, когда я служил псаломщиком, то осуждал моего настоятеля, что он за столом молчит или говорит о погоде... Но вот сам я стал священником — и тоже молчал или говорил о погоде... Моя вина, великая вина. Но там у нас

было за столом хоть зауспокойное пение. А когда не может быть пения? Чрезвычайно важно не промолчать — приготовиться, сказать именно здесь столь значительное христианское, единственно верное слово... Слышал, что Х. всякий раз очень хорошо выступает в подобных случаях. Хотел бы я пойти к нему в псаломщики — записать лучшие образцы и конспекты. Вот это и есть самое настоящее современное литургическое творчество.

70

«...Простому человеку переживание *тайны бытия* открывается в непосредственном чувстве, особенно когда он выходит из круга привычного существования. Случалось ли вам когда-либо участвовать в старинном обычае расставания при отъезде близкого человека? Мне хочется назвать это таинством разлуки. Все присаживаются на несколько секунд и молчат; потом встают, молятся и начинают прощаться... И вот в эти немногие секунды, когда царит общее молчание — как бы останавливается время, и вас охватывает *живое ощущение тайны*. Тайны не только будущего, но и настоящего, тайны всего...

Где мы? В этот момент и неверующий, я думаю, бывает тронут, и его прикасается что-то.»

Из письма, 1963

Этот древний домашний «чин расставания», хотя он и в таком виде очень хорош, следовало бы утвердить еще

и хорошим текстом гласной молитвы, которую могли бы прочитать старший или старшая из провожающих, когда все встали после молчания.

Прикосновение к *тайне времени* совершается также и при домашней *встрече Нового Года*. Чоканье бокалов — это пошлость, это можно потом, а торжественный момент боя часов надо встретить общей молитвой. Благодарить за прошедший год, молиться о прощении прошлых грехов, просить благословения и помощи на год предстоящий. Хорошие выражения на эти темы содержатся в чине церковного молебна на Новолетие. Тут есть еще сторона, на которую не обращали прежде внимания. Мы встречаем Новый год *от Рождества Христова*... Обо всем этом надо хорошо сказать в приветственной речи. В статье «Праздник и культура» (журн. «Декоративное искусство» № 10 за 1968 г.) Г. Померанц писал, что

«без часа благоговения в церкви Рождество с его колядками так же немислимо, как веселый Новый год без благоговейного прислушивания к бою часов. Момент благоговения — внутренняя необходимость полного праздничного мироощущения. Стрелка часов, приходящая к 12, успешно выполняет в нашем секуляризованном быту функцию Причастия и позволяет понять, в чем заключается эта функция: в чувственно-предметном прикосновении к Вечности...»

Да — но зачем немая «стрелка часов», когда у нас есть способность человеческой речи? Думается, что молитва и речь за новогодним столом, если они будут хорошо составлены и хорошо произнесены, получат тай-

ное одобрение и у неверующих гостей. Ибо без этого слишком уж явно видно всем несоответствие между величием Тайны, к которой мы прикасаемся, и какими-то там бокалами и прочей мещанской обрядностью.

71

«Помяни, Человеколюбче Господи, души отшедших раб Твоих, младенцев, кои во утробе православных матерей умерли нечаянно от неведомых действий, или от трудного рождения, или от некоей неосторожности, и потому не приняли святаго таинства Крещения. Окрести их, Господи, в море щедрот Твоих и спаси неизреченною Твоею благодатию».

Эта молитва приписана от руки на последнем листе старого семейного молитвенника. Трогательный пример робкой «самодеятельности», литургического творчества, когда случай не предусмотрен в Требнике и Молитвослове. «Окрести их в море щедрот Твоих»; это должно быть сказано в будущем чине церковного Погребения младенцев, которые скончались до Святаго Крещения.

Да, должен быть такой чин. Практически в какой-то неизвестной нам форме он существовал уже в древней Церкви, когда не было еще нашего обычая крестить малых детей. Если умер ребенок — неужели христиане хоронили его «как собаку», без общей молитвы? Всякого рода «догматические» домыслы на тему о том, «спасутся» ли некрещенные младенцы, или фатально обречены на адские муки, как полагал, кажется бл. Августин, —

все это уже начало схоластического упадка, и все это падает перед практической, жизненной потребностью христианской любви. А вот слово Евангелия:

«...Приносили к Нему *детей*, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих. Увидев то, Иисус *вознегодовал* и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им; ибо *таковых есть Царствие Божие*».

(по Марку, гл 10).

Это было сказано о *некрещеных* еврейских младенцах... Вся эта тема не только литургическая, но таково фактическое положение дела, что мы должны принимать литургическое решение, не дожидаясь, что скажет об этом схоластика.

Особая и несравненно более трудная проблема — *огласительное слово* на погребение младенца, крещеного или некрещеного. *Смерть* ребенка — в этом событии как нельзя более остро ставится вопрос о Промысле Божиим. Правильно, православно ли поступаем, когда все, что ни случится, приписываем благой воле Божией? А может быть следует думать, что в бессмысленной смерти ребенка проявилось действие Мирового Зла, Дявола — что это (не без нашей общей вины) есть *поражение* доброго Промысла? Вот — «*нерешаемость*», вечное наше недоумение, на которое мы никогда не получим ответа ни у какой схоластики. Думается, что только под таким знаком вопроса и может быть сказано искреннее слово на Погребение младенца.

«...Некогда я побывал на ревизии в одном приходе, и там протодьякон, человек уже старый, но всем интересующийся, рассказал мне, как он спросил однажды у своего настоятеля:

— Спасутся ли татары?

Настоятель там был «проповедник», с провинциальным апломбом. Он отвечал протодьякону важно, что сразу сказать не может — почитает, подумает. На другой день приходит настоятель в алтарь и между делами говорит любознательному протодьякону:

— Да, вы спрашивали о татарах: нет, не спасутся. Ничего не поделаешь!»

Из письма, 1961

Инаковерующие и неверующие. Апостол Павел призывал христиан «совершать молитвы, прошения, благодарения (евхаристии) *за всех человеков*, за царей и за всех начальствующих» (к Тимофею, I, гл. 2). Сегодня мы молимся всецерковно, гласно только за начальствующих. Остальные инаковерующие и неверующие для нас как будто не существуют, как будто и в самом деле прав был смешной настоятель. У него было недостойное представление о Церкви, как о некоей провинции «спасающихся», куда попадают по случайностям рождения в той или иной национальности. Но не так «угодно Спасителю нашему Богу, Который *хочет*, чтобы *все люди спаслись и достигли познания истины*» (к Тимофею, там же). Идея Церкви, всечеловеческого Тела Христова — сверхразумна, она вне схоластических определений. Как и выше

в вопросе о некрещеных младенцах, литургическое решение выносит не догматическая «теория», а живая практика христианской любви. Уединенно, «частным образом» мы как нельзя более искренне, не сомневаясь нисколько, горячо молимся о наших дорогих неверующих, живых и усопших, прозревая сквозь условности их случайных так называемых «мировоззренческих» заблуждений мистическую духовную глубину личности... Мы молимся так дома — и это же должно получить выражение и в нашем церковном Богослужении.

73

Ужасы устремились на меня...

Книга Иова, гл. 32.

Вот еще случай, когда так нужна и так горестно отсутствует церковная молитва: похороны самоубийцы. В лютеранском служебнике (или не помню, как еще называется у них эта книга) я читал замечательный образец пасторской проповеди на таком погребении. К сожалению, ничего я не записал, запомнил только главные мысли. Человеку было очень тяжело, он очень унывал, ужасны были ураганы, заставившие искать упокоения души в безумном поступке. А вокруг была такая душевная холодность, такое безучастное отношение, что несчастный не подумал в своей беде к нам обратиться. Мы виноваты в этой страшной смерти. Покаемся же, проверим себя, свое душевное устройство,

свое отношение к ближним... Как известно, лютеране не молятся об усопших; но вот — нашли в самоубийстве суровый урок для живущих. А мы молимся за усопших, мы справедливо считаем это великим преимуществом нашего исповедания — и оставили без молитвы такой исключительный случай, когда от нас требуется особенно усиленная церковная молитва.

74

Многословие — сходная проблема церковного Богослужения и домашней молитвы. В Молитвослове издания 1896 года *молитвы утренние*, например, составляют в общей сложности около 1.700 (тысячи семисот) слов. «Со страхом зовем в полунощи...» Ночная молитва? «Приидите, поклонимся» — обращение ко многим участникам. Иноческое келейное правило? Псалом 50 и восемь молитв... В общем, на добрые полчаса времени. Нет, нашему трудящемуся современнику это не подходит. Впрочем, в самом Молитвослове напечатана рекомендация:

Зри. Если мало имеешь времени и вскоре обязан приступить к занятиям по должности, то из положенных молитв лучше произнести только некоторые со вниманием и усердием, нежели читать все поспешно и с малым вниманием.

По этому хорошему принципу каждый из нас практически осуществляет сегодня какую-то свою «реформу устава» утренней молитвы. Незачем читать Псалом 50, когда всю тему утреннего покаяния можно вложить

в слова напечатанной раньше молитвы мытаря из Евангелия: *«Боже, милостив буди мне, грешному»*. В двух молитвах есть тема благодарения за прошедшую ночь и за наступающий новый день в этой жизни; но благодарение это может быть выражено и в напечатанном уже раньше кратком воззвании: *«Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе»*. Конечно, если не скользить по ним привычно-бездушно... И т. п. Некоторые избирают из восьми иноческих молитв какую-нибудь одну и приспособливают ее к своему «мирскому» профилю. В молитве преп. Макария Великого говорится: *«И избави мя от всякия мирския злыя вещи»*; а мой друг Х. молится: *«И избавь меня от всякого лихо-го слова и дела»*... Некоторые новые христиане пробуют составить свою, совсем новую утреннюю молитву — и, возможно, будут в этом их творчестве выражения, достойные общего внимания. В домашнем Богослужении мы вольны распорядиться каждый по своему разумению. Но хорошо было бы иметь рекомендуемые уставы утренней молитвы — минут на 5, максимум на 10, чтобы нам духовно сосредоточиться, и не только о себе, но непременно и о других помолиться, живых и усопших, и хоть несколько строк из Писания прочитать — и поспеть к занятиям по должности.

75

«Многословие» в молитве хотя бы тем уже хорошо, что наше сознание дольше привязано к святым словам.

Если при этом нет даже полной погруженности в смысл произносимых слов, а только отвлечение от пустяков, суеты, забот, нечистых мыслей, и то это очень много. А если к этому — переживание хоть 1/100 читаемого, то душа приобретает этим неисчислимы сокровища...

Важна молитва всякая, даже невнимательная. Сила и действие слова независимы от психологии говорящего. Если бранное, грязное слово сквернит и ранит душу произносящего и даже слушающего, то святые слова молитв, даже рассеянно повторяемых, тонкими штрихами покрывают нашу память, ум, сердце и производят над нами благую работу, нам неведомую.»

*Свящ. А. Ельчанинов.
Отрывки из дневника.*

С уважением выписываю эти замечания, хотя такая откровенная «*инфляция*» священного слова формально как будто прямо противоречит Евангелию. Все дело в адресе — для кого это говорится.

Мы уже забыли о литургическом *разнообразии*, которое было в древней и еще в средневековой Церкви. Русский летописец свидетельствовал, что послы князя Владимира были в восторге от церковного Богослужения, которое увидели в Царьграде X века. Это было торжественно-церемониальное, музыкальное, «*песенное*» Богослужение. Его и приняла было сначала Русь для своих приходов. Но вскоре пришли с Востока уставы другие, монастырские, характерным качеством которых было утомительное многословие чтений, перенесенное

в храм из монашеского келейного правила. Причинами такой всеобщей перемены в русском церковном Богослужении историки считают незначительный состав клира, отсутствие искусных певцов, неблагоприятные условия татарского нашествия. Можно полагать, что была и еще причина: глубокое *уважение* русского народа к *монашеству*, стремление подражать и приобрести к его молитвенному подвигу в церковном Богослужении.

«Монах есть *непрестанный свет в очах сердца*. Монах есть тот, кто имеет такой же навык к *добродетелям*, какой другие к страстям. Монах есть *бездна смирения*, в которую он низринут, и в которой потопил всякого злого духа...» Это — из «Лествицы» преподобного Иоанна. Мы преклоняемся пред монашеским идеалом христианской жизни. На этом своем особенном пути монахи установили для себя свой особенный строй *молитвы* — да, очень многословной, очень утомительной молитвы. В Студийском и Иерусалимском типиконах была специальная должность «будильщика», который ходил по рядам молящейся братии. «Молитва за мир», — так уже почти в наше время определял призвание монашества старец Силуан. Для такого монаха, посвятившего жизнь молитве, церковное Богослужение, как и келейное правило, — это аскеза, труд, борение, подвиг, изредка венчаемый моментами духовных озарений... И не нам учить монахов, как им молиться — какое должно у *них* быть церковное Богослужение.

Но каждому свое. Вот пришел («забежал») в храм наш современник, чтобы отдохнуть и укрепиться душою

в своем особенном «мирском», семейном, общественном служении. Можно ли спрашивать с него монашеского многословно-молитвенного подвига, можно ли предлагать ему такое церковное Богослужение, которое будет для него только трудным испытанием терпения? — Никким образом. Из глубокой древности доносится к нам суждение *монаха* о том, каково должно быть у нас, у мирян, церковное Богослужение. В упоминавшейся выше (заметка 18) статье проф. Н. Д. Успенского цитирован памятник V века, в котором идет речь о бывшем тогда принципиальном различии в монашеском и мирском отношениях к церковному Богослужению. Послушник жаловался игумену, что старец не позволяет ему петь в келье. Игумен, уговаривая инока не покидать старца, сказал ему, что церковное пение прилично мирским священникам — *«чтобы привлечь народ в храмы»*... Таково *наше* призвание, которого мы *не исполняем*.

Будущие формы церковного Богослужения должны быть *привлекательны* — и в этом качестве они должны быть *разнообразны*. Среди них может оставаться и нынешняя наша полумонастырская очень многословная, очень утомительная форма, которая тем не менее еще и сегодня достаточно привлекательна для определенной части народа. Но она не может быть монопольна. Вероятно, здесь правильна будет аналогия с многообразием направлений в искусстве... Где-то у бл. Августина есть выражение, что *разнообразием украшается Церковь Христова*.

«...Мы не в состоянии были прийти в себя от усталости, и наши ноги подкашивались. Да поможет нам Бог докончить эту неделю. По-видимому, ноги у них из железа, однако в стране русских нет иной заметной болезни, как только подагра и неизлечимая боль в ногах, начиная с царей и кончая бедняками, — все это происходит от продолжительного стояния в церквях...

Мы умирали от усталости, ноги наши подкашивались от непрерывного стояния с раннего утра до вечера. Но мир Божий да почитет на мирянах, мужчинах и женщинах, детях и девушках за их терпение, и стояние, и твердость с раннего утра и до сих пор...

Вещи, достойные изумления! Каких удивительных обычаев и поразительных подвигов мы были свидетелями среди этого народа! Что за крепость в их телах и какие у них железные ноги. Они не устают и не утомляются. Всевышний Бог да продлит их существование»...

Страстная неделя в Москве.

*Из воспоминаний архиепископа Павла Алеппского
(посетившего Русь с патриархом Антиохийским*
при царе Алексее Михайловиче)*

«Молитва ногами»... Русские смиренно приняли с Востока чужие уставы и взялись так прилежно их исполнять, что гости с Востока сами не могли этого вынести. Исстари русский народ смотрел на церковное

* Макарий, участвовал в Соборе 1666–1667 гг.

Богослужение как на некий благочестиво-утомительный физический подвиг.

В нашем духовенстве и до сих пор еще действует некая как бы даже установка на «изнеможение» народа в храме. Показательны в этом отношении паремии на вечернях под Рождество, под Богоявление, в Великую Субботу. Они положены были когда-то затем, чтобы занять внимание народа на то время, пока духовенство уходило из храма, чтобы совершать Крещение новых христиан. Ныне духовенство отсиживается себе в алтаре, а народ томится на ногах, слушая совершенно непонятное церковно-славянское чтение паремий. Ну, можно было бы для соблюдения стиля прочесть получше две-три паремии с торжественным пением положенных припевов в алтаре и с народом. Но нет — мы читаем восемь, тринадцать, пятнадцать паремий до полного изнеможения.

Другой пример — всенощная под Воздвиженье. Вынос креста совершается после Великого славословия, сюда перемещается центр службы. Надо бы по возможности перед этим ее ускорить, облегчить ожидание выноса, после которого предстоит ведь еще долгое прикладывание ко кресту... Но нигде этого не делают.

А однажды я пришел ко всенощной под Воздвиженье и услышал... *акафист*, который читали в алтаре. Так я выноса креста и не дождался, хотя было уже около девяти часов вечера. Народ продолжал терпеливо стоять; но я как-то совсем не умилился от такого его терпения. Напротив, оно внушает тревожные мысли.

«...Я хочу сказать дальше, что даже и в храме я одинок. Не берусь давать характеристику современной церковности в целом, но могу передать мои непосредственные личные впечатления. Здесь одни женщины, сплошное женское царство. Вероятно, вы возразите словами ап. Павла, что во Христе нет уже ни мужского пола, ни женского. Но у нас получается так, что в Церкви нет мужского пола, а есть только женский. Редкие мужчины здесь либо вертятся около церковной казны, либо эксцентрики и обломки (вроде меня). И даже те мужчины, которые призваны руководить церковностью — священники, — и те заметно подпали под влияние женского пола. Просто невозможно уже слушать проповеди — так явно неискренне приспособляются они к самому что ни на есть бабьему восприятию. Невозможно представить, как могла бы слушать такую проповедь даже самая блажелательно настроенная мужская аудитория.

Много хороших слов было сказано о древней красоте православного церковного Богослужения — а я этой красоты что-то не вижу, не понимаю. В частности, пение: чем слабее и никудышнее составы певческих хоров, тем более они почему-то хватаются за разные трюки в исполнении песнопений, и слушать это бывает мучительно, мучительно, я подчеркиваю это. Диаконские прошения однообразны, псаломнические чтения непонятны и крайне утомительны. Каждый раз меня поражает терпение, с которым

этот женский народ, белые платочки, выстаивают длинные службы. Мне это не подходит, ничего не поделаешь. И с грустью я выхожу из храма.»

Из письма, 1961

«Женская церковь». Как правило, эти простые русские христианки принимают нашу литургическую данность совершенно без критики, не задумываясь ни о каких исправлениях. Для них все в храме Божиим хорошо. «Мне в церкви все время плакать хочется, почему — не знаю»... «Когда долго не побываешь в церкви, то душа черствеет».

Этот женский церковный народ *не заставляет* нас думать об улучшении Богослужения, и это успокаивает недобросовестных служителей. Среди духовенства есть три вида отношения к народу. Одни и сами из него не выделяются по своей простоте. Другие понимают, что не все у нас ладно, и стараются по возможности поставить церковное Богослужение на доступную им высоту — для себя и для народа, который они искренне уважают, благочестие, смирение, терпение которого их вдохновляет... Третьи смотрят на верующих женщин свысока, насмешливо называют их «бабками» (Ленинград), которым нетрудно потрафить — и исполняют свое ремесло как-нибудь, как придется. Замечено, что такое отношение к родному народу и к священному служению несет в себе духовный упадок и нравственное разложение. Одна выдающаяся христианка со сдержанным возмущением сравнивала свой научный коллектив и духовенство большого городского храма, который она

посещает. На работе у нее — непреременные постоянные, повседневные улучшения, предельная лаконичность изложения, высокая требовательность к себе. В храме же — все настолько привычно, что уже не воспринимается вниманием, даже в проповеди «заранее известно все, что будет сказано»; служба «тянется», на всем печать какой-то духовной несобранности, просто лени: даже и молодые служители «совершенно не прогрессируют в развитии, даже хотя бы только в дикции»; и вообще «такого отношения к делу в науке не потерпели бы»... Циники не подозревают, что среди «бабок» стоит свидетельница великого обвинения.

78

Из памятных наблюдений:

Челябинск, 1947. На епархиальном совещании духовенства один протоиерей предложил преподавать Причастие по биркам или талончикам, полученным на Исповеди.

Челябинск, 1948. Здесь кафедральный протоиерей завел такой чин: когда он возглашает на всеобщей «Слава Тебе, показавшему нам свет» — в алтаре внезапно включается усиленный электрический свет.

Свердловск, 1950. Здесь диакон на сугубой ектении при возглашении: «Труждающихся, поющих» — делает реверанс в сторону певчих.

Ленинград, 1953. Некто из архиереев заказал «достать» ему греческий и латинский тексты возглаше-

ния «Призри с небесе, Боже...» Он будет говорить это сначала на славянском, а потом еще на две стороны на незнакомых ему языках.

Ленинград, 1953. В переполненном Преображенском соборе священник говорит на всенощной праздничный отпуст: «молитвами... честнаго и славнаго Ея Введения...» Сам слышал.

Ленинград, 1953. В одном из сельских приходов я совершил в Успение крестный ход вокруг храма. После службы подходит староста и говорит, что нужно совершить еще «заказной» крестный ход, за что уже получены деньги — 50 рублей.

— ???!!!

— А у нас бывает, что так по несколько раз ходят священники вокруг храма, если кто отдельно заказывает.

Ленинград, 1954. Во время каждения храма на всенощной в семинарии женщина подала мне рубль. Я подивился, но приезжий диакон-заочник, кажется, из Ростова-на-Дону, высказал предположение, что эта женщина, верно, тоже приезжая: у них на юге духовенство действительно собирает с молящихся деньги во время каждения.

И тому подобное. Такие примеры современного новаторства я запоминал и записывал с чувствами не только грусти, но и некоторого горького утешения. Я утешал себя тем, что при таких явлениях сегодня не может быть и речи о какой-либо «свободе творчества» в русском церковном Богослужении, и что, стало быть, совершенно права наша иерархия в своей консерватив-

ности. Да, пока «видимая» Церковь состоит у нас из старушек и неинтеллигентных священников — нам надлежит только сохранить, только сохранять в неприкосновенности нам преданное, пусть, и не во всем совершенное церковное Богослужение. Смиренная душа найдет в нем сокровища для духовной жизни; хороший священник пробьется к сердцам прихожан; интеллигент зайдет в год раз — и умилится... Так должны мы продержаться до лучших времен — когда образованная часть русского общества всерьез повернется к Церкви.

Но нельзя, оказывается, законсервировать все в полной неподвижности. Художества единичных эксцентриков в конце концов не прививаются; но в более широком плане литургическое развитие и сегодня продолжается. В каком направлении? Можно назвать положительными приобретениями (хоть и не доведенными до нужного совершенства) Общую Исповедь, всенародное пение Символа веры, Молитвы Господней на литургии... Во многом же остальном надо признать, что литургическое развитие совершается в общем с отрицательным знаком снижения церковной культуры.

Изучая происхождение таких отрицательных новшеств последнего времени, всякий раз непременно встречаешься с фактором либо нерадения, либо недостаточной церковной культуры у самих церковных руководителей. Не случайно, что именно в архиерейском ритуале появляются в первую очередь эти скверные новости. Вот диакон при возгласении на ектении имени архиерея делает ему реверанс. Это нововведение —

совсем недавнего происхождения. Почему архиереи ему не воспротивятся?.. Или взять еще для примера эту новую манеру диаконов кричать прошения на литии. Я хорошо помню, что это произносилось тихо, помнят это и архиерей, и протоиерей, слушающие безобразный крик, да и по самому происхождению своему, они должны знать это, вечерняя лития должна носить нарочито тихий, приглушенный характер. Когда появились первые новаторы-крикуны, это было в двадцатых годах, архиереи могли решительно остановить это — и не было бы сегодня этого искажения литии. Или такое нововведение последнего времени как акафист на всенощной. «Акафист?... Не благословляю — не положено». Стоило проявить такую непреклонность — и не была бы испорчена русская всенощная. Труднее бороться с пошлыми напевами; но и тут возможны увещания, настойчивые рекомендации лучшего. «Сухая корочка» отступила бы перед активным сопротивлением. Но если сопротивления в самом начале нет — дурное новшество быстро «прилипает», к нему привыкают, оно становится традицией, от которой уже труднее будет освободиться.

79

«...Хоть я и плохо понимаю в деле, а должен сказать, что, как мне кажется, лучше древней „абстрактной“ иконописи ничего еще не создано, и открыли ее совсем не церковные искусствоведы... В храмах за свеч-

ными конторками продаются иконки нового церковного производства. Вот, казалось бы, возможность, при современной-то технике пустить в народ лучшие образцы древней иконы. Хотя бы хорошие цветные репродукции, наклеенные на доски. Но вместо этого мы видим самую низкопробную крашеную фотографию с самых что ни на есть скверных образцов. Собственно, нельзя бы даже и называть иконами эти жалкие базарные изделия. Неужели культура совсем ушла из Русской Церкви?»

Из письма, 1963

Ушла, уходит культура. В Москве есть храм Воскресения в Сокольниках, выстроенный перед революцией. Давно уже я заметил, что все храмы Воскресения — обычно красного цвета, (может быть, по цвету пасхального облачения?). Храм в Сокольниках выполнен в красном кирпиче, это была образцовая, высочайшего качества, лучшая в городе кирпичная кладка. Была — потому что она недавно заштукатурена и храм выкрашен, конечно, в «поднебесный» (голубой) цвет... Это было такое варварство, как если бы оштукатурить и выкрасить в голубой цвет здание Исторического Музея на Красной площади. А внутри — что они наделали, мошенники: живописали на стенах картины, о которых вспоминаешь с негодованием, которым никак бы уж не место в этом храме... И все это проделано на глазах у самого высшего начальства.

Мне все более кажется, что наши декоративные, пышные богослужения должны кончиться, уже кончились внутренне. Они искусственны, не нужны, они не питают более жаждущих душ и должны замениться иными, более активными и более теплыми видами религиозного общения.

Свящ. А. Ельчанинов.
Отрывки из дневника

Сопровождая лютеранского пастора в Ленинграде, я посетил с ним молитвенное собрание наших так называемых «баптистов». Когда я сказал, что это и есть наш русский протестантизм, пастор был явно огорчен, даже обижен: в «баптистах» он увидел карикатуру на свое лютеранство.

Говоря о «баптистах», следует прежде всего воздать должное их практическому служению. Со стороны нашей «православной» инертности мы особенно ценим эту их духовную активность, постоянное стремление *исправить жизнь*, проявить свою веру в повседневном поведении. И как ни парадоксально это звучит, нам должно *поучиться церковности у* этих сектантов. Ибо у них и сегодня есть христианская *община*, духовная и всякая другая *взаимопомощь*, приходское братство... Явления, которые давно уже у нас отсутствуют.

При нашей искренней симпатии к «баптистам» тем более примечательно то непреодолимое отвращение,

которое внушает нам, «церковникам», их установившаяся уже литургическая обрядность. Казалось бы, в наших особых условиях — какое выгодное у них положение: простота собраний, всем понятный язык... Но эта внешняя как будто свобода проповеди и молитвы загнана у них в начетнические и ханжеские штампы, из которых они не могут, да и не хотят выйти. Церковные традиции они отвергли, а сами оказались в плену у традиций провинциальной «штунды» XIX века. Осуждая наше почитание икон и креста, видя в этом языческое идолослужение, они сами проникнуты совершенно идолопоклонническим отношением к ветхозаветной Библии. Проповедь занимает у них место, которого они не в силах заполнить, для этого надо было бы в каждой общине иметь несколько выдающихся ораторов. Таких ораторов у них нет, и даже в Москве их проповедь производит удручающее впечатление. По радио проповедь «баптиста» можно отличить прямо со второй-третьей фразы, так она банально-специфична... Если бы кто-то из них предложил исполнять в собрании какой-либо церковный древнехристианский гимн, например, «Свете тихий» или Великое славословие, — это встретило бы резкий отпор: ведь этого нет в «Гусях»! Так называется у них свой непреложный устав — сборник иностранных, только иностранных песнопений. Некоторые из них в оригинале, может быть, и хороши, но переводы все крайне плохи, иногда просто неграмотны. А в напевах — какая-то выдающаяся бесцветность, прямо удивительная бездарность. Молитва у «баптистов» бывает либо

пресвитерская, скомпонованная из стандартных фраз, либо экзальтированная, импровизированная кем-либо из народа, начинающаяся обыкновенно словами «дорогой Господь»... Слушать это невыносимо. Если бы в городе совсем не было никакого храма, ни нашего, ни католического, — то и тогда я не смог бы посещать молитвенных собраний «баптистов».

Оставляя в стороне вопросы о таинствах, о почитании икон, о молитвах за умерших, — мы имеем у русских «баптистов» исторический опыт литургического обновления. Его разительная неудача объясняется отсутствием у исполнителей церковной и общей культуры. Не знаю, как иностранные, а наши русские «баптисты» представляют собой контингент христиан какого-то специфически сниженного и суженного духовного склада. Один выдающийся современник передавал мне свое впечатление, что когда войдешь к ним на собрание, то чувствуешь себя под каким-то уж очень низким потолком... В Москве был случай, когда одна женщина после долгих колебаний по моему совету решилась — попросила братьев «баптистов» посетить ее больного алкоголика сына. «Баптисты» согласились, но поставили непременное условие: убрать иконы! Оказалось, таким образом, что это — законники, похожие на современников Христа. Вот такое же несвободное и некультурное отношение у них к своему обряду молитвенных собраний. Кто-то сказал, что если бы апостол Павел появился сегодня среди нас, то нашел бы, что молитвенные собрания «баптистов» по внешности наиболее близки первоначальному христианству. Это верно; но столь же

верно и то, что, побывав на таком собрании, апостол бы вышел оттуда в величайшем негодовании.

81

«...Мне по моему бедному разумению кажется, что «соединение церквей» должно совершиться сначала в просвещенном церковном сознании всех. Мы уже достаточно просветились — понимаем, что *разнообразие обрядов* не разделяет, а *украшает* Церковь. С волнением я вхожу в католический храм; я вижу здесь Христа Спасителя, Матерь Божию и святых, Евхаристию — единое, родное христианство, с чертами древности, даже более глубокой, чем у нас (например, открытый алтарь). Мне очень не нравится на собраниях русских протестантов, всяких «баптистов» и прочих; но и там — *Христос*, о Нем они говорят, Ему они молятся и это наши люди, которых не сумела удовлетворить традиционная русская церковность.»

Из письма, 1962

Можно предвидеть интерес русских христиан к католическому церковному Богослужению. Ведь это — традиция, выходящая из общего с нами Источника. Куда же пришла она после двух тысяч лет своего «соседнего» с нами литургического развития? Сегодня можно сделать чрезвычайно полезные сравнения.

Мы входим в католический храм. По внутреннему устройству он близок к древне-христианской базилике:

алтарь открыт... Наш иконостас — плод позднейшего творчества, для нас священного и родного, но очень спорного на будущее. Зачем, какой смысл так загораживать алтарь от верующих? Вместо благоговейных очей народа на святыню «смотрит» *задняя*, неряшливая сторона, «*спина*» иконостаса. Священник у нас скоро привыкает к этому анти-церковному своему одиночеству за иконостасом и, не чувствуя на себе ревнивого к святыне взора молящихся, в некотором смысле опускается: вразвалку стоит, присаживается, разговаривает, сморкается, почесывается, зевает, смотрит на часы... Все эти действия немислимы у католического священника пред открытым престолом. Можно сказать, что на нашем иконостасе совершился отрицательный исторический опыт: желая показать благоговение к алтарю, повысили древнюю алтарную преграду, превратили ее в глухую стену, которой заслонили святилище от церковного народа, — и получили результат *обратный*... Что касается иконостаса с внешней его стороны, то о вкусах не спорят; во всяком случае впечатление от иконостаса не стало бы менее внушительным, если бы он был расположен не впереди, а позади престола. Закрывать же алтарь, когда это нужно, можно по древнему Восточному чину завесой.

В этом древнем католическом алтаре мы не видим галош, пальто, шапок, зонтов, умывальников, зеркала, мыла, одеколона, плевательницы, щетки и прочих отнюдь не литургических предметов, которые обязательно присутствуют у наших престолов. В древности и у нас этого не было, но иконостас, закрывший алтарь от народа, можно сказать, соблазнил нас в этом отношении:

наш *алтарь* представляет теперь почти кощунственное сочетание с вестибюлем, и к этому по необходимости привыкают даже и очень благоговейные священники. Надо же им переодеться, даже и переобуться (не служить же в валенках или в босоножках), умыться, причаститься, провериться в зеркале, поговорить о делах, даже закусить при дежурствах, до недавнего времени, даже и посчитать деньги... Все это делается у нас у престола, во *«святая святых»*. С этим никак нельзя примириться, совершенно необходимо отделить от алтаря внеслужебное пребывание нашего духовенства. Во многих местах это можно сделать уже сегодня.

Служба в костеле еще не началась, ожидающий народ (как и у нас — женский народ!) поет из своих молитвенников гимны на родном языке. Но вот звонит колокол, звучит орган — и из ризницы выходит в сопровождении служителей облаченный священник. Под пение антифонов из Псалма 50 он идет по храму и окропляет народ освященной водою. Не имеет ли это какого-то сродства с нашим приходским обычаем совершать Водоосвящение перед литургией в храмовый праздник? Нужно быть ученым специалистом, историком-литургистом, чтобы разбираться в подобных отдаленных сравнениях. Я же могу только в самых общих чертах сделать сопоставление нашего и католического обрядов в самом главном — в Божественной литургии. Снова звонит колокол, звучит орган. На этот раз священник шествует из ризницы, неся в руках принадлежности Евхаристии. Стоя у ступеней престола, он читает входной псалом и исповедание грехов. Это соответствует покаянным

входным молитвам наших священнослужителей. Поется «входное», изменяемое, как и у нас, по праздникам. Священник поднимается к престолу и читает молитву Входа. У католиков Вход совпадает с началом литургии, у них нет нашей ложной проблемы Малого входа, о которой шла речь выше в заметке 32.

«Кирие, элейсон, Христе, элейсон...» Католики хорошо сделали, что оставили это без перевода, на высоте невыразимого до конца смысла. Наше русское «Господи, помилуй» — слишком грубо по смыслу и крайне неблагозвучно для пения. На этом месте, после Входа, у нас и была великая ектения, от которой осталось сегодня только возгласение «Господу помолимся» пред «Святый Боже» в архиерейской литургии (проф. А. П. Голубцов). Вместо «Святый Боже» католики поют тоже ангельское «Слава в вышних Богу» — и далее древнее Великое славословие, совершенно то же, что и у нас, но без прибавления молитвы «Сподоби, Господи».

Общая молитва, чтение апостольское, «Аллилуйя», чтение Евангелия. Как похожи здесь Западный и Восточный обряды. После распевного чтения Евангелия на латинском языке священник восходит на амвон и торжественно повторяет чтение на родном языке присутствующего народа; и сразу же говорит поучение. Вот от этой древности мы отступили: Евангелие не переводим, проповедь от него оторвали... Не знаю, как в других местах, а в Ленинграде у католиков в последние годы совершилась реформа, распевного апостольского и евангельского чтений по-латыни не бывает вовсе. Евангелие читается на амвоне сразу по-русски. И никого это не

смущает и не возмущает: ведь все равно из латинского чтения никто не понимал ни единого слова.

После проповеди — сразу же — Символ веры. Мы не видим у католиков Великого входа, а то, что могло бы быть принято за проскомидию, совершается у них очень быстро; под тихую музыку органа священник тут же у престола наливает в чашу вино и воду. А после Причащения тут же и ополаскивает чашу... Наш (византийский) чрезвычайно усложненный чин проскомидии образовался только к XIV веку.

Канон Евхаристии. «Господь с вами». «Вознесем сердца». «Благодарим Господа Бога нашего»... Единые для христиан Востока и Запада слова — из самой глубокой священной древности. Первую молитву Евхаристии священник поет громко, на латинском языке — и так же, как и у нас, она переходит в пение Сил Небесных: «Свят, Свят, Свят»... И дальше совершенно те же слова, что и у нас. Затем читается священником тайно под это пение. Перед «Благословен грядый» — пауза и Освящение Даров в торжественном общем молчании. Пение продолжается, затем опять «Господь с вами», краткая молитва и «Отче наш». До реформы Молитву Господню пел священник один, а теперь поет хор с органом и добрая половина народа — так привычны уже стали всем латинские слова этой Молитвы... Как и у нас, священник причащается отдельно, а потом преподает Таинство мирянам. Затем литургия очень быстро заканчивается. Священник преподает последнее торжественное благословение. Складывает принадлежности Евхаристии и под пение гимна уходит в ризницу.

Сопоставляя в этих главных чертах католическую и нашу литургии, можно заметить, что католическая литургия значительно проще. И нам должно оставить невежественное мнение, будто наша литургия «древнее» католической. Как раз наоборот. Вот суждение беспристрастного специалиста: «Римская литургия отличается консервативностью. Она, например, как-то упорно сохраняет свой архаический канон, да и самый ритуал ее потерпел лишь небольшие изменения. Он в чистоте сохраняет основу древне-христианской литургии и не заставляет изучающего ее ломать голову подобно запутанным нашим литургиям восточным» (проф. И. А. Карабинов. Лекции).

Так же, как и у нас, у католиков молитвы священника закрыты от народа; да и когда молитвы читаются вслух — на латинском языке пониманию народа они недоступны. Стало быть, были *общие причины* как на Востоке, так и на Западе закрыть от народа литургию священника. Я писал уже, что причины эти не уважительны (Заметка 40). Но у католиков дело поставлено лучше: они хоть видят все, что совершается. В центральный момент Евхаристии у них — всеобщее благоговейное внимание, абсолютная тишина. А у нас — и в это время торгуют, разговаривают, ходят по храму, даже выходят из храма.

В католическом Служебнике — ноты, по которым поет священник все свои возгласения и молитвы. Там же и картинки, изображающие позу священника в главных моментах литургии. Ноты и позы эти (единые для всех католических священников во всем мире) очень хоро-

ши. Можно возражать против столь единообразной регламентации, но должно признать, что в ней проявлено старательное отношение к церковному Богослужению, и *этому* надо нам поучиться.

Органная музыка — очень большое преимущество католического церковного Богослужения. Кажется, что органа именно и недостает нашему общенародному пению. Орган очень хорош у католиков в паузах, которые он преобразует в минуты прекрасной музыки; так бывает во время приготовлений священника у престола, во время Причащения его и мирян. Думается, что ни один даже и посторонний посетитель католического храма не останется равнодушен к звучанию органа. Опять вспоминаются слова А. П. Чехова в письме из Италии: «А когда слушаешь орган, то хочется принять католичество».

Мы не слышим за католической литургией имени Папы. Казалось бы, догмат о «непогрешимости» должен был отразиться и литургически. Нет — католики поминают Папу и епископа только однажды, да и то в тайной молитве. У нас поминовение патриарха и епископов очень часто. На проскомидии: «Великаго господина и отца нашего...» Ектения: «О великом господине...» Ектения сугубая: «О великом господине...» На Входе: «Великаго господина...» После «Достойно» — опять: «Великаго господина...» Наконец, после отпуста снова: «Великаго господина...» От столь многократного поминовения, напротив, утрачивается его значение.

То же — с жестом крестного знамения. У католиков оно редко, но кажется более одухотворенным. У нас оно

часто, но обычно небрежно. Когда же совершается постарообрядчески размашисто, «истово» — производит совсем не привлекательное впечатление какого-то религиозно-физкультурного упражнения. И проповедники у нас то и дело крестятся, стремясь восполнить этим священным жестом недостаток искренности и подготовки. Очень неловко чувствует себя слушатель, которого вынуждают таким способом тоже креститься из вежливости.

Католики видят тарелку с денежным сбором только однажды и жертвуют всерьез. У нас с тарелочным сбором идет по храму целая процессия с рекламами: «На содержание храма»... «На ремонт храма»... «На украшение храма»... «На содержание хора»... Тарелка или кружка зывают к нам и у Исповеди, и после Причащения, и при целовании креста, и даже на всенощной у благословляющего народ священника. Этим назойливым попрошайничеством мы приучили народ смотреть на него несерьезно: человек положит на первую тарелку пятак и берет сдачу, чтобы положить что-то и на другие тарелки. Тарелочный сбор составляет у нас совершенно ничтожную часть церковных доходов. Почти все наши пожертвования совершаются в форме *купи-продажи*, в храме у нас — *торговля* свечами, просфорами, проскомидией, панихидой, ектениями... К этому все привыкли, и только сравнение с «инославием» заставляет нас призадуматься.

Отрицательные стороны католического обряда — не наша забота. Да католики и сами уже перестали думать, что все у них хорошо и единственно «право-

славно»; и сами они уже признают желательность, даже необходимость для себя литургического обновления. Думается, что завтрашнее Христианство должно будет изучить и использовать все лучшее, что есть и в Восточной, и в Западной формах церковного Богослужения.

Продолжение последует, если читатели этой рукописи проявят интерес к поставленным здесь вопросам и в любой форме (письмо, памятная записка) выскажут свои критические замечания и положительные соображения.

1971

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Божественная литургия, рецензированная по чинам древних литургий митрополита Антонина

Москва, 1923 г.

Божественная литургия

Царские врата открываются.

Диакон: — Благослови, Владыко.

Священник: — Благословенно Царство Отца и Сына, и Святого Духа, теперь и всегда и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Диакон: — В мире Господу помолимся.

Народ: — Господи, помилуй.

Диакон: — О мире свыше, об оставлении грехов наших и спасении душ наших Господу помолимся. О благосостоянии во всех городах святых Божиих церквей и единении между собою всех верующих Господу помолимся.

О Церкви нашей, о народе нашем и стране, о граде нашем, о нашей общине, даровать нам благоденствие и преуспевание и сохранять нас провождающими жизнь в добродетели по вере Господу помолимся.

Об имеющих власть, чтоб под их управлением умножались правда, любовь и благоденствие в стране, Господу помолимся.

О святом храме сем, с верою, благоговением и образом Божиим входящих в него Господу помолимся.

О православном епископстве, верно преподающих слово Господней истины, о священниках, исполняющих священство в чистоте и святости, о диаконах, служащих в благоговении и честности, Господу помолимся.

О всечестном отце нашем (епископе имярек) и о священном клире храма сего, о здравии и спасении их, Господу помолимся.

О подвизающихся в девстве и чистоте, о вдовствующих и сиротах, о живущих в супружестве и чадородии, воспитывающих чад в страхе Божиим, Господу помолимся.

О младенцах и детях Церкви, да усовершит их Господь в страхе Божиим и приведет в меру возраста Церкви Своей на полноту и процветание, Господу помолимся.

О всей полноте Церкви, да сохранит ее Христос Бог и соблюдет всех в православной вере до последнего издыхания, Господу помолимся.

О предстоящих и по благословным причинам отсутствующих братьях наших и прочих православных, где бы они ни были, да будет Христос Бог благостен к ним и защитой воинства святых сил сохранит их, Господу помолимся.

Об успокоившихся отцах и братьях наших, в истинной вере во Христа скончавшихся, тишине и блаженной памяти их, Господу помолимся.

Друг о друге, да сохранит нас Христос Бог и соблюдет Своей милостью до конца, избавит нас от всякого зла, от соблазна людей, творящих беззакония, и введет в Царство Свое Небесное, Господу помолимся.

О благорастворении воздуха, изобилии плодов земных, о временах мирных к довольству жития и благоденствию — Господу помолимся.

Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатью.

Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми призывая, самих себя и друг друга, и все житие наше Христу Богу предадим.

Народ: — Тебе, Господи.

Примечание. Все молитвы священник читает вслух.

Священник: — Господи, Боже наш, Твоя Держава безмерна и человеколюбие неизреченно. Сам, Владыко, по милосердию Твоему, призри на нас и на святой храм сей и окажи нам обильные милости Твои. Ибо Тебе подобает всякая слава, честь и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Поется 1-й антифон. (Пс. 102. Ст. 1, 2, 3, 4, 8.)

Благослови, душе моя, Господа и все силы мои Имя Святое Его.

Благослови, душе моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его. Он прощает все беззакония твои, исцеляет все недуги твои. Избавляет от могилы. Венчает тебя милостью и щедротами. Щедр и милостив Господь. Долготерпив, многомилостив.

Благослови, душе моя, Господа и все силы мои Святое Имя Его. Благословен Ты, Господи.

Малая ектения

Диакон: — Еще и снова в мире Господу помолимся.

Народ: — Господи, помилуй.

Диакон: — Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею Благодатью.

Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Богородицу нашу Владычицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми призывая, сами себя и друг друга и все житие наше Христу Богу предадим.

Народ: — Тебе, Господи.

Священник: — Господи, Боже наш, спаси народ Твой и благослови достояние Твое, полноту Церкви Твоей сохрани любящих благолепие дома Твоего, и прославь их Божественною Твоею Силою и не оставь нас, уповающих на Тебя. Ибо Твоя держава и Твое царство, и сила и слава Отца и Сына и Святого Духа теперь и всегда и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Поется 2-й антифон. (Пс. 145, ст. 1, 2, 5, 10.)

Хвали, душа моя, Господа.

Малая ектения

Священник: — Даровавший нам общие и согласные молитвы, обещавший двоим или троим, согласившимся во Имя Твое, исполнять прощения, Сам и ныне исполни прощения тружеников Твоих, доставляя нам и в настоящем веке разумение жить по правде и в будущем жизнь вечную даруя.

Ибо Ты благой и человеколюбивый Бог и Тебе славу воссылаем Отцу и Сыну и Святому Духу теперь и всегда и во веки веков.

Аминь.

Народ: — Во царствии твоём помяни нас, Господи.

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блажены плачущие, ибо они утешатся.

Блажены кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они сынами Божиими нарекутся.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны вы, когда будут поносить и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.

Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах.

Малый вход

Диакон: — Господу помолимся.

Народ: — Господи, помилуй.

Священник: — Владыко, Господи Боже наш, оставивший на небесах сонмы ангелов и архангелов и служение Твоей славе. Да будет со входом нашим вход святых ангелов — сослужащих нам и сославословящих Твою благодать. Ибо Тебе подобает всякая слава, честь и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу теперь и всегда и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Диакон: — Благослови, Владыко, святой вход.

Священник: — Благословен вход во святой алтарь теперь и всегда и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Диакон: — Возденьте руки ваши в святилище и благословите Господа.

Народ: — Приидите, поклонимся и припадем ко Христу, Сыне Божий, воскресший из мертвых, спаси нас, поющих Тебе.

Аллилуйя.

Тропари (при архиерейской службе выклички).

Диакон: — Господу помолимся.

Священник: — Боже Святый и достохвальный, Крепкий и Бессмертный, во святых почивающий и благочестивых сердец не оставляющий, в трисвятой песни воспеваемый Серафимами и славословимый Херувимами, поклонением почитаемый всеми небесными силами. Удостоивших нас, смиренных и недостойных тружеников Твоих, в час сей предстать — пред Лицем Твоим и должное Тебе поклонение и славословие приносить.

Сотвори так, чтобы возносили Тебе не только небесное песнопение, но и чистоту души, и заменяли, как песнь, так и место ангелов, даруй, чтобы мы, употребляя песнопение горных сил и Твое прославление, приобрели и любовь и добрую жизнь через исправление и дай нам во благодати служить Тебе все дни жизни нашей во молитвах святой Богородицы и всех святых, от века Тебе благоугодивших, ибо Ты Свят, Боже наш, и Тебе славу мы посылаем Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и всегда.

Диакон: — И во веки веков.

Народ: — Аминь.

Народ: — Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас (*трижды*).

Слава и ныне, Святый Бессмертный, помилуй нас.

Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас.

Архиерейский возглас: Приинкни с неба, Боже, и воззри, и посети этот виноградник. И будь покровом над тем, что насадила десница Твоя.

Диакон: — Внимание.

Священник: — Мир всем.

Чтец: — И духу Твоему, Прокимен, глас...

Народ: (*Поет прокимен.*)

Чтец: — К ... послание Святого Апостола Павла чтение.

Диакон: — Внимание.

Чтец читает Апостола, по окончании которого:

Народ: — Аллилуйя (*трижды*).

Диакон: — Благослови, Владыко, благовестителя Святого, славного всехвального Апостола и Евангелиста (имя) да даст тебе, благовествующему, многую силу к действию Евангелия возлюбленного Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа.

Диакон: — Аминь.

Священник: — Мир всем.

Народ: — И духу твоему.

Диакон: — От (имя) Святого Евангелия чтение.

Народ: — Слава Тебе, Господи, слава Тебе.

Диакон: — Внимание.

(*Читает Евангелие, по окончании которого.*)

Народ: — Слава Тебе, Господи, слава Тебе.

Диакон: — Воззовем все от всей души и от всего помышления нашего воззовем.

Народ: — Господи, помилуй.

Диакон: — Господи, Вседержитель, Боже отцов наших, молимся Тебе, услышь и помилуй.

Народ: — Господи, помилуй.

Диакон: — Помилуй нас, Боже, по великой милости Твоей, молимся Тебе, услышь и помилуй.

Еще молимся о недугующих братиях наших, да избавит их Господь от болезни и немощи и возвратит здоровыми Церкви Своей.

Еще молимся о всякой душе христианской страждущей и бедствующей, в милости и помощи Божией нуждающейся, даровать ей ослабу и избавление. Еще молимся о враждующих и ненавидящих нас, да умягчит Господь ярость их и рассеет гнев их против нас, и о друзьях наших, которых мы знаем и которых мы не знаем, да помянет их Господь в благости Своей и явит им милосердие Свое.

Еще молимся о всех, заповедавших нам поминать их в молитвах и прошениях наших, да избавит их Христос от всякого зла.

Еще молимся о путешествующих, привести их на место благополучно, возвратиться к родным радующимися и здоровыми. О находящихся в плену и ссылках, в темницах и во узах, помиловать их и избавить всех.

Еще молимся о делающих приношения и творящих добро во святых церквах, в общине нашей, дающих бедным милостыню, да вознаградит их всеблагий Бог пренебесными Своими Дарами и ниспошлет благодать благословения на все их дела.

Еще молимся о блаженных и приснопамятных создателях святого храма сего и о всех, прежде почивших, отцах и братиях наших, здесь лежащих и повсюду, православных.

Еще молимся о трудящихся и служащих во святом храме сем, поющих и предстоящих людям, ожидающих от Бога великой и богатой милости.

Священник: — Господи, Боже наш, прими усердное моление сие от Твоих тружеников и помилуй нас по множеству милости Твоей и ниспошли щедроты Твои на нас и на весь народ Твой, ожидающий от Тебя обильной милости... Ибо Ты милостивый и Человеколюбивый Бог и Тебе славу воссылаем, Отцу и сыну и Святому Духу, теперь и всегда и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Ектения

Диакон: — В наступающий час жертвоприношения еще в мире Господу помолимся.

Народ: — Господи, помилуй.

Диакон: — Да примет приношения сердца нашего, простит грехи наши и помилует нас, Господу помолимся.

Народ: — Господи, помилуй.

Священник: — Благодарим Тебя, Господи Боже сил, и сподобившего нас предстать и ныне пред святым Твоим жертвенником и припасть к щедротам Твоим о наших грехах и грехах людского неведения. Прими, Боже, молитву нашу, сделай нас достойными приносить Тебе молитвы и моления и бескровные жертвы от лица всего народа Твоего.

И нас, поставленных Тобою на эту службу, содейлай способными силою Святого Духа Твоего неосужденно и непреткновенно, с чистым свидетельством совести нашей, призывать Тебя на всяком месте, дабы, внимая нам, Ты был милостив к нам по множеству благодати

Твоей. Ибо Тебе подобает всякая слава, честь и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу теперь и всегда и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Диакон: — Еще и снова взыдут молитвы наши и прошения наши к Престолу Господня владычества.

Народ: — Господи, помилуй.

Диакон: — Да дарует нам Господь в вере и правде — подвизаться в добрых делах и преуспевать в исполнении Святой воли Его.

Народ: — Господи, помилуй.

Священник: — Опять и многократно припадем к Тебе и молимся Тебе, благой и человеколюбивый, дабы Ты — призрев на моление наше — очистил наши души и тела от всякой скверны плоти и духа и даровал нам неповинное и неосужденное стояние перед святым Твоим жертвенником. Даруй же нам, Боже, преуспевание в жизни и в вере и в наставлении духовном. Дай нам, чтобы мы со страхом всегда и любовью служа Тебе, неповинно и неосужденно причащались Святых Твоих Таин и сподобились небесного Твоего Царства.

Дабы мы, под державою Твоею всегда хранимые, Тебе славу воссылали Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Херувимов таинственно изображающее и Животворящей Троице трисвятую песнь воспевающе, всякое ныне житейское отложим попечение.

(Во время пения священник молится тайно, а диакон совершает каждение.)

Священник: — Никто из связанных плотскими похотями и наслаждениями недостойн приступить или приближаться или служить Тебе, Царю славы: ибо служение Тебе велико и страшно самим небесным силам. Однако, по неизреченному и безмерному Твоему человеколюбию Ты непреложно и неизменно сделался человеком и стал Архиереем нашим и предал священнодействие сей литургийной и бескровной жертве, как Владыка всего. Ибо Ты один, Господи Боже наш, владычествуешь небесным и земным, на престоле херувимском носимый, Господь Серафимов и Царь Израиля, Един Святой и во святых почивающий. Посему, умоляю Тебя, единого, благого и благопослушливого, призри на меня, грешного и непотребного труженика Твоего, и силою Святого Духа соделай меня, облеченного благодатью священства, достойным предстать пред сею Святой Твоей Трапезой и священнодействовать Святое и Пречистое Твое Тело и драгоценную Кровь. Я прихожу к Тебе, преклонив свою главу и молю Тебя, не отврати лица Твоего от меня и не отвергни из служителей Твоих меня, но удостой, чтобы Дары сии и от меня были принесены, смиренного и грешного и недостойного служителя Твоего. Ты — приносящий и приносимый, принимающий и раздаваемый, Христе Боже наш, и Тебе славу воссылаем со безначальным твоим Отцом и Пресвятым и благим и Животворящим Твоим Духом ныне и всегда и во веки веков.

Великий вход

Диакон: — Всечестного отца нашего (епископа имярек) и честный клир святого храма сего да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков.

Священник: — Плодоносящих, добротворящих и трудящихся во святем храме сем, общину святого храма сего и вас всех православных христиан да помянет Господь Бог во Царстве Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Дабы принять Царя всех, невидимо ангельскими чинами сопровождаемого. Аллилуйя. (*Трижды.*)

Просительная ектения

Диакон: — Исполним молитву нашу ко Господу.

Народ: — Господи, помилуй.

Диакон: — Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоей благодатью.

Народ: — Господи, помилуй.

Диакон: — Настоящий день провести весь в совершенстве, свято, мирно и безгрешно, у Господа просим.

Народ: — Подай, Господи.

Диакон: — Ангела мира, верного наставника, хранителя душ и телес наших, у Господа просим.

Прощения и оставления грехов и прегрешений наших у Господа просим. Доброго и полезного душам нашим и мира миру у Господа просим. Остальное время жития нашего в мире и покаянии окончить у Господа просим.

Христианской кончины жития нашего, безболезненной и непостыдной и мирной, и доброго ответа на Страшном Суде Христовом просим.

Диакон: — Единение веры и общение Святого Духа — прося, сами себя и друг друга и все житие наше Богу Христу предадим.

Народ: — Тебе, Господи.

Молитва из литургии св. Амвросия Медиоланского

Священник: — Да будет умиловительно и благоприятно Тебе сие приношение, которое мы приносим Тебе о спасении и благосостоянии тружеников Твоих, за кого мы умоляем милостью Твоею и за всех православных христиан, как живых, так и умерших; дабы они по милосердию Твоему сподобились получить прощение грехов и воздаяние вечного блаженства, верного пребывания в хвалах Твоих к славе и чести Имени Твоего, щедротами Единородного Сына Твоего, с ним же Ты благословен со Пресвятым и Благим и животворящим Духом ныне и всегда и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Священник: — Мир всем.

Народ: — И духу твоему.

Диакон: — Возлюбим (облобызаем) друг друга, чтобы единомыслием исповедать.

Народ: — Отца и Сына и Святого Духа, Троицу единосущную и нераздельную, как исповедуем.

Чтец: — Верую во Единого Бога Отца и т. д.

Диакон: — Будем стоять благопристойно, будем стоять со страхом, будем со вниманием святое возношение в мире приносить.

Народ: — Плод (или елей) мира, жертву хваления.

Священник: — Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь Бога и Отца и общение Святого Духа да будет со всеми нами.

Народ: — И со духом твоим.

Священник: — Горе вознесем сердца.

Народ: — Мы ими ко Господу.

Священник: — Будем благодарить Господа.

Народ: — Достойно поклоняться и Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущной и нераздельной.

Священник: — Достойно и праведно Тебя воспевать, Тебя благословлять, Тебя хвалить, Тебя благодарить, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего, ибо Ты — Бог неизреченный, неведомый, невидимый, непостижимый, всегда сущий, одинаковый, Ты и Единородный Твой Сын и Дух Твой Святой. Ты привел нас из небытия в бытие и ниспадших восстановил опять и не перестал совершать все, доколе нас на небо возвел и даровал Царство Твое будущее.

За все сие благодарим Тебя и Единокровного Твоего Сына и Духа Твоего Святого, за все, что мы знаем и чего не знаем, явные и сокровенные благодеяния, бывшие на нас. Благодарим Тебя и за службу сию, которую Ты благоволишь принять из наших рук, хотя Тебе предстают тысячи архангелов и сонмы ангелов, херувимы и серафимы шестикрылатые, многоочитые, превышние, окрыленные.

Победную песнь поющие, внимающие, взывающие и глаголюще.

Народ: — Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, небо и земля полны славы Твоя. Осанна в вышних, благословен грядущий во Имя Господне. Осанна в вышних, благословен грядущий во Имя Господне. Осанна в вышних.

Священник: — С сими блаженными силами, Владыко Человеколюбче, и мы возглашаем и говорим: Свят и Пресвят Ты и Единородный Твой Сын и Дух Твой Святой Свят и Пресвят и великолепна Слава Твоя.

Ты мир так Твой возлюбил, что Сына Своего Единородного отдал, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Он пришел, и все устроение исполнив, в ночь, в которую был предан, скорее Сам Себя предал ради жизни мира, взяв хлеб во святые Свои и Пречистые непорочные руки, благодарив и благословив, освятив, преломив, преподал святым Своим ученикам и Апостолам, сказав:

Приимите, едите, оно есть Тело Мое, за вас ломимое во оставление грехов.

Народ: — Аминь.

Священник: — Также и Чашу, после вечери взяв и растворив в ней вино и воду, благословил и, освятив, преподал Святым Своим ученикам и апостолам и сказав:

Пейте из нее все, сия есть Кровь Моя Нового завета, за вас и многих проливаемая во оставление грехов.

Народ: — Аминь. Отче наш, отдавший Сына Своего на смерть за нас, ради излиянной Крови Его, помилуй нас.

Священник: — Сие творити в мое воспоминание, ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете Чашу сию, Мою смерть возвещаете, Мое воскресение исповедуете.

Народ: — Смерть Твою, Господи, возвещаем, воскресение исповедаем и второго пришествия Твоего ожидаем. Да будут, Господи, милости Твои на нас.

Священник: — Итак, Владыко, вспоминая сию спасительную заповедь и все ради нас совершается: Крест, роб, тридневное воскресение, на небеса вознесение, второе и славное опять пришествие.

Твое из Твоего, Тебе приносяще, о всех и за все.

Народ: — Тебя воспеваем, Тебя благословляем, Тебя благодарим, Господи, и молимся Тебе, Боже наш, пожалей и помилуй нас.

Диакон: — Великий и святой час: Живый и Святой! Дух нисходит с горных небесных высот и почиет и пребывает на сей предложенной Евхаристии и освящает ее. Помолимся в благоговении.

Народ: — Господи, помилуй. (*Трижды.*)

Священник: — Приносим Тебе сию словесную и бескровную службу и просим, молим и умоляем: Господи... Пресвятого Твоего Духа в третий час Апостолом Твоим ниспославший, Того, Благий, не отыми у нас, но обнови нас, молящихся Тебе, и ниспошли Его со святой высоты Твоей из неописанных недр на предлежащие дары сии.

Диакон: — Боже, создай во мне чистое сердце и дух правый обнови внутри меня.

Священник: — Господи, Пресвятого Твоего Духа...

Диакон: — Не отвергни меня от Лица Твоего и Духа Твоего Святого не отними от меня.

Священник: — Господи, Пресвятого Твоего Духа...

Диакон: — Благослови, Владыко, Святый хлеб...

Священник: — И сотвори хлеб сей честным Телом Христа Твоего.

Народ: — Аминь.

Диакон: — Благослови, Владыко, Святую Чашу...

Священник: — А то, что в Чаше — честною Кровью Христа Твоего.

Народ: — Аминь.

Диакон: — Благослови, Владыко, обое.

Священник: — Преложив Духом Твоим Святым.

Народ: — Аминь. (Трижды.)

Диакон: — Помяни меня, святой Владыко.

Священник: — Да помянет тебя Господь Бог во Царствии Своем теперь и всегда и во веки веков.

Диакон: — Аминь.

Священник: — Да будут Дары сии для причащающихся к плодотворности добрых дел, в бодрость души, во оставление грехов, во общение Святого Твоего Духа, к достижению царства, к дерзновению перед Тобой, не в суд или во осуждение. Еще приносим Тебе сию словесную службу и жертву хвалы, имея через Христа общение и — ублажая Праотцов, Отцов, Патриархов, Пророков, Апостолов, Проповедников, Евангелистов, Мучеников, Подвижников и всякого праведника, в вере достигшего совершенства. Особенно же, Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу Нашу Богородицу и Приснодеву Марию.

Народ: — Достойно ублажить тебя действительную Богородицу, присноблаженную и непорочную и Матерь Бога Нашего. Честнейшую Херувимов, Славнейшую без сравнения Серафимов, без истления Бога Слово родившую, сущую Богородицу Тебя величаем.

Священник: — Еще приносим Тебе словесную сию службу и жертву хвалы, ублажая Святого Пророка Предтечу и Крестителя Иоанна, святых, славных и всехвальных Апостолов, Святого (храма и дня), его же память ныне совершаем и всех святых Твоих, их же молитвами посети нас, Боже ты, Господи, принял их в сонм святых Твоих, в славные, невестественные и превышние обители.

Сотвори, Блаже, и нас участниками их в Церкви перво-родных. И так как они, подражая Твоему всехвальному милосердию и любви Твоей к роду человеческому, возносят Тебе за нас непрестанные прошения и моления, то и мы воспоминанием призываем их, дабы нам под кровом памяти и ходатайства через них иметь смелость приступить к Тебе и совершать сие страшное и всяческое служение. Очисти же наши грехи, как ради их святых молитв, так ради Святого Твоего Имени, которое наречено на нас.

Народ: — Аминь.

Диакон: — Еще поминаем всех усопших верных, в истинной вере скончавшихся, почивших и перешедших к Тебе, Богу духов и всякой плоти. Просим, припадаем и молим Тебя, Христе Боже, принявшего к Себе их души, по множеству милосердия Твоего яви их оправданными, получившими оставление согрешений и отпущение грехов.

Народ: — Господи, помилуй. *(Трижды.)*

Священник: — Помяни, Господи, также прежде почивших священнослужителей и всех, трудившихся в церквах, отшедших от сей жизни, даруй им упокое-ние, избавь от будущего вечного осуждения и сотвори их достойными радостей во Свете Лица Твоего, через Господа нашего Иисуса Христа, Единородного Сына Твоего, через которого и мы надеемся получить помило-вание и прощение грехов, даруемые нам и им ради Его.

Народ: — Господи, помилуй. *(Трижды.)*

Священник: — Помяни, Боже, всех усопших в над-ежде воскресения и жизни вечной и всех их души упо-кой в обителях Святых Твоих, даровав им в царстве

Твоем обещанные Тобою блага, каких глаз не видел и ухо не слышало и на сердце человеку не приходило, какие Ты, Боже, уготовал любящим Имя Твое. *(Тут молящиеся творят про себя поминание.)*

Помяни, Господи, имена всех тех, имена которых мы перечисляем, и тех, которые не приходят нам на память. Их души упокой, где ласкает Свет Лица Твоего. Даруй им место прохлады, света и мира через Христа Бога нашего.

Народ: — Упокой, Боже, их, помилуй и прости согрешения всех нас.

Священник: — Еще молим Тебя, помяни, Господи, всякое епископство православных, верно преподающих слово Твоей Истины, всякое пресвитерство во Христе, диаконство и весь церковный чин и всякую службу на благо церкви Твоей.

Еще приносим Тебе сию словесную службу о вселенной, о святой, соборной и апостольской Церкви, пребывающих в чистоте и честной жизни, о всех предстоящих, вера и любовь которых известна Тебе и благочестие ведомо Тебе, за которых мы приносим Тебе сию жертву хвалы или которые приносят Тебе моление за себя и за всех своих же близких, за избавление душ своих, за надежду спасения, и благополучия своего.

Дай нам, Господи, проводить тихую и безмятежную, во всяком благочестии и чистоте, жизнь.

Во-первых, помяни, Господи, всечестного отца нашего епископа (имярек), даруй его святой Твоей церкви в мире, целым, честным, здравым, долгоденствующим, верно преподающим слово Твоей Истины.

Народ: — И верных всех.

Священник: — Помяни, Господи, город, в котором мы живем, и всякий город и страну, и верою живущих в них. Помяни, Господи, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, в темницах заключенных, в изгнании пребывающих, лишения терпящих, бедствующих всех, нуждающихся в Твоей помощи, Господи, помоги всем, терзающимся скорбями и тяжкими недугами и спаси их. Находящихся в нуждах избавь, голодных напитай, вдов поддержи, сирот защити, малодушных утешь, заблудших обрати, омраченных просвети, колеблющихся утверди, больных уврачуй всех, Благий, приведи на путь спасения. Нас же всех — очисти от беззаконий наших, став защитником и Покровителем нашим во всем.

Помяни, Господи, творящих приношения и делающих добро во святых Твоих церквах и заботящихся о бедных... Приими их жертвы, велики они или малы, тайны или явны, и тем, которые хотели бы принести, но не имеют откуда взять, вместо тленного нетленным, вместо земного небесным, вместо временного вечным. Благослови их духовными благословениями, утешь их неоскудевающими же благами и надеждою обетований данных Святым Твоим.

Помяни, Господи, всех заповедавших нам поминать в молитвах их, о ком мы всегда совершаем поминание и кого каждый из нас имеет в уме, и тех, поминовение которых мы совершаем сегодня. Будь им стеною крепкою и утверждением от злых людей. И на всех нас милости Твои ниспошли.

И дай нам едиными устами и единым сердцем прославлять и воспевать всечестное и великолепное имя

Твое, Отца и Сына и Святого Духа теперь, всегда и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Священник: — И да будут милости Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми нами.

Народ: — И со духом твоим.

Ектения

Диакон: — Всех святых помянувше, снова и еще в мире Господу помолимся.

Народ: — Господи, помилуй.

Диакон: — О принесенных и освященных честных Дарах Господу помолимся.

Очиститься нам от всякой скверны и нечистоты, мстительности, зависти и злопамятования и неосужденно небесные и бессмертные принять Дары Господу помолимся.

Да взойдет приношение наше на горный жертвенник — пред Лицо Божественного величества — и будет благоприятно и умилоостивительно и низведет нам милосердие Божие, помолимся.

Человеколюбец, Бог наш, приняв Дары сии во святой и пренебесный и мысленный свой жертвенник, как аромат духовного благоухания, да ниспошлет нам Божественную Милость и дар Святого Духа, помолимся.

Да будут Святые Дары всем, принимающим их, к утверждению веры, нелицемерной любви, совершенного терпения, твердой надежды, уверенности, ограждения здоровья, радости и обновления духа и крепости тела к исполнению благодати и всякого небесного благословения, помолимся.

Народ: — Господи, помилуй.

Диакон: — Дабы, насытившись Божественного Дара и Святых Тайн, обновиться нам житьем своим в блаженное общение жизни вечной и нетленной и во оставление грехов, помолимся.

Народ: — Господи, помилуй.

Диакон: — Святые Тайны да дарует нам небесное врачество и очистят пороки сердца нашего, помолимся.

Народ: — Господи, помоги нам.

Диакон: — Святые Дары да исполнят нас и духовной пищей и телесною помощью да послужат нам, помолимся.

Народ: — Господи, сотвори так.

Диакон: — Единение веры и общение Святого духа испросившие, сами себя и друг друга и все наше житье Христу Богу предадим.

Народ: — Тебе, Господи.

Священник: — Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отче щедрый и Боже всякой утехи, носимый херувимами и прославляемый серафимами, Ему же предстоит сонм ангелов, горное небесное воинство, благоволивший принесенные Тебе от нас честные Дары свершить и освятить Телом и Кровью Христа Твоего, сошествием Святого Духа Твоего освяти, Господи, и наши души, и тела, и сподоби нас, Владыко, иметь смелость с чистым сердцем, светлою душою и без стыда, со дерзновением, неосужденно сметь Тебя призывать, Небесного Бога Отца, и глаголать:

Народ: — Отче наш, пребывающий на небесах, да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя, как на небе, так и на земле. Хлеб наш насущный дай нам сегодня и остави нам долги наши,

как мы оставляем должникам нашим. И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого.

Священник: — Ибо Твое Царство и сила и слава Отца и Сына и Святого Духа теперь и всегда и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Священник: — Мир всем.

Народ: — И духу твоему.

Диакон: — Пред умиловительным жертвенником Господним, пред Телом и Кровью Христа Спасителя нашего — главы ваши преклоните.

Народ: — Тебе, Господи.

Священник: — Благодарим Тебя, невидимый Царь, создавший все неизмеримую Твоею силой и по множеству милости Твоей приведший все из небытия в бытие. Сам, Владыко, призри с небес на преклонивших Тебе главы свои. То, из чего слагается наша жизнь, устрой всем нам во благо соразмерно с собственной нуждою каждого, благодатью и щедротами и человеколюбием Единородного Сына Твоего, с Ним же Ты благословен, со пресвятым и благим и животворящим Твоим Духом, теперь и всегда и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Диакон: — Силы небесные стоят с нами во святилище и совершают служение Тайнам Сына Божия, заклавшегося за нас. Приступите и примите от Него оставление грехов.

Народ: — Аллилуйя.

Царские врата закрываются.

Священник: — Внеми, Господи Иисусе Христе Боже наш из Святого жилища Твоего и прииди освятить нас,

горе сидящий вместе с Отцом и здесь невидимо с нами пребывающий, сподоби державною Рукою Твоею преподать нам Пречистое Тело и Честную Кровь и через нас Твоему народу.

Диакон: — Внимание.

Священник: — Святое Святым.

Народ: — Един Свят, един Господь Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь.

И поется причастный стих.

Диакон: — Со страхом Божиим и верою приступите.

Народ: — Благословен грядущий во имя Господне. Бог Господь, Он явился нам.

Священник: — Спаси, Боже, народ Твой и благослови и достояние Твое.

Народ: — Мы увидели истинный свет, приняли Духа Небесного, обрели веру истинную, нераздельной Троице поклоняемся: Она спасла нас.

Священник. (Тайно): — Благословен Бог наш. *(Потом вслух.)* Всегда ныне и присно и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Да исполнятся наши уста хваления Твоего, Господи, — чтобы нам воспевать Славу Твою, тем, кого Ты сподобил причастить Святых Твоих Божественных Бессмертных и Животворящих Тайн. Соблуди нас в Твоей Святости, весь день научаться правде Твоей.

Аллилуйя.

Ектения

Диакон: — За совершение Святого Таинства и ниспослание благодати Святого Духа возблагодарим Господа.

Народ: — Благодарим Тебя, Боже, вовеки.

Диакон: — За дарованные нам Тело и Кровь Христовы во спасение и блаженной жизни наслаждение благословим Господа.

Народ: — Благословен Ты, Боже, веки.

Диакон: — За то, что мы сподобились приносить перед Его величием Христову жертву и наши моления, прославим Господа.

Народ: — Слава Тебе, Боже наш, Слава Тебе.

Диакон: — Испрашивая прохождение дня свято, мирно и безгрешно, сами себя и друг друга и все житие наше Христу Богу предадим.

Народ: — Тебе, Господи.

Священник: — Ты даровал нам, Владыко, освящение в причащении всесвятейшего тела и драгоценной Крови Единородного Твоего Сына. Сохрани же нас непорочными в жизни и введи в совершенное искупление и усыновление и в будущие вечные наслаждения. Ибо Ты освящение наше и Тебе славу воссылаем Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и всегда и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Священник: — В Мире выйдем.

Народ: — Во имя Господне.

Диакон: — Господу помолимся.

Народ: — Господи, помилуй.

Священник: — Благословляющий благословляющих Тебя, Господи, и освящающий надеющихся на Тебя, спаси народ Твой и благослови достояние Твое. Полноту Твоей Церкви сохрани, освяти любящих красоту Твоего храма. Ты их прославь божественною Твоею Силою и не оставь нас надеющихся на Тебя. Даруй мир Твоему

миру, Твоим Церквам, священникам и всему Твоему народу, ибо всякое доброе даяние и всякий совершенный дар нисходит свыше от Тебя, Отца светов, за то и воссылаем Тебе славу и благодарение и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Да будет имя Господне благословенно отныне и до века. (*Трижды.*)

Священник: — Благословение Господне на вас, Того, благодатию и человеколюбием, теперь и всегда и во веки веков...

Народ: — Аминь.

Священник: — Слава Тебе, Христе Боже наш, слава Тебе.

Народ: — Слава и ныне. Господи, помилуй. (*Трижды.*)
Благослови.

Священник: — Обычный отпуск.

Народ: — Многолетие.

ПРИЛОЖЕНИЕ №2

**Переписка священника Сергия Желудкова
с А. И. Солженицыным по поводу
«Великопостного письма».
Отклики из СССР и из-за рубежа.
Письма к академику А. Д. Сахарову**

1

**ВСЕРОССИЙСКОМУ ПАТРИАРХУ
ПИМЕНУ ВЕЛИКОПОСТНОЕ ПИСЬМО¹
Святейший Владыко!²**

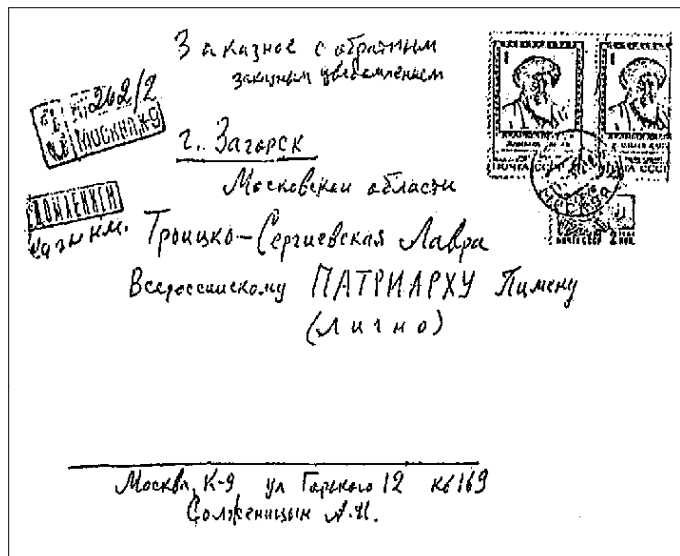
Камнем гробовым ломит голову и разламывает грудь еще не домершим православным русским людям — то, о чем это письмо. Все знают, и уже было крикнуто вслух³, и опять все молчат обреченно. И на камень еще надо камушек положить, чтобы дальше не молчать. Меня таким камушком придавило, когда в Рождественскую ночь я услышал Ваше послание.

Защемило то место, где Вы сказали, наконец, о *детях* — может быть первый раз за полвека с такой высоты: чтобы наряду с любовью к Отчизне родители прививали бы своим детям любовь к Церкви (очевидно, и к вере самой?) и ту любовь укрепляли бы собственным добрым примером. Я услышал это — и поднялось передо мной мое раннее детство, проведенное во многих церковных службах, и то необычайное по свежести и чистоте изначальное впечатление, которого потом не могли истереть никакие жернова и никакие умственные теории.

Но что это? Почему этот честный призыв обращен Вами только к русским эмигрантам? Почему только *тех* детей Вы зовете воспитывать в христианской вере, почему только дальнюю паству Вы остерегаете «распознавать клевету и ложь» и укрепляться в правде и истине? А нам — распознавать? А *нашим* детям — прививать любовь к Церкви или не прививать? Да, повелел Христос разыскивать даже сотую потерянную овцу, но все же — когда девяносто и девять на месте. А когда девяносто девяти подручных нет — не о них ли должна быть забота первая?

Почему, придя в церковь крестить сына, я должен предъявить свой паспорт? Для каких канонических надобностей нуждается Московская Патриархия в регистрации крестящихся душ?⁴ Еще удивляться надо силе духа родителей, из глубины веков унаследованному неясному душевному сопротивлению, с которым они проходят доносительскую эту регистрацию, потом подвергаясь преследованию по работе или публично-му высмеиванию от невежд. Но на том иссякает настойчивость, на крещении младенцев обычно кончается все приобщенье детей к Церкви, последующие пути воспитания в вере глухо закрыты для них, закрыт доступ к участию в церковной службе, иногда и к причастию, а то и к присутствию. Мы обкрадываем наших детей, лишая их неповторимого, чисто-ангельского восприятия богослужения, которого в зрелом возрасте уже не наверстаешь, и даже не узнать, что потеряно. Перешиблено право продолжать веру отцов, право родителей воспитывать детей в собственном

миропонимании, — и вы, церковные иерархи, смирились с этим и способствуете этому, находя достоверный признак *свободы вероисповедания* в том. В том, что мы должны отдать детей беззащитными не в нейтральные руки, но в удел атеистической пропаганды, самой примитивной и недобросовестной. В том, что отрочеству, вырванному из христианства, — только бы не заразились им! — для нравственного воспитания оставлено ущелье между «Блокнотом агитатора» и Уголовным Кодексом.

Конверт письма А. И. Солженицына,
адресованного патриарху Пимену

Патриарх Пимен

Уже упущено полувековое прошлое, уже не говорю — вызволить настоящее, но *будущее* нашей страны — как же спасти? — будущее, которое составит из сегодняшних детей? В конце концов истинная и глубокая судьба нашей страны зависит от того, окончательно ли укрепится в народном понимании *правота силы* или очистится от затмения и снова засияет *сила правоты*? Сумеет ли мы восстановить в себе хоть некоторые христианские черты или дотеряем их все до конца и отдадимся расчетам самосохранения и выгоды?

Изучение русской истории последних веков убеждает, что вся она потекла бы несравненно человечнее и взаимосогласнее, если бы Церковь не отреклась от своей самостоятельности, и народ слушал бы голос ее, сравнимо бы с тем, как например, в Польше. Увы, у нас давно не так. Мы теряли и утеряли светлую этическую атмосферу христианскую, в которой тысячелетия устанавливались наши нравы, уклад жизни, мирозерцание, фольклор, даже само название — *крестьянами*. Мы теряем последние черточки и признаки христианского народа — и неужели это может не быть *главной* заботой русского Патриарха? По любому злу в дальней Африке или Азии русская Церковь имеет свое взволнованное мнение, лишь по внутренним бедам — никогда никакого. Почему так традиционно-безмятежны послания, нисходящие к нам с церковных вершин? Почему так благодушны все церковные документы, будто они издаются среди христианского народа? От одного безмятежного послания к другому, в один ненастный год не отпадет ли нужда писать их

ини В. Куроев
№ 72

ЦК КПСС
28 MAR 1972 09792
ПОДАЕМЫЕ ВОЗВРАТЫ
В ОБЩИЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС

300-1/2
СЕКРЕТНО
ЭКЗ. № 7

8

ЦК КПСС
ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ

Направляется для сведения письмо Солженицына патриарху Московскому и всея Руси Пимену.

В настоящее время от имени Управляющего делами Московской патриархии готовится специальное заявление с разоблачением клеветнических вымыслов автора этого письма для распространения за границей.

Приложение: по тексту.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
Совета по делам религий
при Совете Министров СССР *В. Куроев*
В. КУРОЕВ

Секрет
" 28 " марта 1972 г.
вск. № 52/с

В ОТДЕЛЕ ПРОПАГАНДЫ ЦК КПСС
ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ
№ 300-1/2

В. Куроев
5.11.72.

Письмо председателя Совета по делам религий СССР
В. Куроедова в отдел пропаганды ЦК КПСС

вовсе: их будет не к кому обратиться, не останется пастырей, кроме патриаршей канцелярии.

Вот уже седьмой год пошел, как два честнейших священника, Якунин и Эшлиман, своим жертвенным примером подтверждая, что не угас чистый пламень христианской веры на нашей родине, написали известное письмо Вашему предшественнику. Они обильно и доказательно представили ему то добровольное внутреннее порабощение — до самоистребления, до которого доведена русская Церковь: они просили указать им, если что неправда в их письме. Но каждое *слово* их было правда, никто из иерархов не взялся их опровергнуть. И как же ответили им? Самым простым и грубым: наказав за правду — отвергли от богослужения. И Вы — не исправили этого по сегодня. И страшное письмо двенадцати вятичей также осталось без ответа и только давили их⁵. И по сегодня все так же сослан в монастырское заточение единственный бесстрашный архиепископ — Ермоген Калужский⁶, не допустивший закрывать свои церкви, сжигать иконы и книги запоздало-остервенелому атеизму, так много успевшему перед 1964 годом в остальных епархиях.

Седьмой год, как сказано в полную громкость — и что же изменилось? На каждый действующий храм — двадцать снесенных и разрушенных безвозвратно, да двадцать в запустении и осквернении, — есть ли зрелище более надрывное, чем эти скелеты, достояние птиц и кладовщиков? Сколько населенных мест по стране, где нет храма ближе ста и даже двухсот километров? И совсем без церквей остался наш Север — давнее хранилище русского духа и, предвидимо, самое верное русское будущее.

Всякое же попечение *восстановить* хоть самый малый храм, по однобоким законам так называемого *отделения*, перегороджено для делателей, для жертвователей, для за-вещателей. О колокольном звоне мы уже спрашивать не смеем — а почему лишена Россия своего лучшего голоса? Да храмы ли? — даже Евангелие у нас нигде не достать, даже Евангелие везут к нам из-за границы, как наши проповедники везли когда-то на Индигирку.

Седьмой год — и хоть что-нибудь отстояно Церквью? Все церковное управление, поставление пастырей и епископов (и даже — бесчинствующих, чтоб удобнее высмеять и разрушить Церковь) все так же секретно ведется из *Совета по делам*⁷. Церковь, диктаторски руководимая атеистами, — зрелище, невиданное за два тысячелетия! Их контролю отдано и все церковное хозяйство и использование церковных средств — тех медяков, опускаемых набожными пальцами. И благо-лепными жестами жертвуется по 5 миллионов рублей в посторонние фонды — а нищих гонят в шею с паперти, а прохудившуюся крышу в бедном приходе не на что починить. Священники бесправны в своих приходах, лишь процесс богослужения еще пока доверяется им, и то не выходя из храма, а за порогом к большому или на кладбище — надо спрашивать постановления горсовета.

Какими доводами можно убедить себя, что плано-мерное *разрушение* духа и тела Церкви под руковод-ством атеистов — есть наилучшее *сохранение* ее? Со-хранение — *для кого?* Ведь уже не для Христа. Сохранение — *чем?* *Ложью?* Но после лжи — какими руками совершать Евхаристию?

СССР

ЦК КПСС
4. АПР 1972 10768
ОБЪЕКТ ЗАЩИТЫ
МИРА ЦК КПСС

13

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ МИРА

Адрес: Москва, ул. Крестовническая, 10

Телефон 202-41-71

№ 01450

апреля 1972 г.

Секретно
Экз. №

ЦК КПСС

Ряд зарубежных радиостанций передал клеветническое письмо А. Солженицына, направленное против русской православной церкви и порочащее Патриарха Московского и Всея Руси Пимена за его материальную поддержку, оказанную Советскому движению за мир. Письмо Солженицына объективно преследует цель помешать участию религиозных деятелей в движении за мир.

Считали бы целесообразным выступление в "Литературной газете" о письме группы религиозных деятелей-участников движения за мир.

Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (т. Куроедов В. А.) поддерживает это предложение.

Проект письма, с которым группа религиозных деятелей - членов Советского комитета защиты мира могла бы выступить в "Литературной газете", прилагается.

Просим указаний.

Ответственный секретарь
Советского комитета защиты мира

М. Котов
(М. Котов)

Справка

Тов. Котов своё предложение снял.

Зам. зав. Отделом пропаганды
ЦК КПСС

В. Медведев (В. Медведев)

"9" мая 1972 года.

312. 202-71

Медведев
В. Медведев

312/10

Письмо ответственного секретаря Советского комитета защиты мира М. Котова в ЦК КПСС по поводу письма А. И. Солженицына патриарху Пимену

Святейший Владыко! Не пренебрегайте вовсе моим недостойным возгласом. Может быть, не всякие семь лет Вашего слуха достигнет и такой. Но дайте нам предположить, не заставьте нас думать, что для архипастырей русской Церкви земная власть выше небесной, земная ответственность — страшнее ответственности перед Богом.

Ни перед людьми, ни тем более на молитве не скажем, что внешние пути сильнее нашего духа. Не легче было и при зарождении христианства, однако оно выстояло и расцвело. И указало нам путь: *жертву*. Лишенный всяких материальных сил — в *жертве* всегда одерживает победу. И такое же мученичество, достойное первых христиан, приняли многие наши священники и единоверцы на нашей живой памяти. Но тогда — бросали львам, сегодня же можно потерять только благополучие.

В эти дни коленно спускаясь перед Крестом, вынесенным на середину храма, спросите Господа: какова же иная цель Вашего служения в народе, почти утерявшем и дух христианства и христианский облик?

*Александр Солженицын.
Великий пост, Крестопоклонная неделя, 1972*

2

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Глубокоуважаемый Александр Исаевич, имею честь поздравить Вас со Светлым праздником всечеловеческой Надежды. «О, Пасха! Избавление скорби». Позвольте поздравить Вас также и с получением литературной премии.

Благодарение Богу, Который провел Вас к этому дню через все испытания Вашей удивительной судьбы. Слава Вам и многая лета.

Это пасхальное послание должно явиться также ответом на Ваше «Великопостное письмо Всероссийскому Патриарху». При моем глубоком личном уважении к Вам, я тем более свободен высказать Вам мое *смущение* по поводу этого документа, который может вызвать толкования самые неожиданные даже для самого автора. Должен сказать, что в данном случае Ваша нравственная чуткость в определенном смысле Вам изменила. Вы написали весь мир облетевшее обвинение человеку, который заведомо лишен всякой возможности Вам ответить. В этом отношении Вы *повторили* нравственную ошибку упоминаемых Вами двух известных священников. И Вы повторили их главную ошибку — сказали не всю правду, полуправду.

Полная правда заключается в том, что легальная организация не может быть *островом свободы* в нашем строгоединообразноорганизованном обществе, управляемом из единого Центра. Могут быть разные мнения об историческом значении такой строгоединообразноуправляемой социальной Системы. Самое крайнее суждение — это что у нас гибнет литература и искусство, отстает экономика и наука, вырождается нравственность, глупеет народ... Это крайнее суждение полагает, что судьба России имеет жертвенный смысл. Ценою собственной культуры народ наш защитил Европу от татар, спас весь мир от фашизма; а сегодня на себе испытывает показательный всему миру грандиозный

эксперимент, который не приведет ни к чему хорошему. Так думают одни. Другие, напротив, питают светлые надежды... Мое мнение тут ничего не стоит и его не спрашивают. Но вот что я должен со всей определенностью констатировать. Есть наша строгоединообразно-управляемая Система, и в ней удивительным образом сохраняется инородное ей тело — русская церковная организация. Она существует на весьма строго определенных условиях. Работать над церковным воспитанием детей, да и взрослых — нам *не позволено*, как *не позволено* многое другое, что необходимо для осуществления подлинно церковной жизни. Одно только нам позволено — совершать в храмах церковное Богослужение, причем подразумевается, что это оставлено только для уходящего поколения.

Что же нам остается в такой ситуации делать? Сказать: либо все, либо ничего? Попробовать уйти в подполье, которое в данной Системе немыслимо? Или же как-то вписаться в Систему и воспользоваться пока теми возможностями, которые позволены? Русская иерархия приняла второе решение.

Отсюда и происходит сегодня все то зло, о котором Вы справедливо написали, и все то зло, о котором Вы умолчали. *Но другого выбора не было.* Вы ссылаетесь на католиков в Польше; честь им и слава, но у них ведь совсем, совсем другая история. Вы справедливо пишете о позоре, которого не бывало за две тысячи лет христианской истории. Но ведь никогда, никогда еще не бывало и наших совершенно особых условий человеческого существования.

Такова полная правда. Покойный патриарх Алексий, не имевший возможности ответить на обличения двух священников словом, ответил им делом — запретил им священнослужение и тем поневоле подтвердил их относительную правоту. Хорошо еще, что так обошлось, и именно в бесстрашии двух священников была нравственная красота их выступления, чего никак нельзя сказать о Вашем, извините, удивительно претенциозном документе. Ныне здравствующий патриарх Пимен тоже не имеет возможности ответить на Ваши обличения словом. Вообразим, каким бы мог он ответить Вам делом. Только одним — уйти со своего поста. Но ведь другого на его месте лучше не будет. Да и ничего не мог бы изменить один человек. Итак, все осталось бы по-прежнему. Одним из последствий Вашего обличительного письма будет еще большая дискредитация церковной иерархии в глазах тех, кто не знает всей правды. Не поймите меня ложно — я не призываю Вас к молчанию; но уж если писать — так писать не по безответному адресу, и писать полную правду. В свое время, когда Вас, Александр Исаевич, обижали клеветой — мы все бывали за Вас обижены. А сегодня Вы сами обижаете беззащитного Патриарха и нас — не клеветой, а талантливой полуправдой, которая может оказаться для многих вреднее лжи.

Никакого *приневоливания* к жертве и мученичеству не должно быть в Церкви Христовой. Мучеников же добровольных у нас достаточно — церковных и нецерковных (различие это довольно условно), и я сожалею, что Вы не назвали хотя бы церковных имен умершего

в тюрьме Бориса Талантова¹ и страждущего в тюрьме Анатолия Левитина². Я полагаю, что обязанность наша сегодня — достойно почтить их подвиг, а самим прилежно работать над тем, что в наших возможностях. В частности, и проблема христианского воспитания детей встает сегодня в редких семьях возрождающейся христианской интеллигенции. В целом же надо здраво признать реальность: русская церковная иерархия в ее наличном составе в данной Системе не может сколько-нибудь ощутимо повлиять на Систему. Легко и безопасно, Александр Исаевич, ругать архиереев; но воистину тяжела настоящая работа Господня. Судьба русской Церкви неразрывно связана с судьбою народа. Если *«будет будущее»* — то будет, непременно будет и возрождение русского Христианства.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

*С уважением,
Божьей милостью недостойный
священник Сергей Желудков.
Пасха Христова, 1972*

3

28. IV. 72

Глубокоуважаемый о. Сергей!
Удивили и Вы меня. «Если будет будущее»... — а мы сами ничего не будем делать? — тому ли учил Христос? Именно *внутреннего*-то отстаивания веры и нет: что женщины после 50 лет приходят в церковь — это свойство женщин, а не заслуга Церкви. Именно *внут-*

рeнняя-то стойкость и потеряна, вот что гибельно. Потеряна более всего — иерархами, чем выше — тем безвозвратней.

В дилемме Вы пропустили главный выход, к которому я и призываю: через личные жертвы зримо перевоспитывать окружающий мир. «Один ничего не может»? — каждый может, один может, неправда. Вы девять лет назад знали что-нибудь обо мне? А сейчас перегибаете уже в другую сторону — что мне все «безопасно»? Как же это получилось? Значит, есть путь?

Приневоливать к жертвам, конечно, нельзя. Но звать-то можно? Уж почему и звать запрещаете?

С уважением Солженицын

4

Глубокоуважаемый Александр Исаевич!
Ваше письмо от 28. IV. 1972 дошло ко мне с большим опозданием, но я должен на него ответить, чтобы не показаться невежливым. По существу поднятого Вами вопроса все уже сказано по возможности достаточно ясно, и нет нужды к этому возвращаться. Новым явилось Ваше указание на Ваш личный пример успешного подвига. Что и говорить — вполне заслуженная гордость. Но позвольте напомнить, что и у Вас была своя разумная тактика. И Вы были не один — были отвлекающие жертвы, были страдания других, которые Вас заслонили, помогли Вам на Вашем пути.

*С уважением свящ. С. Желудков.
16. VI. 1972*

ИСТОРИКУ. Следующие ниже заметки могут быть полезны при изучении церковной истории. Сначала текстуральные пояснения:

В первый день Пасхи (9 апреля) 1972 года предполагалось вручение Писателю Нобелевской премии. На это было рассчитано поздравление в начале моего первого письма. Мое второе письмо было закрытым.

Выше приведен подлинный ответ Писателя от 28 апреля. В августе я услышал по радио другой текст ответа, которого не получал. Насколько я помню, Писатель в этом втором варианте ответа сделал дополнение к тому месту первого варианта, где он ссылался на самого себя. Дополнение приблизительно такого содержания: как он, Писатель, пользовался сочувствием многих, так и Патриарх был бы поддержан миллионами верующих.

Тогда же, в августе, я услышал по радио отрывки из письма на мое имя от Ф. Карелина¹. «Письма» этого я так и не получил, и только в декабре 1972 года имел возможность прочитать его полный пространственный текст. В частности, там содержится сообщение, что покойный патриарх Алексей в ответ на выступление двух бесстрашных священников не совсем безмолвствовал, а разослал архиереям специальное обращение, в котором обвинял священников в «стремлении возвести клевету на Государственные Органы»... Я об этом не знал.

В остальном тексте «письма» Ф. Карелина не содержится новых сведений. Историк заметит, что документ проникнут духом демагогии и того специфического

лукавства, с которым лучше не связываться. Только один пример. Возражая на мои слова, что «легальная церковная организация не может быть *островом свободы*... — автор восклицал: «Помилуйте! Да ведь именно для того и создал Христос Свою Церковь, чтобы Она была островом свободы среди рабствующего греху мира!»... Автор «письма» защищал изжитое представление (можно назвать его наивно-юридическим) — будто церковная иерархия сама отказывается от свободных возможностей, которые предлагает ей государство. А рассуждения о мучениках историк, наверное, назовет кощунством... Вступать в разговор на таком уровне нет смысла. Фактическая же сторона дела достаточно понятна из первого документа Писателя.

* * *

Ничто, ничто не помешает мне вместе со столь многими во всем мире видеть в Писателе *человека* великого нравственного мужества, высоко ценить его моральный авторитет. И вот — *такой человек* выступил против Патриарха. Он публично обвинил Патриарха во лжи, в измене священному долгу... А Патриарх молчит — молчит, как виноватый.

В моем «ответе» я стремился выразить то здоровое (осмеливаюсь употребить это именно слово) чувство — реальности, которое побуждает меня не присоединиться к Писателю — не осудить моего безмолвствующего Патриарха.

Снова думаю о том самом главном, что «защемило» Писателя. Да — прервана традиция церковного воспи-

тания детей. Кстати, мне рассказывали, что присутствующие в *наших* храмах «женщины после 50 лет» правильно поняли своего Патриарха — с печалью отнесли к *себе* его рождественское обращение к эмигрантам о церковном воспитании детей. Но дело-то, конечно, не в праздных словах. Нет, если думать о деле всерьез — надо организовывать детские занятия в храмах, готовить преподавателей, литературу... И это в Системе, для которой монополия идеологического воспитания есть догмат и главная опора самой Системы! Вообразить себе это сегодня — значило бы мечтать о величайшем чуде. Но спрашивается — достойны ли мы такого чуда?

Церковное воспитание — эту позицию без боя сдал в свое время еще покорный патриарх Тихон. Он же после злополучного выступления о церковном золоте (1921) замолчал, и с тех пор русская иерархия не высказывала «мнения по внутренним бедам никогда никакого»². В этом упрекает Патриарха Писатель, забывая, что самая-то главная наша внутренняя беда — отсутствие гласности. И если бы только молчат! Но Система не терпит молчания — абсолютно не терпит никакой аполитичности вписанных в нее легальных организаций.

В наследстве покойного патриарха Алексея наиболее смущает то, что сказано Писателем о церковном управлении. Всепроницающий контроль Системы. В церковном журнале³ историк увидит литературный памятник великого упадка. В частности, поразительна эта увлеченность фотографией, юбилеями, титулами, наградами... Но должно иметь в виду также и то обстоятельство, что для подавляющего большинства церковного

народа — для простых «женщин после 50 лет» — все это в общем-то довольно-таки безразлично. Им важно одно: чтобы в ближайшем уцелевшем храме совершалось своим порядком церковное Богослужение.

Церковное Богослужение — только это нам оставлено и только здесь не прерывается традиция русского, по выражению В. Соловьева, «храмового Христианства». А завтра — завтра что Бог даст. «Моя программа — программа Духа Святого. Я действую по нужде каждого дня», — так в самые тяжелые времена отвечал корреспондентам покойный митрополит Сергей⁴. В этих словах мне слышится боль и убежденность, сознание абсолютной необходимости приспособления к Системе. Ненавидящие Сиона тогда думали, что вот умрет поколение верующих и прекратится церковное Богослужение. Поколение умерло, но на его место все новые и новые стареющие «женщины после 50 лет приходят в церковь». А когда они приведут с собою детей, когда сами придут в храмы молодые люди — это не от Патриарха зависит. Если уж начать считаться, то это в гораздо большей степени зависит от домашних церквей и христианской интеллигенции.

* * *

В свое время (1927) позицию покойного митрополита Сергея поддержал одинокий в эмиграции покойный Н. А. Бердяев⁵. Возможно, он не представлял себе, куда это приведет впоследствии. Но вот уже и в наши дни мы имеем достойных и вполне независимых свидетелей — русского митрополита в Лондоне Антония⁶, русского архиепископа в Брюсселе Василия⁷. Они-то уж, конечно,

не хуже Писателя знают все наши дела — и вот, они не осуждают русского Патриарха. Не осуждают его и представители всех христианских церквей Востока и Запада.

А Писатель чуть ли не объявил русского Патриарха недостойным совершать Евхаристию. Откуда такая противоречивость оценок? В этой связи приведу характерный отрывок из личного письма ко мне одного тоже весьма достойного, но неправильно думающего человека (не имею еще разрешения назвать его имя):

«...Патриарх — это образ Христа в данной поместной церкви (об этом, между прочим, говорил патриарх Алексей в день своей интронизации 3 февраля 1945 г.). Так вот, поставим прежде всего вопрос: ведут ли себя два последних патриарха (Алексий и Пимен) так, как вел бы Себя Христос и апостолы в подобной ситуации? Поставить такой вопрос — значит на него ответить»...

Люди сначала творят себе человекобожеский миф о наместнике Христа на земле в лице советского патриарха⁸ — а потом ругают его последними словами. Но нельзя судить о чем бы то ни было, если говорит только одна сторона.

* * *

Нападки на Патриарха, сомнения в Патриархе, чуть ли не суд над Патриархом. Есть люди, которым заметно нравятся такие разговоры за чаем. Отвлекается внимание от собственной вины и ответственности. Смотришь, человек вместе с Писателем осуждает своего Патриарха — а *сам* в своей домашней церкви *своему* ребенку не дает христианского воспитания.

И дилемма *приспособления или жертвы* открыта для всех — для каждого сознательного человека в Системе. Воспользуюсь готовой терминологией и представлю Историку краткое исповедание человека доброй воли, который избрал сегодня для себя в той или иной форме *приспособление*. В этом решении действует не только страх, душевная слабость — но так же и вполне добропорядочный здравый смысл. Почитаю страдания и память мучеников, благоговейно думаю, что всякая личная жертва священна, имеет высокое мистическое значение. Но ясно вижу и то, что практически простой человек в Системе не может сегодня никак повлиять на Систему — на Центр, управляющий Системой. Другое дело — знаменитости, которые могли бы критиковать и советовать. А простой человек, образно говоря, сегодня только и может броситься под колеса Системе, которая все равно не свернет от этого со своей дороги. И почему это я должен подставлять голову, пытаюсь заведомо безнадежно «зримо перевоспитывать» Систему? Да она не просит и она не заслуживает такой моей личной жертвы. Нет, нет — надо смотреть на дело разумно-практически. По возможности с наименьшими душевными потерями доброжелательно вписаться в Систему, так сказать, физически. Зато потрудиться над тем, чтобы создать себе духовную независимость. Глубоко сосредоточиться в личной жизни — разумею самый высокий смысл этих слов. Семья, дружеское общение — в этой домашней церкви, в микромире личных отношений возможно достижение драгоценных духовных реальностей. И самое главное, чему не помешает Система, здесь возможно

истинное величие человека. Это величие — в смиренной *жертвенной любви*... Я совершенно недостоин писать об этом, а только скажу, что лично и понаслышке знаю людей самых разных профессий и положения «внутри» Системы, которые излучают свет, осуществляют подлинное, то есть *практическое* Христианство.

А я?... Вот моя печаль, моя великая вина, моя ответственность. В этом покаянном сознании я что-то плохо воспринимаю обвинительный пафос Писателя в его поучении Патриарху. Попробовал бы он вообразить себя на этом месте. Факт тот, что серьезным христианам очень нужна святая Евхаристия и другие благодатные средства церковного Богослужения. Но ведь церковное Богослужение возможно у нас только при том абсолютно необходимом условии, что существует легальная церковная организация. А легальная церковная организация... и так далее — мы возвращаемся на уже пройденный круг размышлений. Как сказал мне один светлый и умный христианин: «Приспособляемость есть свойство живого организма. Церковь (он имел в виду церковную организацию) приспособляется: значит, она живет». О, конечно, другой вопрос — когда желательно и даже обязательно приспособление, а когда приходит священный час личной жертвы руководителя... Но судить чужую совесть — это уж никак не моей совести дело.

Учитывая специфические трудности темы, Историк извинит мне некоторую скованность выражений.

*Священник С. Желудков.
Январь 1973*

ОТКЛИКИ ИЗ-ЗА РУБЕЖА*

1

Пророчество**

В Ветхом Завете, в истории древнего богоизбранного народа было удивительное, потрясающее явление: пророки. Странные, ни на что не похожие люди, не принимающие покоя и самодовольства, лезшие, как говорится, на рожон, говорившие правду, возвещавшие суд Божий над всякой неправдой, слабостью и лицемерием. Потом все эти пророчества были исполнены в одном, последнем, Пророке, Которого — за то, что Он говорил правду, всю правду, всю вечную и небесную правду — вожди, священники и толпа распяли на кресте.

Потом были мученики, была радость Церкви, провозгласившей этого распятого Пророка Спасителем и Учителем мира. А потом потянулись длинные века так называемой христианской истории. И стало ослабевать пророчество. Стали привыкать сами христиане к спокойной и тихой жизни, к миру со всевозможными земными начальниками и вождями, к достатку и благополучию. Мир стал уходить от Бога, забывать про Христа, служить снова своим земным идолам. Пали одно за другим — и как легко! — христианские общества. Но христиане продолжали спокойно все это созерцать и, вздыхая, ссылаться на волю Божию, против которой, мол, не пойдешь.

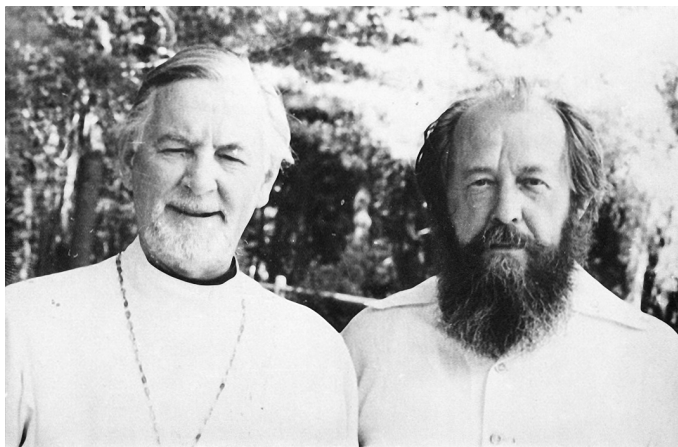
* Опубликовано в журнале «Вестник РХСД» (Париж, 1972, № 103, I).

** Воскресная беседа (переданная по радио «Свобода»).

И вот внезапно проснулось внутри христианства это забытое пророчество. Раздался голос одинокого человека, сказавшего во всеуслышание, что все это — уступка, послушание, компромиссы, извечный мир Церкви с землей и властью — что все это зло. Человек этот Солженицын. Сравнительно недавно пришлось писать о нем, что главное чудо его личности и его творчества — это его любовь к правде, к правде, как самому драгоценному, что есть на земле. И вот эта правда еще раз прозвучала в его великопостном послании. Еще раз пророк обратился к первосвященнику со все тем же вечным вопросом и вечной мольбой.

Ибо, действительно, трагической особенностью истории Православия нельзя не признать слабость в нем именно тех, кто поставлен строить и созидать Церковь. Вот низлагают в угоду власти св. Иоанна Златоуста, и низлагает кто? Свои же епископы. Вот молчит, немотствует Церковь, когда посылает Иван Грозный на смерть Филиппа Московского. Молчит и тогда, когда лишает ее свободы Петр Великий и делает простым департаментом под наблюдением чиновника в прусского фасона мундире. Молчит, когда гонит Екатерина Великая несчастного Арсения Мациевича¹. Молчит, когда свергает с епископских кафедр и возводит на них жуткий Распутин². И вот уже ничего не остается христианского в самом государстве и на его место появляется власть, открыто заявляющая о своем намерении уничтожить веру с корнем. Но опять же молчание, то же послушание, тот же все собою пронизывающий страх...

Нет, мы не судьи. Мы не знаем всего и не на нас лежит страшная ответственность даже за то небольшое, что этой страшной ценой удастся сохранить. Мы знаем, что есть разные пути подвига. Но не может не прожечь нашей души пророческий голос великого русского писателя. И хочется тихо и смиренно прибавить к нему, сказать: Ваше Святейшество! Нам Вы отвечать не обязаны. Мы не провели, как Вы, десять лет в заключении³, на наших плечах нет той страшной, нечеловеческой ответственности, что лежит на Вас. Но Солженицыну Вы можете хотя бы подать знак: да, услышал... Солженицын право на это заслужил всей своей жизнью. И Вы знаете, что вопрос свой и мольбу свою обращает он к Вам от имени миллионов людей.

О. Александр Шмеман и А. И. Солженицын

Ибо горе нам, если мы пророков не слышим и пророчеством пренебрегаем. Слишком много лжи. Слишком много от мира сего прелюбодейного и грешного в истории Церкви. И не наступает ли час ее внутреннего очищения и освобождения от этой лжи? И не должен ли начаться суд Божий именно с Церкви?

Что бы ни было дальше, мы знаем, что гонимая, в молчании пребывающая, Церковь обрела свой голос. Пусть это еще не голос первосвященника и вождя, облеченного полностью церковной властью. Мы знаем, что сила Божия в немощи совершается, что не остается Церковь без духовных вождей, пророков и мучеников и твердо верим, что врата адовы не одолеют ее.

Протоиерей Александр Шмеман

2

Все мы, живущие под крылом свободной демократии на Западе, не имеем права судить тех, кто в Советском Союзе и других тоталитарных государствах несет на верхах ответственность за Церковь. Александр Солженицын, который сам провел восемь лет в концлагерях, и чье призвание, как писателя-христианина, быть совестью своего народа, этим правом бесспорно обладает. Недавнее его письмо к патриарху Пимену будет рассматриваться будущими поколениями не только как исторический документ, а как «пророчество».

Как пророки Ветхого Завета, Солженицын решил говорить одну только правду в обществе, где ложь — общепринятое явление. Высшая церковная власть

Московского патриархата все эти годы словом и делом проводила политику так называемой «лояльности» к советскому государству, в надежде обеспечить Церкви как таковой дальнейшее существование, а многомиллионному церковному народу доступ к таинствам. Эта политика предполагает постоянные заявления «о прекрасных свободных условиях существования Церкви в России».

К несчастью, как указывает Солженицын, русские епископы веками грешили политическим конформизмом. Это началось не с советского строя, а с порабощения Церкви Петром Великим.

Конечно, можно утверждать, что при Сталинском терроре физически было невозможно не быть конформистом. Но Солженицын ставит вопрос: необходим ли еще конформизм в наши дни? Пользуясь выражением самого Солженицына, можно сказать, что смерть Сталина открыла «новую эру». Солженицын смеет говорить и говорит правду; есть и другие менее яркие проявления бесстрашного свидетельства, которые при Сталине были бы немислимы. Солженицын подчеркивает, что свидетельство влечет за собой лишь потерю личного благополучия, иногда заключение в концлагерь, но едва ли физическое уничтожение. Архиепископ Ермоген, отцы Эшлиман и Якунин все еще живы, несмотря на их выступления, и даже поддерживают связь с друзьями в России и за границей. Хотя они лишены права служения, но они продолжают участвовать в сакраментальной жизни Церкви.

Не пора ли, чтобы правда была возвещена с высоты Патриаршего престола? Ни Патриарх, ни другие иерархи

Протоиерей Иоанн Мейендорф. 1992 г.

не несут, конечно, личной ответственности за все то зло, которое описано Солженицыным: отстранение детей от церкви, запрещение священникам пастырствовать вне храма, закрытие тысячей церквей и т. д...

Это зло — следствие основного антирелигиозного закона 1929 г.¹, который все еще в силе. Не пора ли Церкви признать, что этот закон на самом деле направлен против нее, что отделение Церкви от государства, провозглашенное Советской конституцией, чистейший обман, поскольку «Совет по делам религии» взял в свои руки управление Церкви.

К сожалению очень маловероятно, чтобы теперешние руководители Русской Церкви отказались от пассивности и конформизма.

Кое-кто скажет, что этот конформизм все еще необходим, чтобы спасти Церковь от уничтожения. Но так же верно, что в Православной Церкви Патриархи и епископы не одни говорят от имени Церкви. Солженицын имеет право выступать от имени и в защиту Церкви. Более того, это его долг.

*Протоиерей Иоанн Мейендорф**
(перевод с английского)

3

С волнением я прочел Великопостное Письмо Александра Солженицына к патриарху Московскому и всея Руси Пимену.

* The Orthodox Church, april 1972.

В этом письме голос Солженицына возвышался до поистине пророческого. То, о чем пишет он патриарху, хорошо известно. Ничего тут нет нового, ни для нас в Америке, ни, тем более, для православных людей в Советском Союзе. Всем известно, в каком положении находится тысячелетняя мать России, Православная Церковь. Но Солженицын высказал эти известные нам истины с новой силой и с даром нового слова, мудрого и мужественного.

Положение Русской Церкви, ее пастырей и верующих трудно.

У Русской Церкви на устах кляп. Она не может говорить полным голосом. Не раз мне приходилось затрагивать этот вопрос в своих книгах и статьях. В Америке и в Западной Европе легко нам указывать на положение верующих людей в России, на трудности Церкви. Но героической, святой, защита Церкви и веры в Бога может быть только там, где трудно говорить открыто о вере.

Солженицын знает, как мы, и еще лучше нас, что патриарх Московский несет на своих плечах все страдальческое пастырство русское и остаток действующих церквей. Патриарх не только не может крикнуть, он даже и прошептать не может о вере Христовой и правде Божией в газетах и журналах своей родины, или сказать о вере по радио.

Некоторые обращения патриарха есть тот «социальный заказ», без выполнения которого мало кто может жить в Сов. Союзе, и Церковь не может рассчитывать на регистрацию пастырей. Тут вся боль Солженицына. Он имеет право говорить патриарху от имени русского

народа, так как живет в равных с Патриархом условиях, имеет равные права и равное бесправие. Несомненно, что Святейший патриарх Московский понимает все, что говорит в своем письме к нему Солженицын, так же хорошо, как сам Солженицын. Может быть, даже еще лучше. И Солженицын, я думаю, понимает, что это понимает патриарх.

Он пишет не только патриарху. Он пишет даже не столько Патриарху, сколько за патриарха.

Солженицын написал хорошее письмо патриарху. Оно ценно стилистически, духовно и социально. Во-первых, в нем проявляется православная вера самого Солженицына, самый дух его веры и любви к Церкви, не как к чему-то абстрактному, а как вот к этой «лефортовской», «обыденской», «ризоположенской» церкви или — «нарофоминской» под Москвой, которую уже столько лет хотят открыть верующие этого города Наро-Фоминска и все не могут потому, что не дают им регистрации, — не регистрируют их веру¹.

Внимательный читатель солженицынского письма к Патриарху увидит, что Солженицын, по существу дела, защищает Патриарха тем, что критикует его. В своем сыновнем укоре первосвятителю Церкви, Солженицын благовествует веру и Церковь.

Живя за рубежом, мы нередко, в своих условиях легких и удобных для нашей веры, бываем безжалостны к патриарху и другим еще не умученным русским архипастырям. Нам кажется, что они могли бы больше сделать для верующего народа. Опьяняясь своей полной свободой религиозной в Америке и других местах

мира, мы уходим в слишком легкую критику деятелей церковных в Сов. Союзе и впадаем в слишком легкий героизм, требуем от других героизма и даже мученичества. Поучимся у Солженицына его любви к Церкви Христовой, к этой Церкви Русской, которая осталась с народом во всех его трудностях, воскресла в страданиях войны и болеет с народом его болью.

Солженицын недавно крестил своего сына Ермолая в одном московском храме. Несомненно, это он сам пережил историю с «показом паспорта при крещении», о котором он говорит. Безобразная гражданская инструкция о показе паспорта родителей крещаемых далеко не всегда при крещении практически осуществляется. Ведь даже коммунисты тайно крестят своих детей, при помощи, конечно, вездесущей «бабушки русской», апостола современного православия... Где уж тут до паспорта! И крещальная вода, милостью Божьей обильно течет мимо многих «паспортов», и чиновников. Еще этому пример: несколько лет тому назад, «уполномоченные» стали (и не указом письменным, а по телефону) запрещать пастырям причащать подносимых к св. Чаше детей. Но детей в храмах России причащают всюду. И хорошо делают. Как пастыри могут иначе поступить, зная слова Христовы: «пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им...» (Марк. X, 14)?

В Божьей Церкви есть два служения: священническое и пророческое. Были оба эти служения в Ветхом Завете и остались, в ином значении, в христианстве. Архиереи в истории, по большей части, бывают лишь учителями — священнослужителями и управляющи-

ми дел церковных. И это служение тоже необходимо в мире, но оно не есть служение пророческое. К пророческому служению Церкви бывает причастна лишь небольшая часть епископов, священников и мирян. Исповедничество их иногда сопрягается с мученичеством. Это особый дар.

Солженицын хочет, чтобы пророческим духом и мученичеством наполнилась вся Церковь, как в апостольский век. Ценное пожелание. Но Русской Церкви нужны и другие служители: эти вот смиренные малограмотные пастыри, почти совсем отнесенные от жизни народа, но творящие свое дело. Эти пастыри, как могут, в своем безмолвии, тоже благовествуют веру и надежду на Бога — молитвой, таинствами, терпением. Эти пастыри вынесли тысячелетнюю веру России. И донесут ее до Суда Христова.

Служения различны в Церкви и нельзя их противопоставлять. Надо, как это делает Солженицын, ревновать «о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать» (I Кор. XIV, 1); но Церковь стоит не только на пророках. Она основана на Святейшей Крови Христовой. И эту Кровь Христову несут народу эти русские безмолвные сейчас епископы и пастыри Церкви.

«Великопостное Письмо» Солженицына, это ряд «пророческого» служения, которое уже было, наметилось в его художественных произведениях. Пророчество не есть, непременно, предсказывание будущего. Это, прежде всего, мужественное, открытое исповедание Правды Божьей и любви к Богу, обличение теплохладности к добру и хлада перед истиной. Люди, чуждые

любви к Церкви, наверное, пытаются «использовать» «Письмо Солженицына» к патриарху, для нового унижения иерархов Русской Церкви. Это будет непониманием того духа, в котором пишет Солженицын.

Не хочу никому навязывать своих оценок. Но, сказав о пути Русской Церкви, я должен высказаться до конца. После прочтения еще большей любовью что пастырей русских и патриарха Руси, осуществляющих, в труднейших условиях, свое служение Богу и русскому народу, в котором народились, нарождаются — и все более будут нарождаться — Солженицыны.

*Архиепископ Иоанн Сан-Франциский**

4

Камнем давит...

(по поводу письма Солженицына Патриарху)**

Писатель Солженицын написал Великопостное письмо Всероссийскому патриарху Пимену. Написал о том, что камнем давит современное положение Церкви, давит тем, что творится в ней: иерархия отъединилась от верующих, не защищает интересов Церкви, попускает разваливать то, что созидалось веками; указывает на Польшу, где Церковь как-то умеет отстаивать себя; призывает к мученичеству, к жертвенности, к кресту...

Написано письмо на Крестопоклонной неделе.

* Полностью отклик архиепископа Иоанна был напечатан в «Новом русском слове» и в «Русской мысли».

** Этот отклик из СССР.

Вон вынесен Крест, — говорит Солженицын, — и опускаясь перед Крестом, вспомним, перед Кем мы предстоим.

Письмо, как письмо, написано талантливо, как и многое, что пишет Солженицын. Я говорю о литературной стороне дела.

Как приняли письмо?

Хотя, прежде всего, как получено письмо?

Патриарх получил письмо тогда, когда оно уже всю передавалось по иностранному радио. И, говорят, выразился так: «Ну что ж, пусть пишет»... Был благодарен. Потом иронически и горько улыбнулся. «Ему бы побывать хотя бы два дня на моем месте»... — я прошу читателя запомнить эту улыбку.

Теперь, как приняли.

Священнослужители — отрицательно.

Во-первых, говорят, Солженицын бьет беззащитного. Во-вторых, было уже подобное письмо, более обстоятельное, предыдущему Патриарху, и многие знают результаты его, даже более, знают, что случилось с написавшими письмо: в Евангелии не случайно говорится: «Врачу, исцелися сам...» К слову, это не мешало бы вспомнить и Солженицыну, хотя мы не намерены в чем-либо его упрекать.

Писательская братия, говорят, письмо приняла тоже отрицательно. Но это, может быть, у них личные счеты, говорят, что обиделись, мол, за то, что он выступает от лица русского народа, а ведь православные не только русские... Некоторые из писателей склоняются к мнению священнослужителей, что нехорошо, мол, побивать беззащитного, а некоторые просто говорят, что Солженицын — переиграл...

Ну, а я слышал, как некоторые и восторженно говорили:

— Вы читали письмо Солженицына? Молодец! Вот как надо! — это обыкновенные интеллигентные люди, может быть, верующие, а может быть, и неверующие.

А вот одна мать, может быть, до этого не задумывающаяся над религиозными вопросами, прочитав письмо, сказала так:

— Да, как важно воспитывать с детства... Надо и мне своего сына сводить в Церковь.

А некоторые просто сказали:

— Хорошо, что написал.

Другие же говорят:

— Не ему учить Церковь...

По иностранному радио передавали самые восторженные оценки.

И еще:

— Солженицын — лауреат Нобелевской премии, весьма заметная фигура, и мировая общественность не может не считаться с его голосом.

Сразу же хочется остановить внимание на последних словах и заявить: а что нам в том, что мировая общественность посчитается с голосом Солженицына? А здесь все будет продолжаться, как было до этого?

Будет антирелигиозная пропаганда со спадами и подъемами, наши дети будут находиться в руках антирелигиозных воспитателей, церковную жизнь будут контролировать советские власти, будут требовать всякие справки и документы при крещении, патриарх будет сидеть на своем месте, как на горячей сковородке, его

будут поджаривать и удерживать от крика, будут и такие иерархи, которые будут работать рука об руку с врагами Церкви. Все будет, что было, в такое время мы живем.

Но все-таки хорошо, что написал письмо Солженицын.

Все-таки это показывает, что он неравнодушен к нуждам Церкви, все-таки это показывает, что он православный и русский человек.

Все-таки это голос не рядового человека, и если даже его голос не заставит врагов Церкви перестать делать свое черное дело, то до кого-то достигнет его голос. И заставит о чем-то задуматься.

Нужно делать!

Не всем, конечно, обязательно нужно выступать с открытыми письмами. Критиковать, призывать, может быть, это не так трудно. Есть более трудные дела.

Мне кажется, даже не то страшно, что есть антирелигиозная пропаганда, что нет у нас свободы, что притесняют верующих, что закрывают и разоряют храмы. Может быть, даже, если так подумать, то это и хорошо (прошу понять меня правильно!). Хорошо, говорю, что есть Крест! — Крест ведь заставляет человека быть лучшим.

Мне вспоминается недавнее время, когда дали относительную свободу при Сталине, даже парад принимали маршал и архиепископ (одесситы это, наверное, помнят), а священники вот были хуже, чем сейчас: пьянство участилось и разврат пошел... а сейчас они более подтянуты: на войне ведь надо быть начеку. А сейчас война! Война идет духовная, самая безжалостная, духи злобы поднебесной ополчились... И то, что разоряют

храмы, это полбеда. Будет в сердце храм, восстановим материальный. Плохо, если в сердце не будет храма, не будет православной традиции, православных нравов, православного образа жизни.

Вот чего я боюсь!

И все эти выступления, все эти открытые письма, как бы не били против цели. Ведь не один патриарх виноват, все мы виноваты. Ведь не одному патриарху надо делать — всем надо делать!

Ведь не в том дело, когда дадут свободу, а в том, насколько ты работоспособен. Работоспособности требуются от нас. И от патриарха, и от рядовых священников, и может больше всего от них, и от верующих, и от любого гражданина, болеющего о судьбах Церкви и России.

Война идет такая, когда многих наших лучших командиров перебили, когда нас осталось немного, и нужно беречь каждого человека. Тихо, молча надо делать, чтобы не выявить себя врагу.

Молча воспитывать своих детей в христианском духе, укреплять почти развалившуюся семью. Вразумлять бесчинствующих, стараться понять друг друга — ведь нас разобщили. Каяться и освобождаться от захлестнувшего нас греха. Нести неверующую Россию на своих плечах, как выразился митрополит Антоний Блюм.

И тогда снова зазвонят колокола на святой Руси, будет праздник на святой Руси, тогда и патриарх будет на месте, первоиерарх земли Российской. А пока — «чаем воскресения мертвых»...

*Очевидец
Апрель 1972 года*

Письма о. Сергия Желудкова А. Д. Сахарову

1

Заявление для печати

Нобелевская премия мира за 1975 год присуждена Андрею Дмитриевичу Сахарову.

Вся общественная деятельность А. Д. Сахарова исходит из посылки, что подлинный мир невозможен без признания государствами основных прав человека. Насилие, направленное внутрь, рано или поздно обращается и вовне. Так, «пакт мира», заключенный Сталиным и Гитлером в 1939 году, стал прелюдией к самой страшной войне в истории человечества.

Было бы нелепо, если бы в 1939 году премию мира получили Сталин и Гитлер, а тот, кто говорил о жертвах гитлеризма и сталинизма, подвергся бы осуждению как «противник международной разрядки». Мы видим теперь на примере решения Нобелевского комитета, что страшный исторический опыт не прошел даром.

Тем более удивляет и огорчает нас заявление 72-х советских ученых, утверждающих, что решение Нобелевского комитета носит «недостойный и провокационный характер». Скорее «недостойным и провокационным» можно назвать прием, когда несколько вырванных из контекста слов, смешанных с собственными измышлениями, выдаются за взгляды нобелевского лауреата. Мы полагаем, что большинство людей, подписавших это заявление, были введены в заблужде-

ние, поскольку тот облик А. Д. Сахарова, который там изображен, никакого отношения к реальному А. Д. Сахарову не имеет.

Мы понимаем, что подобное заявление может послужить началом антисахаровской кампании и что высказанные в нем оценки будут выдаваться за взгляды всех советских людей. Поэтому мы — люди разных взглядов и политических убеждений, не всегда и не во всем согласные с А. Д. Сахаровым, — считаем необходимым заявить, что мы приветствуем решение Нобелевского комитета Норвежского стортинга о присуждении премии мира нашему замечательному соотечественнику, считаем это решение крупным вкладом в дело мира, разрядки напряженности и борьбы за права человека.

Мы не можем и не хотим выдавать наше мнение за мнение всего советского народа, но мы знаем, что его разделяют огромное число советских граждан.

Горячо поздравляем Андрея Дмитриевича Сахарова!

Андрей Амальрик
Рой Медведев
Валентин Турчин
Юрий Орлов
Владимир Корнилов
Владимир Войнович

свящ. Сергей Желудков
Осип Черный
Эрнст Неизвестный
Петр Григоренко
Решат Джемилев
Виталий Рубин

*30 октября 1975
Москва*

2

Глубокоуважаемый Андрей Дмитриевич!

В недавних заявлениях Ваших Вы среди узников совести сострадательно назвали имя заключенного священника о. Василия Романюка. Я почел своим долгом посетить его семью — и вот что узнал достоверно.

Василий Емельянович Романюк¹, сын бедного крестьянина на Западной Украине, с раннего детства имел призвание к священству (его детскими играми было богослужение). В 1944 году, юношей 19-ти лет, он был безвинно осужден (впоследствии реабилитирован) на 10 лет лагерей и ссылку. Выслана была и вся семья Романюк. Отец умер в Сибири. Младший брат, 14-летний мальчик, при выселении семьи убежал, но не нашел убежища в родном селе и был застрелен в лесу.

После реабилитации в 1959 году В. Е. Романюк прошел краткосрочные епархиальные курсы и принял священный сан диакона. Но служить ему местный Уполномоченный не разрешил, и в продолжение 5 лет диакон работал киномехаником. По смерти Уполномоченного диакон Романюк принял сан священника. Служил весьма ревностно. За 8 лет ему пришлось сменить 6 приходов — и везде он привлекал народ к посещению церковного Богослужения, к ремонту и украшению храмов, боролся с коррупцией в церковных советах.

Предпоследнее место служения о. Василия — село Космач, где он столкнулся с особенно трудными явлениями антирелигиозного фанатизма. Вдохновитель многообразных преследований священника — дирек-

Священник Василий Романюк. Конец 60-х годов

тор местной школы — входил в храм, не снимая шапки. (В настоящее время этот главный свидетель обвинения сам арестован по обвинению в растрате). Были пьяные угрозы убить о. Василия — с характерным упованием, что «за священника — пару лет, больше не дадут». Был случай ночного нападения на священника — на следствии это изображено как нападение самого священника на местного пьяницу.

Насколько я могу судить, священник о. Василий Романюк — человек широких культурных интересов. В селе Космач его посещали приезжие представители украинской и русской интеллигенции, в частности, историк Валентин Мороз. Когда Мороз был осужден, о. Василий подписал ходатайство в его защиту.

В начале 1972 года о. Василий был арестован и в июле осужден по ст. 62 УК УССР на 2 года тюрьмы плюс 5 лет лагеря особо строгого режима плюс 3 года ссылки. Жена священника на процесс не была допущена. Ей разрешили присутствовать только на оглашении приговора. Копию приговора она получила, но какие-то знакомые документ похитили. Как писал о. Василий в обращении к патриарху, он был признан «особо опасным рецидивистом», потому что реабилитация по первому безвинному осуждению почему-то не коснулась второго, внутрилагерного осуждения в 1946 году за якобы антисоветскую агитацию на основании вынужденных показаний других заключенных. О. Василий писал патриарху, что по всем трем процессам он осужден безвинно, что он подал уже в разные инстанции более 400 (четырёхсот) жалоб, но все они были безрезультатны.

9 декабря о. Василию исполнится 50 лет. Он уже отбыл 2 года тюрьмы и второй год содержится в лагере особо строгого режима на вредной работе (стеклянная пыль, оседающая на легких). С августа текущего года он объявил голодовку, снова прося о пересмотре дела, о возвращении ему отобранного молитвенника и о разрешении иметь Библию. 4 ноября Прокуратура СССР известила жену, что судебное решение проверено в порядке надзора и что заключенный принимает пищу. Голодовка продолжалась около трех месяцев. Молитвенника и Библии заключенный священник не получил. Его почтовый адрес: 431120, ст. Потьма Мордовской АССР, Сосновка, Учреждение ЖХ-385/1-6.

Знакомство с семьей о. Василия я вспоминаю с чувствами восхищения и глубокой печали. Его жена Мария Марковна Антонюк тоже с ранней юности отбыла 10 лет заключения и вышла замуж за будущего священника, когда они отбывали ссылку. Она работает санитаркой в больнице, получает 60 рублей в месяц. Сыночек Тарас 16-ти лет прекрасно воспитан, учится в 10 классе. Адрес семьи: 285250, г. Косов Ивано-Франковской области УССР, переулок Кобылянской, 3. Размеры одежды: жена — № 46, рост 4, обувь № 37; сын — № 46, рост 6, обувь № 42.

Таковы сведения, которые я получил о горестной судьбе священника о. Василия Романюка и его семьи. Прошу Вашего разрешения считать это мое письмо к Вам открытым.

*С величайшим уважением
священник Сергей Желудков
2 декабря 1975 года*

Могила Василя Романюка — патріарха Володимира
у Софійського собору в Києве

3

Глубокоуважаемый Андрей Дмитриевич!

Только на днях мы получили возможность прочитать, наконец, Вашу Нобелевскую лекцию. Примите и от нас великую Вам благодарность. Вместе с Вашей достойной женой Вы являетесь носителями самого высокого морального авторитета для всех. «В темнице был, и вы пришли ко Мне». Увы, это евангельское слово уклонилась исполнить всемирная христианская организация на съезде в Найроби. Но как раз в те же дни прозвучала Нобелевская лекция, вся пронизанная светом Милосердия. С нашей точки зрения, это и есть христианство в его самом глубоком значении — христианство совести и воли.

Позвольте обратиться к Вам с вопросом. Нобелевская лекция заканчивается словами:

«...В бесконечном пространстве должны существовать многие цивилизации, в том числе более разумные, более «удачные», чем наша. Я защищаю также космологическую гипотезу, согласно которой развитие Вселенной повторяется в основных чертах бесконечное число раз. При этом другие цивилизации, в том числе более «удачные», должны существовать бесконечное число раз на «предыдущих» и «последующих» к нашему миру листах книги Вселенной. Но все это не должно умалить нашего священного стремления именно в этом Мире, где мы, как вспышка во мраке, возникли на одно мгновение из черного небытия бессознательного существования материи, осуществить требования Разума

и создать жизнь, достойную нас самих и смутно угадываемой нами Цели».

Обращаемся к Вам с покорнейшей просьбой. Будьте добры, объясните по возможности более полно значение заключительной (нами подчеркнутой) фразы. При этом заранее просим — не опасайтесь чем-либо смутить или обидеть нас в нашем конфессиональном христианстве.

Да сохранит Господь Вас и Ваших близких от всяких напастей.

*С величайшим уважением
Свящ. С. Желудков и другие.
Февраль 1976*

4

Письмо составителям юбилейного сборника к 60-летию академика А. Д. Сахарова

Дорогие составители! Я преисполнен благодарности вам за предпринимаемый вами юбилейный сборник. Спасибо Вам и за почетное приглашение мне в нем участвовать. С вашего разрешения, пусть это и будет вот это мое вам письмо.

Андрей Дмитриевич Сахаров. Его личность, его дело, его судьба, воспоминания о немногих личных с ним встречах — все это вызывает у меня чувства восхищения и боли. «Голос совести всего человечества» — это определение Нобелевского комитета абсолютно верно. «Праведник» — сказал о нем покойный Александр Галич. Да, дорогому Андрею Дмитриевичу не повредит,

если я здесь признаюсь, что подсмотрел у него некоторые черты личной святости. Всякий раз я уходил от него, глубоко взволнованный впечатлениями от обаяния его личности. Не постесняюсь сказать, что это были религиозные впечатления...»

Андрей Дмитриевич не принадлежит ни к одной из христианских Церквей. Но он — величайший представитель единой всечеловеческой Церкви людей доброй совести и воли... Здесь я должен хотя бы кратко объяснить о наших дискуссиях внутри современного исповедания христианства. На одном краю — приверженцы узкой ортодоксии, нетерпимые к любой попытке переосмыслить традицию. На другом — те, кто думает, что вечное христианство более широко и свободно, что оно вмещает в себя все, все высокое и прекрасное — все, что дорого и свято нам в жизни. Конечно, оно обнимает и жизненный подвиг академика Сахарова: его личное милосердие, его глубокое сострадание всем обиженным, его бесстрашное мужество за мир на земле, за здоровье будущих поколений, за права человека, за достоинство человека, которое освятил Своим пришествием Иисус Христос... Христос — Вечный Человек. Это решающий принцип христианства, в этом — единственно подлинная, достойная своего имени Надежда человеческого существования... Недаром само это слово — «человечность» — стало священным для всех, верующих и неверующих. Христос — Человек, и подлинное христианство есть стремление к идеальной прекрасной человечности — и там, где она проявляется, мы, недостойные христиане, видим Божественный свет. По слову Евангелия:

Академик А. Д. Сахаров. Середина 70-х годов

«Дух дышит, где хочет» — Дух Святой действует везде там, где мы ощущаем духовную красоту истинной человечности. Тогда, писал апостол, в человеке «воображается Христос»... вот эти заветные наши думы я посвящаю здесь Андрею Дмитриевичу Сахарову.

Восхищение и боль. Его больное сердце, конечно, страдает от сострадания. Уже очень давно, еще будучи в фаворе у правительства, академик Сахаров энергично протестовал против ядерных испытаний в атмосфере — защищал будущие поколения от последствий губительной радиации. Еще тогда он пожертвовал 140 тысяч рублей личных денег на дела милосердия. А потом начались его публичные выступления — и это его, выражаясь термином древнерусским, церковным, это его неустанное печалование за каждого, каждого узника совести в нашей стране. Удивительное дело — здесь он очутился в полнейшем одиночестве среди своих ученых коллег. Да и о народе нашем приходится сказать правду: находясь в плену оглуляющей дезинформации, очень многие обыватели либо просто ничего не знают, либо даже превратно понимают эту его благороднейшую деятельность. Увы, тут надо упомянуть еще и о личных оскорблениях со стороны известных фашиствующим элементов, выступающих от имени какого-то своего псевдоправославия... И вот сегодня уже и сам он, академик Сахаров — узник, узник правды и жалости в этом кошмаре, в скорби этой бессмысленно жестокой ссылки.

В Ленинграде одна чудная женщина рассказала мне — она мечтает истратить свой отпуск на то, чтобы поехать в «тот город» и ходить, ходить там по улицам

в надежде его встретить и сказать ему о нашем глубоком сочувствии, о нашей благоговейной любви. Я отговорил ее — ради ребенка... Но пусть узнает дорогой Андрей Дмитриевич об этом случае — как ему преданы, как его любят свободные души.

*С глубоким уважением к вам,
дорогие составители —
священник Сергей Желудков.
В День Победы, 1981.
Ленинград–Москва*

* * *

**Доктору Филиппу Поттеру
Генеральному Секретарю
Всемирного Совета Церквей**

Уважаемый Господин Генеральный Секретарь! С чувством глубокого возмущения услышал я в передаче Британской Радиовещательной Корпорации 21 марта адресованное Вам так называемое письмо прихожан Никольского храма в селе Пушкино Московской епархии. В документе выражается протест против известного Обращения священника о. Глеба Якунина и мирянина Льва Регельсона к делегатам Пятой Ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Найроби.

Надо поблагодарить Радиостанцию за то, что она передала полный текст этого так называемого письма прихожан. Если будет возможность, я постараюсь выяснить историю этой попытки ввести Вас в заблуждение. Пока же текстуальный анализ показывает, что здесь имеет

место сочетание злого умысла составителя и невежества подписавших. Для меня ясно, что это действуют темные силы, которые поставили себе целью опорочить о. Глеба Якунина и Льва Регельсона, дискредитировать их Обращение к делегатам Пятой Ассамблеи. А это побуждает меня преодолеть страх репрессий и выступить перед Вами с настоящим письмом, которое прошу считать открытым.

Я имею честь лично знать этих достойнейших лиц. У меня есть некоторые расхождения с ними во взглядах, но относительно их Обращения к делегатам Пятой Ассамблеи я должен сказать, что это — документ исторического значения. Я убежден, что имена двух свидетелей правды вместе со мною благодарно, молитвенно

Лев Регельсон и священник Глеб Якунин. 1976 г.

вспоминают все сознательные священники и миряне Русской церкви.

Ассамблея прошла, но у меня остается впечатление, что она не сделала должных выводов из Обращения двух свидетелей. Документ взывает к нашей совести, нельзя сдавать его в архив. Позвольте обратить Ваше особенное внимание на дело, которое имеет первостепенное значение для мирового Христианства.

Уважаемые авторы призывали Ассамблею выйти из конфессиональной ограниченности, выступить в защиту *всех узников совести* — всех, кто страдает *«за свободу и достоинство человека, за сохранение в человеке образа Божия»*. Как раз в дни Пятой Ассамблеи была произнесена Нобелевская лекция академика Андрея Сахарова, — и вот что было сказано в ней об узниках совести:

...«Многие тысячи людей преследуются сегодня за убеждения в судебном и внесудебном порядке — за религиозные верования и желание воспитывать детей в религиозном духе; за чтение и распространение (часто — просто ознакомление одного-двух человек) нежелательной властям литературы, обычно абсолютно легальной по демократическим нормам, например, религиозной; за попытку покинуть страну; особенно важна в моральном плане проблема преследования лиц, страдающих за защиту других жертв несправедливости, за стремление к гласности, за распространение информации о судах, о преследованиях за убеждения, об условиях мест заключения.

Невыносима мысль, что сейчас, когда мы собрались для праздничной церемонии в этом зале, сотни и тыся-

чи узников совести страдают от *тяжелого многолетнего голода*, от почти полного отсутствия в пище белков и витаминов, от отсутствия *лекарств* (витамины и лекарства запрещено пересылать в места заключения), от *непосильной работы*, дрожат от *холода, сырости, истощения* в полутемных *карцерах*, вынуждены вести *непрестанную борьбу* за свое человеческое достоинство, за убеждения против машины «перевоспитания», а фактически *слома их душ*. Особенности мест заключения тщательно скрываются, десятки людей страдают за ее разоблачение — это лучшее доказательство обвинений в ее адрес. Наше чувство человеческого достоинства требует немедленного изменения этой системы для всех заключенных, как бы они ни были виновны. *Но что сказать о муках невинных?* Самое же страшное — *ад спецсибиряков* Днепропетровска, Сычевки, Благовещенска, Казани, Черняховска, Орла, Ленинграда, Ташкента»...

Уважаемый господин Генеральный Секретарь! Я должен со всей откровенностью высказать Вам мое смущение, недоумение по поводу отношения Всемирного Совета Церквей к узникам совести. *Невыносима мысль*, что в то самое время, когда звучали эти слова Нобелевской лекции о страданиях узников совести, — что в это самое время представители христианских организаций на Ассамблее в Найроби, заседаая в комфорте, вырабатывали текст жестокой резолюции, которая должна была *умолчать*, непременно *умолчать* о страданиях узников совести, о самом существовании их в нашей стране. Такая резолюция и была принята — на этом настояла наша церковная делегация.

Здесь я должен сделать небольшое отступление. Я должен сказать, что не принадлежу к тем, кто однозначно осуждает нашу церковную иерархию. Надо понимать ее положение. Ведь первейшее дело всякой церковной иерархии — церковное Богослужение. А все практические возможности церковного Богослужения — от церковных зданий до легальности самой иерархии — находятся у нас в руках идеократической Системы. И она, Система, предоставляет (скрепя сердце) эти возможности только на совершенно непреклонном условии. Это условие — не просто «лояльность» или «аполитичность»: нет, это условие — всецелая преданность Системе. Кто не хочет, не может — пусть уходит, всегда найдутся другие на его место. Всегда найдутся церковные администраторы, которые примут условие и, что важно, получают поддержку в церковном народе. Народ, женский народ наш церковный ничего не знает об узниках совести — по телевидению их не показывают. Народу нужно одно — чтобы в ближайшем уцелевшем храме совершалось своим порядком церковное Богослужение. *Церковное Богослужение* имеет для нас самостоятельную высочайшую ценность.

В таком положении находятся администраторы всех легальных религиозных объединений в нашей Системе. Но именно наши церковные иерархи в наибольшей степени обречены на позор заведомо недостойных публичных выступлений. Всякий раз мы с мучением переживаем это уродство, когда высокие духовные лица, возглавители церковного Богослужения, теми же устами говорят неправду... Так это и было на Ассамблее в Найроби.

С этой стороны все понятно. Но как получилось, что независимый христианский форум согласился на соучастие в нашей неправде — почему умолчал, отказал в сочувствии узникам совести? Прошу заметить, что я говорю не о политике и не о том, что называется на Западе социальной работой церковью. Я говорю не о политике, а о религии — об основном, все решающем принципе святого Христианства: ЛИЧНОЕ МИЛОСЕРДИЕ, ПРОСТО МИЛОСЕРДИЕ. Достойные авторы в Обращении к делегатам Ассамблеи писали, что по этому признаку будут так судить о нас, христианах: «истинно эти люди нашли Бога, ибо они больше, чем все другие, любят человека». Увы, на деле получается наоборот. Нерелигиозные сообщества и лица проявляют сострадание к узникам совести, а христиане во Всемирном Совете Церквей только рассуждают о любви на экуменических встречах, на деле же оказываются безжалостны. Как справедливо писали авторы Обращения, Всемирный Совет Церквей занимается самыми разнообразными проблемами — но только не делом христианской солидарности пред лицом гонений и, добавляю я, не защитой узников совести. «*В темнице был, и вы не посетили Меня*». Сегодня о страданиях Христа в темницах говорит академик Сахаров, а Всемирный Совет Церквей молчит, упорно молчит. Только один пример, из последних по времени. Авторы Обращения призвали Ассамблею возвысить голос в защиту *узников милосердия* — Андрея Твердохлебова и Сергея Ковалева, которые страдают за свою правовую деятельность в защиту верующих. «Христиане должны не остаться не-

благодарными!» Но как раз в дни Ассамблеи проходил процесс Сергея Ковалева, и он был осужден на 10 лет заключения и ссылки. Всемирный Совет Церквей и тут промолчал, христиане остались неблагодарны.

Уважаемый господин Генеральный Секретарь! Пятая Ассамблея собиралась под девизом: «*Иисус Христос освобождает*»... Как грустно звучит это сегодня, когда мы узнали, что Ассамблея отказалась выступить в защиту узников, фактически отреклась от узников — и тем явила собственную свою несвободу. Покорнейше прошу Вас извинить меня, я далек от намерения Вас обидеть, но я должен сказать Вам правду: вот так это выглядит со стороны. *Страдания узников совести, узников милосердия имеют величайшее мистическое значение, это есть приобщение к Страстям Христовым, это Святыня, пред которой должны преклониться Силы Небесныя.* А Всемирный Совет Церквей побоялся сказать хотя бы слово сочувствия. Мне представляется, что это ошибка — *историческая ошибка*, глубокая дискредитация Экуменического движения в данной форме.

Я подписываю это письмо один, но я знаю, что так думают многие. Поэтому осмеливаюсь просить Вас об ответе. Прошу Вас иметь в виду, что у нас нет достаточно полной информации об Ассамблее в Найроби. Да поможет Вам Господь в Вашем высоком служении.

*Священник Сергей Желудков
СССР, 180014, Псков-14,
Псковская улица, 6.
24 марта 1976 года*

К воспоминаниям об Александре Боярском¹

Будут ли еще и другие воспоминания об этом человеке? Архиепископ Александр Боярский (+1937 или 1938) был одним из деятелей церковного «обновления» в Петрограде. Его младший современник о. Сергей Румянцев рассказывал о нем с восхищением. Судя по его воспоминаниям, это был человек большого личного обаяния, священник по призванию, вполне интеллигентный и весьма одаренный — прекрасный баритон, ораторские способности, литургическое искусство. Будучи священником на Ижорском заводе, он удостоился попасть в «Историю заводов» М. Горького с характеристикой попа, авторитетного среди рабочих.

О. Сергей вспоминал эпизод, свидетелем которого он был лично. Год — 1918, место действия — храм в Колтушах под Ленинградом. Перерыв между ранней и поздней обеднями. Народ уходит и приходит, многие прикладываются к чудотворному образу святителя Николая. Здесь, у иконы, вдруг — истерический плач: у старушки украли сумочку с деньгами, главное же — с хлебными карточками. Священник выходит на солею, узнаёт — почему шум. Возглашает: «Тише! Тише все!»... И в наступившей тишине произносит: «Вор! ... Ты еще не ушел. Остановись, послушай меня». И говорит вдохновенную проповедь вору. Он призывает жулика к милосердию, просит понять — какое горе причинил он бедной старушке, вообразить, как ее встретят дома с этим несчастьем. Он говорит о святителе Николае — какой это милостивый, но какой и гневный святой. От лица народа

он обещает вору абсолютную безнаказанность — пусть только вернет карточки... И тут над толпой поднимается рука с сумочкой. Народ расступается, вор уходит. Другой свидетель, покойный о. Василий Павлов, служивший у о. Александра диаконом, кажется, в Петергофе, рассказывал, что у них в храме заведены были «детские всеобщие». Такая служба совершалась незадолго перед всеобщей обычной — по особому, весьма сокращенному чину. Пели, читали, прислуживали, звонили и присутствовали только дети — полный храм детей! Взрослым разрешалось стоять только у стен по периметру храма... Рассказчику особенно запомнилась всеобщая под Вербное воскресенье. Священник сказал хорошее слово о содержании Праздника. В положенное время (после чтения Евангелия) пошел он с диаконом по храму освящать вербы. Хоры оставались на клиросах, пение было плохо слышно. И вот, не зная, как выразить свои чувства, малые ребята поднимали ручонки с вербами и кричали: «Осанна!»... Взрослые плакали.

Упомянутый первый свидетель рассказал сцену в храме во времена раскола. О. Александр говорил проповедь. И вдруг его прервали из народа возгласом: «Знаем мы вас! Все вы на Гороховую бегаєте!»... На Гороховой улице было здание ВЧК-ОГПУ. Реакция священника была мгновенна. Он прервал проповедь и ответил с горячей убежденностью (это я запомнил дословно): «Александр Невский тоже в Орду ездил. Надо было ему — и ездил. И мы: надо нам — вот мы и бегаем!»...

Тот же свидетель рассказывал, что в храме на Сенной площади Александр Боярский (не знаю, был ли он

уже тогда архиереем) устраивал экспериментальные «среды» для приезжих священников. Полная свобода — служи и проповедуй, как тебе нравится. А после литургии — общая трапеза и братское критическое обсуждение служения и проповеди.

Из Ленинграда архиепископ Александр был переведен в Иваново и там арестован. Осужден «без права переписки», погиб в 1937 или в 1938 году, не помню. Жена рассказывала первому свидетелю, что у нее было видение — не во сне, наяву: он вошел в комнату и не остановился, вышел в другую дверь. Она успела только вскрикнуть: «Саша!»... Так она узнала о его кончине.

В 1952–1953 годах я был знаком с этой женщиной: она преподавала английский язык в Семинарии. Ее отличала особенная духовная настроенность. Когда семинаристы пели в столовой «Отче наш», ее лицо прямо-таки преображалось в молитве... Говорили, что когда муж принял архиерейский сан, она с ним разлучилась.

...Меня слушают с большим интересом, когда я рассказываю об этих неложных свидетельствах. И тут же — недоумение: как мог такой человек, как могли такие люди (выясняется, что он не один, что были и другие с подобными весьма положительными характеристиками), — как могли они присоединиться к столь позорному русскому «обновленчеству»? Как могли они участвовать в разбойничьем соборе, произнести заочное осуждение своему заключенному патриарху? Даже со снятием сана священства!... Оправдания не может быть, объяснение же можно усмотреть в трех факторах:

1. Соблазн, сделка с совестью ради возможности осуществить церковные реформы, необходимость которых давно уже была очевидна для всех... Велика же была (и остается) потребность подлинного церковного Обновления.

2. Соблазн, сделка с совестью ради возможности беспрепятственного служения, проявления личных творческих способностей. В частности, ради возможности архиерейства для «белого» духовенства.

3. Идеализация революции и новой власти. Покойная жена Боярского (как жаль, что я мало с ней разговаривал) рассказывала, что на даче у них собирались трое будущих «обновленцев»: очень уважаемый в Петрограде священник Иоанн Егоров, священник Александр Введенский и муж — священник Александр Боярский. Среди прочих горячо обсуждалась тема: «Возглавить коммунизм!»... Впоследствии подобные романтики пострадали не меньше, чем «староцерковники». Такова была горестная судьба Александра Боярского.

Сентябрь 1981

Письма Сергея Желудкова к Н. Я. Мандельштам

Личность и творчество Надежды Яковлевны Мандельштам всегда интересовало не только ее читателей. Можно сказать, что в своем творчестве она была конгениальна своему супругу. Это стало ясно после выхода ее первой книги воспоминаний. За ней последовала вторая

книга, а затем воспоминания об Ахматовой. Сегодня, благодаря усилиям Мандельштамовского общества, издан объемный двухтомник, в котором собраны ее произведения. Остаются неизданными ее письма, а также письма к ней.

С отцом Александром Менем ее связывали долгие годы дружбы. Она была не только его прихожанкой, но часто приезжала и гостила в доме родителей его жены в Семхозе. В мае 1990 года была опубликована рецензия отца Александра Меня на первое издание ее книги в СССР. Спустя 12 лет после ее смерти, он признавался: «...когда я в первый раз взялся за книгу Н. Я., меня больше интересовала личность ее главного героя — Осипа Мандельштама. Ведь кроме стихов мы тогда мало что о нем знали. Его имя едва-едва высвободилось из искусственно созданного плена забвения. Но с каждой страницей “Воспоминаний” мне становилось все яснее, что личностью поэта они не исчерпываются. Рядом с ним я находил меткие характеристики и наброски портретов современников. А главное — вырисовывалась фигура самой Н. Я., человека острого ума, наблюдательного, задорного, бескомпромиссного... Я часто заставал Н. Я. за чтением Бердяева (это происходило во время летних посещений Семхоза). Его мысли были ей необычайно близки. И вообще она видела в свободной христианской философии один из островов, уцелевших среди вселенского потопа. Вечные истины Евангелия справедливо представлялись Н. Я. подлинной опорой, которая не подведет в любых обстоятельствах. Она верила в бессмертие. Верила есте-

ственно и органично, что особенно поражало в таком здравомыслящем, порой даже скептическом человеке. “Я не боюсь смерти”, — часто говорила она мне. И это была не фраза. Не самоутешение. К фразерству и иллюзиям у нее не было никакой склонности. Это была вера. Цельная, как и вся ее натура. Вера и давала ей энергию сопротивления... трудно избавиться от ощущения, что “Воспоминания” написаны счастливым человеком. Парадокс? Да, но объяснимый. С ней было легко, хорошо, весело. Как магнитом она притягивала к себе разных людей. Особенно молодых. Кто только не перебивал на ее убогой кухоньке, которая надолго стала приютом свободной мысли и душевной открытости».

Это объединяло их — священника и Н. Я., которая была намного старше его. Своему прихожанину Владимиру Леви отец Александр как-то сказал: «Отмываем жемчужины. Серые среди наших — редкие птицы, они кормятся по другим местам». Надежда Яковлевна была одной из наиболее ярких жемчужин. Молодежь не обижалась на ее острые характеристики. Описывая круг ее общения, отец Александр отмечал: «Для многих общение в этом кругу было настоящей школой. Оно давало глоток живительного воздуха среди удушья “застойных” лет. Здесь обсуждались вопросы философии, политики, религии, искусства. И душой всего была эта измученная страданиями, больная старая женщина. Да, она была остра на язык. Порой пристрастна. Многие считали, что несправедлива. Но друзей это не шокировало. “Колючесть” как бы шла ей. Была неотделимой чертой ее натуры. Свет привлекает.

Н. Я. Мандельштам

Она привлекала светом. Он отразился в ее книге. Для постороннего взгляда судьба ее была изломана. На самом же деле Надежда Мандельштам — удивительный пример человека, который до конца сумел выполнить свое призвание на земле. Вот почему ее можно считать счастливой». Прошло полгода со дня кончины Надежды Яковлевны — это было 29 июня 1981 года. Помню, как в Новую Деревню приехали Сергей Аверинцев и Евгений Пастернак с женой — Еленой. Храм был пуст — это был будний день. Ожидая панихиды, Аверинцев подошел к большой иконе святителя Дмитрия Ростовского, висевшей справа на стене, и начал негромко, вслух, читать что-то на греческом. Елена Владимировна пошептала на ухо мужу и он подошел поближе к Аверинцеву, протянул руку и дотронулся до него. Так он и стоял, вбирая молитвенную энергию, пока Сергей Сергеевич не закончил молитву. Потом, в полупустом храме отец Александр отслужил панихиду, прозвучавшую как-то особенно пронзительно.

С Надеждой Яковлевной отец Сергей Желудков познакомился в 1971 году у отца Александра Меня. Они быстро подружились. Многое сближало их. Псков был тем городом, где жил и работал отец Сергей, где в 60-е годы трудилась и Н. Я. По своему темпераменту он был борцом за правду и справедливость. Письма отца Сергия к Надежде Яковлевне хранятся в РГАЛИ.

Публикация стала возможной благодаря усилиям председателя Мандельштамовского общества Павла Нерлера, который нашел и отсканировал эти письма, хранящиеся в РГАЛИ в фонде Н. Я. Мандельштам.

Письма священника Сергия Желудкова к Н. Я.

№ 1

Глубокоуважаемая Надежда Яковлевна!

Я только что получил Ваше письмо. Очень рад, что Вам здесь понравилось. Конечно, я смущен. Танечки пока еще нет (она хотела заехать в Ленинград). Мы уже с ней говорили: с радостью всегда готовы принять Вас в нашем доме! Милости просим! Сердечный привет Леночке и Ире,¹ которая принесла Вам розы в день возвращения. Призываю на Вас Божие благословение.

*Всегда Ваш, Благодарный
Свящ. С. Желудков
2.06.1971*

№ 2

Дорогая Надежда Яковлевна!

Получили Ваше письмо — и поехали на телефон. В письме была нотка усталости от чужих дел — так мы хотели бы заполнить Вас на Вашу дачу в Пскове². Если бы Вы приехали, то явился бы особый смысл и нам здесь подежурить. Приглашение остается в силе. А пока желаем Вам благополучных путешествий и приятных встреч. Вы везде приносите утешение, Вы заработали себе эту способность ценою великого горя, о котором больно думать.

Сердечный привет Леночке и каждому и каждой из тех ваших друзей, с которыми мы имели честь познакомиться. Благословение Божие и мир призываю на Вашу жизнь.

*Всегда Вам Благодарный
Свящ. С. Желудков*

27.07.1971

№ 3

Дорогая Надежда Яковлевна!

Подражая Вам в краткости, что ВТЭК состоится 14 июля. Мы так Вам признательны за Ваше участие. И я так рад за Танечку³, что Вы ее оценили. Во-вторых, в половине месяца надеюсь поехать в Москву и, может быть, Вас повидать. Будьте здоровы и Богом хранимы.

Всегда Вам благодарный

Свящ. С. Желудков

10.07.1971

№ 4

Дорогая Надежда Яковлевна!

Моя сестра Надя, по всей вероятности, не совсем здорова. Не поблагодарив вовремя Вас за подарок, она не нашла ничего лучшего, как поправить дело таким ужасным способом. Пожалуйста, будьте великодушны. Увы, вот живое подтверждение известных оценок. Будьте здоровы!

Всегда Вам благодарный

Свящ. С. Желудков

20.11.1971

№ 5

К 27.12.

Дорогая Надежда Яковлевна!

В этот скорбный день прошу Вас принять искреннее сочувствие. Requiescat in pace⁴. Вечная память — Вечная Жизнь! Позвольте также снова выразить восхищение памятником, который подготовила Жена великого Поэта.

Всегда Вам благодарный

свящ. С. Желудков

24.12.1971

№ 6

Дорогая Надежда Яковлевна!

Извините, что я так задержался с ответом. Ваше письмо от 15.01 я только что получил — был в Ленинграде. Танечка наша больна — что-то плохо с головою (сосуды). Причина уже много лет все та же — болезнь сына (алкоголизм). На днях снова к ней поеду, возможно, надолго. Вы пишете, что боитесь беспомощности — «повиснуть на друзьях». Но вот пока что Вы сами всем помогаете. Дай Вам Бог еще много лет жизни на этом свете.

Всегда Вам благодарный

Свящ. С. Желудков

01.02.1972

№ 7

Дорогая Надежда Яковлевна!

С Новым годом от Рождества Христова — с Рождеством Христовым! Примите самые лучшие пожелания. Храни Вас Бог.

Всегда Вам благодарный

Свящ. С. Желудков

Таня

№ 8

К 27.12.1972

Дорогая Надежда Яковлевна,

В этот траурный день мы просим принять и наше сочувствие. Вечная Память — Вечная Жизнь! Христианская Надежда — Безгранична.

Всегда Вам благодарный

Свящ. С. Желудков

Таня

№ 9

Дорогой Юрий Анатольевич!⁵

Наш общий друг Б. просил передать Вам, что хотел бы получить Ваш ответ, и в дальнейшем поддерживать тематическую переписку (собирается второй том).

К сожалению, я не могу в моем нынешнем состоянии быть здесь посредником. Я думаю, что Вы могли бы связаться с С. через Сергея Юрьевича, с которым С. уже знаком достаточно близко.

Громадный привет Татьяне Дмитриевне, Сереже и Машеньке. Т. Д. всегда Вас вспоминает с благодарностью. Примите самые лучшие пожелания.

Всегда Вам благодарный

Ваш С. Желудков

18.03.1974

P. S. при случае — привет С. Д. и его дочери.

№ 10

Глубокоуважаемая Надежда Яковлевна!

Сердечно поздравляю Вас с наступающим днем Ангела. Извините, что пишу на машинке — у меня неважно с глазами, так мне легче. С самыми лучшими пожеланиями, Всегда Вам благодарный свящ. С. Желудков

30.09.1971

Публикация *Сергея Бычкова*

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо А. И. Солженицына патриарху Московскому и всея Руси Пимену

¹ Общепринятое титулование — Святейший патриарх Московский и всея Руси.

² Обычное обращение — Ваше Святейшество!

³ А. И. Солженицын упоминает об «Открытом письме» двух священников — Николая Эшлимана (1929–1985) и Глеба Якунина (1934), адресованное Святейшему патриарху Московскому и всея Руси Алексию I осенью 1965 года. Письмо вызвало огромный резонанс за рубежом, поскольку затрагивало самые болевые точки взаимоотношений между Русской Церковью и атеистическим государством. Спустя полгода оба священника были запрещены в священнослужении.

⁴ С начала 60-х годов XX столетия Советом по делам религий в рамках борьбы с Церковью были введены дискриминационные правила — родители, если они желали окрестить ребенка, должны были предъявлять старосте храма свои паспорта. Данные фиксировались, затем поступали в местные органы власти, и часто к родителям применялись всевозможные репрессии.

⁵ Речь идет о письмах 65-летнего преподавателя математики, сына репрессированного священника Бориса Владимировича Талантова (1901–1971) и 12 жителей Кировской области, которые протестовали против массового закрытия храмов в период «хрущевских» гонений на Церковь в на-

чале 60-х годов. В 1969 году Б. В. Талантов был арестован и осужден по статье 190 п.1 (клевета на Советскую власть) на три года лагерей. Умер 4 января 1971 года в Кировской следственной тюрьме.

⁶ Архиепископ Ермоген (Голубев) (1896–1978) — с 1953 года епископ Ташкентский и Среднеазиатский. В 1957 году выстроил в Ташкенте православный храм. Был уволен в заштат. В 1963–1965 гг. архиепископ Калужский и Боровский. Активно противостоял наступлению боготорцев в разгар хрущевских гонений и отстаивал храмы от закрытия. После смещения Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС обратился с группой епископов с письмом к патриарху Алексию I с просьбой пересмотреть неканоничные решения Архиерейского собора 1961 года. Поддерживал отношения с группой московских священников, в которую входили Глеб Якунин, Николай Эшлиман, Александр Мень, Всеволод Шпиллер, Александр Куликов, Димитрий Дудко и другие. После того, как отказался отозвать свою подпись под письмом патриарху, был уволен вторично за штат. Скончался, проживая на покое в Жировицком монастыре.

⁷ Речь идет о Совете по делам религий, официальном органе, надзиравшем за всеми религиозными конфессиями в СССР и подчинявшемся непосредственно ЦК КПСС.

Ответ отца Сергия

¹ См. примечание 5.

² Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин (1915–1991) — церковный историк и публицист. Первый раз был арестован после Второй мировой войны, провел в лагерях несколько лет. Вторым раз арестован в 1969 году по обвинению в клевете (ст. 190 п. 1 УК СССР). В 1974 году вынужден был покинуть пределы СССР под угрозой очередного ареста. Умер в Швейцарии.

Священник Сергей Желудков. Историк

¹ Феликс Карелин (1929–1992) — околоцерковный публицист. Был идейным вдохновителем и редактором окончательного варианта письма двух священников — о. Николая Эшлимана и о. Глеба Якунина патриарху Алексию I. Сыграл печальную роль, явившись инициатором раскола группы священников, в которую входили видные представители московского духовенства.

² Отец Сергей, как и большинство его современников, считал, что Святейший патриарх Тихон (Белавин) допустил трагическую ошибку во время голода в России в 1921–1922 гг. Из-за фальсификации большевиками документов той эпохи, он полагал, что патриарх запретил священнослужителям жертвовать в пользу голодающих священнослужительские предметы. Более подробно эта проблема рассмотрена мною в неопубликованной книге «Противостояние тоталитаризму. Большевики против Русской Церкви. 1917–1941 гг.»: «Попытки российской общественности помочь голодающим привели к разгону большевиками Всероссийского Комитета Помощи голодающим. Комитет был узаконен постановлением Президиума ВЦИК 21 июля 1921 года: постановление подписано его председателем М. И. Калининым. В партийных архивах сохранились документы, свидетельствующие о том, что решение ввести в ВКПГ патриарха Тихона принималось на уровне Политбюро. На заседании от 7 июля 1921 года: «Слушали: О посылке по радио воззвания патриарха Тихона. Постановили: Согласиться с заключением комиссии т. Рыкова и дать распоряжение о посылке по радио воззвания патриарха Тихона, поручив составить сообщение для газет об этом воззвании тт. Бухарину и Стеклову, не помещая самого воззвания в газетах» (Российский Государственный архив социально-политических исследований. Ф. 17. Оп. 3. 184. Л.1). Протокол подписан секретарем ЦК В. М. Молотовым.

Но просуществовал ВКПГ немногим более месяца, и 27 августа того же года появилось постановление Президиума ВЦИК за подписью заместителя председателя Петра Залуцкого о его ликвидации. В преступление членам Комитета вменялось не только их стремление помочь голодающим, но и обращение за помощью к патриарху Тихону, а также напечатание летом 1921 года сотысячным тиражом его воззвания к верующим в России и за рубежом с просьбой помочь голодающим. В нем прозвучал призыв: «Пастыри стада Христова! Молитвою у престола Божия, у родных святынь, исторгайте прощение Неба согрешившей земле. Зовите народ к покаянию: да омоется покаянными обетами и Святыми Тайнами, да обновится верующая Русь, исходя на святой подвиг и его совершая, и да возвысится он в подвиг молитвенный, жертвенный подвиг. Да звучат вдохновенно и неумолчно окрыленные верою в благодатную помощь свыше призывы ваши к святому делу спасения погибающих. Паства родная моя! В годину великого посещения Божия благословляю тебя: воплоти и воскреси в нынешнем подвиге твоём святыне, незабвенные деяния благочестивых предков твоих, в години тягчайших бед собиравших своею беззаветною верою и самоотверженной любовью во имя Христово духовную русскую мощь и ею оживотворявших умиравшую русскую землю и жизнь... Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода...» (Акты Святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы (1917–1943). М., 1994. С. 176–177).

Усилия Комитета и воззвание патриарха Тихона сделали свое дело, и 21 августа 1921 года в Риге заместителем наркоминдела Максимом Литвиновым было подписано соглашение с представителем Американской организации помощи (АРА). Американцы заявили о немедленной высылке первых вагонов с продовольствием, а Герберт Кларк Гувер, тогдашний глава АРА, обещал, что ежемесячно на нужды голода-

ющих будет расходоваться не менее полутора миллионов долларов — по тем временам колоссальная сумма. От имени общественности соглашение о поставке продовольствия подписал и знаменитый путешественник Фритьоф Нансен. Но Ленин и Троцкий приняли решение разогнать ВКПГ. После разгона Комитета почти все его члены были препровождены на Лубянку. Ленин призвал прессу «на сотни ладов высмеивать «Кукишей»» — так он называл ВКПГ. Неудивительно, что голод в стране приобретал все больший размах. Разгон ВКПГ показал, что власти не намерены терпеть какой-либо помощи, и прежде всего от Церкви. И все-таки Политбюро вынуждено было еще раз уступить патриарху. На заседании Политбюро 9 февраля 1922 года большевики были вновь вынуждены вернуться к вопросу об обращении за помощью к Церкви: «Слушали: О разрешении напечатать воззвание патриарха Тихона о помощи голодающим. Постановили: Разрешить напечатать отдельным листком» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 261. Л. 6). Протокол также подписан секретарем ЦК Молотовым.

В этом послании, отпечатанном типографским способом по разрешению Политбюро, патриарх Тихон взывал: «Бедствие голода разрослось до крайней степени. Протяните же руки свои на помощь голодающим братьям и сестрам и не жалейте для них ничего, деля с ними и кусок хлеба и одежду по заветам Христа. Учитывая тяжесть жизни для каждой отдельной христианской семьи вследствие истощения средств их, мы допускаем возможность духовенству и приходским советам, с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслет, ожерельев и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом) на помощь голодающим» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 261. Л. 13–14). По-

слание датировано 6 февраля 1922 года. В тех же партийных архивах хранится документ, адресованный советской прессе. В нем уверяется: «По постановлениям Центрального Комитета помощи голодающим ВЦИК собранные духовенством средства поступают в КомПомГол на особый счет духовенства. Духовенство допускается к совместной разработке плана использования собранных средств, и распределение пожертвований, собранных духовенством, будет производиться на местах голода КомПомГол при участии местных духовных органов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 244. Л. 29). Мнения в Политбюро разделились — сторонники жесткой линии стремились во что бы то ни стало не допустить Церковь к участию в деле помощи голодающим. Их было большинство — среди них Ленин, Сталин, Троцкий, Зиновьев, Красиков, Ярославский. Им противостояло меньшинство — Калинин, как председатель ЦК Помгола, Рыков и Каменев. Но все же Церковь временно была допущена к делу помощи голодающим — вопреки мнению большинства. Этому способствовала ситуация — голод зимой 1921–1922 года стремительно нарастал. К началу зимы голодало 23 миллиона, прогнозировалось, что количество голодающих может достичь 50 миллионов человек. В какой-то миг казалось, что большевики готовы сотрудничать с Церковью в деле помощи голодающим. Но это была иллюзия.

Патриарх Тихон все полученные им пожертвования, как из России, так и из-за рубежа передавал в ЦК Помгола. В храмах зачитывалось его послание и по воскресеньям шел активный сбор средств, которые передавались в местные комиссии Помгола. Но чаще всего на местах власти игнорировали это распоряжение Политбюро и не допускали духовенство в Комиссии Помгола. По различным подсчетам от голода в России в 1921–1922 годах погибло около 13 миллионов человек. А до наступления голода около 8 миллионов россиян пали жертвами Гражданской войны. К концу

зимы сторонники жесткой линии в Политбюро взяли верх. 23 февраля 1922 года был издан декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Спустя пять дней, 27 февраля, патриарх Тихон обратился к верующим с посланием: «...Тогда же (в августе 1921 г.) был основан Нами Всероссийский церковный комитет помощи голодающим и во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначенных на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана Советским правительством излишней и все собранные Церковью денежные суммы потребованы к сдаче и сданы правительственному комитету. Однако в декабре Правительство предложило нам делать при помощи органов церковного управления... пожертвования деньгами и продовольствием для оказания помощи голодающим. Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, мы нашли возможным разрешить церковно-приходским Советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, о чем и оповестили православное население 6 февраля сего года особым воззванием... Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах по отношению к духовным руководителям Церкви, 23 февраля ВЦИК, для оказания помощи голодающим, постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие церковные богослужебные предметы. С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства...» (Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 190). Патриарх запретил верующим отдавать священные сосуды и богослужебные предметы. В «Секретной инструкции» к Посланию патриарх Тихон уведомлял епископат и духовенство: «Мы с гневом отвергаем и караем отлучением от Церкви даже добровольное пожертвование священных риз и чаш: важно не что давать, а кому давать. Читая строки

Послания нашего, указуйте о сем своей пастве на собраниях, на которых вы можете и должны бороться против изъятия ценностей. Мы разрешаем отдавать только лом и подвески с образов» (Там же. С. 191). Несмотря на противодействие властей, Русская Церковь сумела собрать за предельно короткий срок к февралю 1922 года около 9 миллионов рублей, не считая ювелирных изделий, золотых монет и продовольственной помощи голодающим.

³ Речь идет о «Журнале Московской Патриархии», в котором в советские годы публиковались в основном речи патриарха, членов Священного Синода, отчеты о миротворческих конференциях и некрологи почивших священнослужителей.

⁴ «Покойный митрополит Сергей» — митрополит, с 1927 года — заместитель патриаршего местоблюстителя, а с 1943 по 1944 гг. Святейший патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) (1867–1944).

⁵ Речь идет о статье «Вопль Русской Церкви» Н. А. Бердяева (1874–1948), опубликованной им в поддержку так называемой «Декларации митрополита Сергея» в газете «Последние новости» 13 сентября 1927 года. Н. А. Бердяев вплоть до своей смерти был прихожанином храма в Клараме, который находился в юрисдикции Московского патриархата. В частности, он писал: «Некоторые места послания митрополита Сергея шокируют, подписка, которую он предлагает дать, лишена отчетливости и юридического смысла. Но нужно внутренне понять, что это все значит. Митрополит Сергей даже лишен возможности назвать Россию по имени и принужден называть ее Советским Союзом. Но мы должны увидеть за этим Россию и признать ее радости и печали своими».

⁶ Митрополит Сурожский Антоний (Блюм) (1914–2003). Выдающийся проповедник и миссионер, создатель православной Сурожской епархии в Англии. С 1950 года — настоятель храмов святого апостола Филиппа и преподобного Сергия в Лондоне. С 1957 года — епископ Сергиевский, викарий

эксарха Московского патриархата в Западной Европе. С 1962 архиепископ, а затем митрополит Сурожский, управляющий православной епархией на территории Британских островов. Во время гонений на Русскую Церковь в СССР неизменно выступал с критикой коммунистических вождей и политики притеснения верующих.

⁷ Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин) (1900–1985), православный богослов, историк Церкви. Юношей во время Гражданской войны эмигрировал из России. В 1921 году получил богословское образование в Париже. В 1925 году уехал на Афон, подвизался в Свято-Пантелеймоновском монастыре вплоть до 1947 года. В 1947 году уехал в Англию. С 1951 года жил в Оксфорде, где был рукоположен во иеродиакона, а затем в иеромонаха домовый церкви архимандрита Николая (Гиббза). С 1957 года — архимандрит. С 1959 года настоятель Благовещенского храма в Оксфорде. Летом этого же года хиротонисан во епископа Волоколамского — второго викария эксарха Западной Европы. С 1960 года — епископ, а затем вплоть до своей смерти — архиепископ Брюссельский и Бельгийский. Его позиция по отношению к гонимой Русской Церкви в СССР была более радикальной, нежели митрополита Антония.

⁸ Отец Сергей относился вполне трезво к личности Святейшего патриарха Московского и всея Руси Пимена (Извекова) (1910–1990), несмотря на то, что защищал его в полемике с Солженицыным. Он был далек от идеализации личности патриарха, но и не вставал на сторону тех, кто безоговорочно осуждал его. Он стремился перенести центр тяжести на личный грех каждого из верующих, следуя заповеди о неосуждении ближнего. Хотя эпитет «советский», который он прилагает к патриарху, говорит о многом. Нравственный облик советских патриархов — дело будущих историков. Пока мы сталкиваемся со стремлением как светских, так и части церковных историков идеализировать личности

патриархов советского периода — Сергия, Алексия I и Пимена. М. И. Одинцов в исследовании «Русские патриархи XX века» (М., 1999), и С. Фомин в объемном сборнике самых разноречивых, а порою и апокрифичных материалов «Страж дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей Страгородский» (М., 2003) договариваются до того, что патриарха Сергия необходимо причислить к лику святых. Заслуги и недочеты патриархов советского периода до сих пор не рассмотрены историками во всей полноте. Важно обрисовать и нравственный облик первоиерархов этого периода. Очень интересна публикация Таисии Белоусовой «Любовь земная» в ежемесячнике «Совершенно секретно» (№ 7, июль 2004), в которой опубликована часть личной переписки патриарха Пимена. Она приоткрывает завесу над личностью патриарха, которого обычно считали весьма консервативным человеком и строгим монахом.

⁹ Эти слова принадлежат священнику Александру Меню, с которым отец Сергей дружил многие годы.

Пророчество

¹ Арсений (Мацеевич), митрополит Ростовский и Ярославский (1697–1772) в 1763 году выразил протест против изъятия церковных земель и монастырских крестьян. Современники вспоминали о нем: «Жизни митрополит был воздержной, а характером, видно, строгий». Еще при жизни императора Петра III митрополит Арсений обращался к нему с посланиями. Был осужден судом Святейшего Синода за обращения к Екатерине II, лишен сана и отвезен сначала в Ферапонтов монастырь, затем в Николо-Корельский, а потом в Анзерский скит Соловецкого монастыря. В 1767 году лишен монашества и сослан в Верхнеудинский острог. Не доехав до Вологды, был возвращен и заключен в Ревельской крепости, где и скончался в заключении. На Поместном Соборе Рус-

ской Церкви 1917–1918 гг. был восстановлен в своем сане. На Архиерейском Соборе в 2000 году причислен к лику святых.

² Влияние Григория Распутина, «друга» семьи последнего императора из дома Романовых, было настолько велико, что ему удавалось назначать на епископские кафедры своих ставленников. Так, благодаря ему, Санкт-Петербургскую кафедру занял митрополит Питирим (Окнов), человек порочный, но зато лично преданный «старцу». Часть епископата поддерживала Распутина и добивалась через него выгодных назначений.

³ Многие факты биографии патриарха Пимена до сих пор остаются под спудом. Известно, что в 30-е годы он примкнул к движению «непоминающих», в 1934 году был арестован и отбывал трехлетний срок на строительстве Беломоро-Балтийского канала. В 1937 году был выслан в город Андижан, в Узбекистан. В 1941 году был призван в армию и участвовал в боевых действиях как санинструктор. В 1944 году был арестован вторично и отбывал двухлетний срок в Воркуте, в концлагере «Воркута-уголь». В 1945 году был освобожден. А уже в 1946 году возобновил священнослужение в Одесской епархии.

Отклик отца Иоанна Мейендорфа

¹ В 1929 году в СССР было принято Законодательство о культах, дискриминационное по своей сути. Согласно этому Закону религиозным конфессиям можно было лишь совершать богослужения, но только при условии, если власть (уполномоченные атеистической власти) дает им разрешение. Запрещалась всякая социальная и благотворительная деятельность, а главное — жизнь Церкви находилась под неусыпным контролем богоборческого государства. Законодательство 1929 года просуществовало вплоть до 1990 года, когда было пересмотрено и отменено Верховным Советом.

Письмо доктору Филиппу Поттеру

В ноябре 1975 года в Найроби (Африка) проходила 5 Ассамблея Всемирного Совета Церквей. На ней присутствовала, как полноправный член ВСЦ, и делегация Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Ювеналием. Заседания Ассамблеи прошли, быть может, как обычно, вполне рутинно, если бы не Открытое письмо священника Глеба Якунина и мирянина Льва Регельсона, адресованное членам Ассамблеи. Основная тема письма — религиозные гонения в СССР и равнодушное отношение к ним западных христиан. Открытое письмо было опубликовано в местной газете «Таргет» в английском переводе. Газета во время заседаний Ассамблеи выходила ежедневно и раздавалась всем участникам. Поэтому эффект от письма превзошел все ожидания.

В «Таргет» тут же был опубликован ответ митрополита Ювеналия, который попытался подорвать престиж авторов письма. Он также утверждал, что общество в СССР совершенствуется и идет к демократии, а Церковь активно участвует в этом процессе. Однако это не помогло, и большинство участников требовало, чтобы вопрос о религиозных преследованиях христиан в СССР был включен в повестку дня. Ясно было, что митрополит Ювеналий не в состоянии справиться с нарастающим скандалом. Поэтому из Москвы был срочно вызван митрополит Никодим (Ротов), который выступил с ультиматумом ВСЦ. Он пригрозил, что в случае, если Ассамблея выступит с признанием религиозных гонений в СССР и осудит их, РПЦ выйдет из ВСЦ. Более того, он заявил, что принятие резолюции, на которой настаивало большинство, резко ухудшит положение Русской Церкви. Митрополиту Никодиму удалось добиться того, что проблемы, поднятые в письме двух авторов, не были включены в повестку дня. Они рассматривались на вечерней сессии

после закрытия официальных заседаний. Слушания были продолжительными, и делегаты Русской Церкви принимали в них активное участие. После этого ЦК ВСЦ заседал до утра 9 ноября. Была принята поправка к резолюции Ассамблеи. Она гласила: «Ассамблея поручает Генеральному Секретарю позаботиться о том, чтобы вопросы религиозной свободы стали предметом частых консультаций с членами ВСЦ, с Церквями держав, подписавших Хельсинкское соглашение, и чтобы первый отчет об этом был представлен на следующем заседании Центрального Комитета ВСЦ в августе 1976 года».

Резонанс и отклики на письмо были настолько велики как на Западе, так и в СССР, что Совет по делам религий не мог не оставить его без внимания. 21 марта 1976 года появилось письмо прихожан Никольского храма в селе Пушкино с протестом против «клеветнических» утверждений священника Глеба Якунина и Льва Регельсона. Настоятелем в Никольском храме был священник Димитрий Саган (1929–2003), бывший сотрудник Отдела внешних церковных сношений, служивший в 60-е годы в Египте и Канаде. Он был известен как священник, активно сотрудничавший с КГБ. Он лично знал отца Глеба Якунина, поскольку в Пушкино находилась дача его тетушек. Письмо «прихожан» было отчасти и инициативой отца Димитрия. Оно было передано по Би-би-си. Письмо отца Сергия Желудкова Генеральному Секретарю ВСЦ было вызвано этим письмом «прихожан».

Письма А. Д. Сахарову

¹ Василь Омелянович Романюк (1925–1995) родился в селе Химичи, Станиславовской области, на Западной Украине. Служил в Иваново-Франковской области, где в 1972 году был арестован за письма в защиту украинского историка В. Мороза. Освободился из заключения в начале

80-х. В начале 90-х годов принял монашество с именем Владимир. После раскола в Украинской Православной Церкви в 1992 году примкнул к митрополиту Филарету (Денисенко). Был избран патриархом раскольничьей ветви (Украинская Православная Церковь Киевского патриархата). Скончался 14 июля 1995 года. Похоронен близ Киевской Софии.

К воспоминаниям об Александре Боярском

¹ Боярский (Сегенюк) Александр Иванович (1885–09.09.1937) — протоиерей, обновленческий митрополит. Родился в с. Копытово Владовского уезда Холмской губернии в семье псаломщика. В 1906 г. окончил Волынскую Духовную семинарию, а в 1911 г. Санкт-Петербургскую Духовную академию, кандидат богословия. В 1911 г. рукоположен во священника и назначен на ст. Вержболово, служил в западных епархиях. С 1914 г. полковой священник на фронте, в 1915 г. назначен помощником смотрителя Виленского Духовного училища, затем в Троицкую церковь г. Колпино. С декабря 1915 по декабрь 1931 гг. настоятель Троицкого храма (29 марта 1918 г. получившего статус собора). Один из руководителей образованного 7 марта 1917 г. «Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян», одновременно организовал в г. Колпино свою группу «Друзья церковной реформации». Арестован 24 июля 1921 г., постановлением Президиума Петроградской губ. ЧК от 3 сентября 1921 г. приговорен к одному году принудительных работ с высылкой из пределов губернии. Вскоре освобожден по распоряжению В.Ленина. В 1921–22 гг. профессор Петроградского Богословского института. В мае 1922 г. уклонился в обновленчество, один из его главных идеологов. С 1923 г. член Священного Синода, с 1925 г. в сане протопресвитера. В 1924–30 гг. настоятель кафедрального обновленческого Спасо-Сенновского собора, одновременно

в 1926 г. настоятель Исаакиевского собора и в 1924–39 гг. профессор Ленинградского Богословского института. Вновь арестован 4 апреля 1925 г., освобожден в конце мая 1925 г. С декабря 1931 г. служил в г. Кинешма, в 1933 г. хиротонисан во епископа Ивановского и Кинешемского, с конца 1933 г. в сане архиепископа. В 1935 г. возведен в сан митрополита Ивано-Вознесенского. Арестован 17 марта 1936 г. Постановлением ОС НКВД от 15 июля 1936 г. приговорен к 5 годам заключения, отбывал в Суздальской тюрьме. Постановлением Тройки Управления НКВД по Ивановской области от 9 сентября 1937 г. приговорен к смертной казни. В тот же день расстрелян в г. Иванове.

Письма Сергея Желудкова к Н. Я. Мандельштам

¹ — речь идет о прихожанках о. Александра Меня, помогавших Н. Я. по дому.

² — о. Сергей в шутливой манере называет ту половину дома в Пскове, в которой он жил, дачей Н. Я.

³ — речь идет о Татьяне Гавриловне Дроздовой, прихожанке о. Сергея, перенесшей сталинские лагеря. На ее имя была приобретена часть дома, в которой жил о. Сергей. Она сохранила его архив, который сегодня хранится в ГАРФ.

⁴ — *Requiescat in pace* — да упокоится с миром (лат.). 27 декабря — день гибели О. Э. Мандельштама. Памятником поэту о. Сергей называет книгу воспоминаний Н. Я.

⁵ — непонятно, кому адресовано это письмо и почему оно оказалось в архиве Н. Я. Скорее всего, отец Сергей через Н. Я. передал письмо одному из вероятных адресатов, приглашая его принять участие в переписке под названием «Христианство и атеизм».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аввакум, протопоп 58
Аверинцев С. С. 377
Августин, бл. 136, 258, 266
Адельгейм Павел, свящ. 31
Аксенов-Меерсон Михаил, свящ. 5
Александр III, имп. 53
Алексий I (Симанский), патр. 9, 33, 241, 325, 328, 330, 332, 382, 383, 384, 391
Амальрик А. А. 352
Андрей Критский, св. 232
Антоний (Блюм), митр. Суружский 25, 236, 331, 350, 389, 390
Антоний (Храповицкий), митр. 176, 181
Антонин (Грановский), еп. 159, 160, 287
Архангельский А. 121
Афанасий (Сахаров), еп. 32, 33, 35
Барабанов Е. В. 5, 43
Бахметев Н. И. 81, 82, 85
Беляков Е. В. 3
Беляков Петр 3
Белякова Т. Е. 3
Бердяев Н. А. 45, 331, 374, 389
Березина Е. 5
Боярский А., свящ. 370, 371, 373, 395
Ванеев А. А. 28, 29
Василий (Кривошеин), архиеп. 331, 390
Василий Великий, свт. 152, 163, 170, 181
Вениамин (Милов), еп. 122
Вениамин (Краснопевков-Румовский), арх. 99
Вениамин (Федченко), архиеп., *втосл.* — митр. 94
Вильгельм II, имп. 134
Войнович В. Н. 45, 352
Гайнов Николай, свящ. 24
Гитлер А. 351
Глускина С. М. 39, 40
Гоголь Н. В. 244
Голованов Н. С. 76
Голубинский Е. Е. 199
Голубцов А. П. 131, 148–151, 281
Гомер 60, 64
Горький М. 370
Гриб А. 31

- Гриб С. 31
 Григоренко П. Г. 45, 352
 Григорий Богослов, свт. 146
 Григорий (Чуков), митр. Ленинградский и Новгородский 140
 Громадка Йозеф 12
 Даль В. 202
 Дарманский П. 10, 12
 Дебольский Григорий, свящ. 99
 Джемилев Р. 352
 Дмитриева Е. Е. 38, 42
 Дроздова Т. Г. 38, 48, 396
 Дулуман Евграф 10
 Дюкова Л. Г. 39
 Ельчанинов Александр, свящ. 247, 263, 275
 Ермоген (Голубев), архиеп. 383
 Иванов Константин 27, 28, 31
 Иоанн Богослов, ап. 146
 Иоанн Дамаскин, прп. 107, 115, 116, 181, 211
 Иоанн Златоуст, свт. 124, 126, 149, 152, 171, 173, 181, 336
 Иоанн Кронштадский, св. прав. 240, 242
 Иоанн Лествичник, прп. 264
 Иоанн Мосх, мон. 151
 Иоанн (Разумов), митр. Псковский и Порховский 31
 Иоанн (Шаховской), архиеп. Сан-Франциский 346
 Карабинов И. А. 58, 130, 131, 283
 Ковалев С. А. 368, 369
 Кони А. Ф. 24
 Корнилов В. Н. 352
 Кравецкий А. Г. 33
 Красин В. А. 15, 16
 Краснов-Левитин А. Э. 13, 14, 44, 238, 326, 383
 Лев VI Философ (Мудрый) 117
 Леви В. Л. 375
 Леонид (Поляков), митр. Рижский и Латвийский 31
 Литвинов П. М. 12, 17
 Лотман Ю. М. 38
 Любарский К. А. 15
 Маймин Е. А. 38
 Макаровский А. И. 60
 Мандельштам Н. Я. 37–43, 373–378, 396
 Мандельштам О. Э. 40, 374, 396
 Медведев Р. А. 352
 Могила Петр, митр. 202
 Неизвестный Э. И. 352
 Нерлер Павел 377
 Никитенко А. В. 221
 Никодим (Ротов), митр. 393
 Никольский Константин, свящ. 99
 Огицкий Д. П. 32, 34, 36, 85
 Онисим (Фестинатов), еп. 32
 Орлов Ю. Ф. 352
 Осипов А. А. 10, 183
 Павел Алеппский, архидиак. 266
 Павлов Василий, диак. 371
 Палах Я. 21
 Парийский Л. Н. 34, 85, 121
 Пастернак Б. 207
 Пастернак Е. Б. 377
 Пастернак Е. В. 377
 Паустовский К. Г. 52
 Пестов Н. Е. 14
 Петр I, имп. 339, 366
 Пимен, патр. 315, 325, 332, 338, 341, 346, 382, 390–392, 316, 315, 321, 325, 332, 338, 341, 346, 382, 390–392

- Платон 60
Плиний Младший 75
Подъяпольский Г. 15
Покровская Ксения 3, 5
Покровский Лев 3, 5
Померанц Г. С. 256
Попов Владимир, свящ. 31, 39
Поттер Ф. 363, 393
Распутин Г. Е. 342
Регельсон Л. Л. 363, 364, 393, 394
Рерих Н. К. 43
Розанов В. В. 206
Роман Сладкопевец 65, 113
Романюк Василий, свящ. 16, 353, 355, 356, 394
Рубин В. А. 352
Сахаров А. Д. 13, 17, 21, 32, 33, 45, 313, 352, 359, 360, 362, 365, 368, 394
Серединский Тарасий, свящ. 137
Симеон, Новый Богослов, прп. 146
Симеон Солунский, свт. 99
Слинин Ярослав 28, 31
Солженицын А. И. 41, 44, 45, 47, 313, 315, 321, 322, 327, 336–339, 341–349, 382, 390
Соловьев Г. Н. 43
Соловьев В. С. 184, 185, 250, 331
Соловьев Д. Н. 82
Сталин И. 339, 349, 351, 383
Талантов Б. В. 326, 382, 383
Твердохлебов А. Н. 368
Творогов Л. А. 42, 43
Тихон (Беллавин), свт., патр. 223, 330, 384–388
Тихон Задонский, свт. 91
Товия (Остроумов), еп. 7
Толстой А. К. 211
Толстой А. Н. 45
Толстой Л. Н. 38, 60, 151
Тургенев И. С. 244
Турчин В. Ф. 352
Успенский Н. Д. 32, 62, 80, 98–100, 113, 176, 265
Фаррар Ф. В. 102
Феодор Студит, преп. 76, 108
Феодосий Печерский, прп. 55
Филарет (Денисенко) 395
Филарет (Дроздов), митр. 181, 233
Филипп, ап. 192–194
Филипп (Кольчев), свт., митр. Московский 336
Флоренский Павел, свящ. 157
Франк С. Л. 25
Франциск Ассизский 70
Фрезер Дж. 252
Хоружий С. С. 5
Цукерманн-Чиликина А. Н. 5
Чайковский П. И. 79
Чехов А. П. 95, 238, 284
Черный О. Е. 352
Шаронов В. И. 31
Шейнина Г. А. 16, 19, 23, 45
Шмеман Александр, свящ. 12, 21–23, 337, 338
Шмеман С. 21
Штейнберг А. 43, 44
Штемпель Н. Е. 41
Эшлиман Николай, свящ. 319, 339, 382–384
Юликов А. М. 5
Якунин Глеб, свящ. 24, 319, 339, 363, 364, 382–384, 393, 394
Яхонтов А. Н. 43

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей Бычков. «Я не могу жить без диалога»</i>	3
ЛИТУРГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	49
ПРИЛОЖЕНИЕ №1	
Божественная литургия, рецензированная по чинам древних литургий митрополита Антонина	287
ПРИЛОЖЕНИЕ №2	
Переписка священника Сергея Желудкова с А. И. Солженицыным по поводу «Великопостного письма»	313
Отклики из-за рубежа	335
Письма о. Сергея Желудкова А. Д. Сахарову.	351
Доктору Филиппу Поттеру, Генеральному Секретарю Всемирного Совета Церквей	363
К воспоминаниям об Александре Боярском	370
Письма Сергея Желудкова к Н. Я. Мандельштам	373
ПРИМЕЧАНИЯ	382
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	397

Священник Сергей Желудков ЛИТУРГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Верстка Любовь Панова

Формат 70x100/32. Гарнитура Петербург.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № .